

НОВАЯ ПОЛЬША 5/2014

Содержание

1. ЗАПАД ОТРЕАГИРОВАЛ СЛИШКОМ СЛАБО
2. ВОЙДУТ ЛИ НЕТО СОВЕТСКИЕ ТАНКИ В ПОЛЬШУ? 1
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
5. УЖАСНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БЕГА
6. К 70-летию со дня смерти ФАДДЕЯ ФРАНЦЕВИЧА
ЗЕЛИНСКОГО
7. ЖЕЛЕЗНЫЙ, КРОВАВЫЙ, ЧЕЛОВЕЧНЫЙ
8. ВИЛЯНУВСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ
9. Х ПАВИЛЬОН
10. СТИХОТВОРЕНИЯ
11. НЕНАЗВАННЫЕ ПРОСТРАНСТВА
12. ОТ КНИГИ МНЕ НУЖНО ВЫЗДОРОВЕТЬ
13. ЭНЕ, БЕНЕ, РАБА
14. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
15. Тадеуш РУЖЕВИЧ
16. ФЕНОМЕН СМАЖОВСКОГО
17. УТЕШИТЕЛЬНЫЕ ПЕСНОПЕНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯМ
СПОСОБСТВУЮЩИЕ
18. КОМПЬЮТЕРЫ ПРЯМО НА ГРАНИЦЕ
19. МЫ МОЖЕМ СТАТЬ ВТОРЫМ СИНГАПУРОМ

ЗАПАД ОТРЕАГИРОВАЛ СЛИШКОМ СЛАБО

Путин может заинтересоваться любым местом, где есть природные богатства, например, Казахстаном и Туркменистаном. Россия могла бы таким образом укрепить свое монопольное положение поставщика сырья, — утверждает бывший вице-премьер и министр финансов.

— Украина получит от МВФ целых 18 млрд долларов финансовой помощи при условии, что проведет определенные экономические реформы, в том числе ограничит бюджетную сферу, отпустит курс гривны и уменьшит субсидирование энергоносителей. Достаточно ли будет этих реформ и этой помощи, чтобы создать в Украине нормальную рыночную экономику?

— Реформы необходимы Украине. Соотношение бюджетных расходов и размера ВВП достигает там около 50%, то есть еще выше, чем в Польше и даже чем в гораздо более богатой Германии. На Украине одни пенсии поглощают 18% ВВП, и не потому, что они велики, а потому лишь, что пенсионный возраст низок. Украинский бюджет обременяют и большие субсидии на газ и тепло, который покупают домашние хозяйства. Эти доплаты приводят к росту импорта газа Украиной и в результате увеличивают ее зависимость от России. От этого можно и нужно уйти.

— Проблема состоит в том, что ограничение субсидий может вызвать общественное недовольство, что стало бы хорошим аргументом для России, чтобы «защитить» Украину от проевропейского курса.

— Это верно. Поэтому программа нового правительства не должна сводиться только к отмене субсидий. Это было бы рискованно, так как создавало бы для России удобный случай для дестабилизации ситуации на востоке Украины. Я считаю, что программа властей должна быть широкой и содержать, прежде всего, такие элементы, которые будут иметь одновременно политический и экономический смысл. В первую очередь речь идет о восстановлении государства. Это должны быть такие действия, которые пользовались бы поддержкой простых людей как на восточной, так и на

западной Украине, но при этом не оттолкнули бы всех олигархов. Новые власти не могут сражаться на всех фронтах.

— Не заблокирует ли необходимые реформы предлагаемый вами политический реализм?

Все, что необходимо сделать с фискальной точки зрения, а именно отменить субсидии, должно быть частью более широкой программы и идти в паре с защитой самых бедных слоев населения. Это уже давно сделано в странах Центрально-Восточной Европы, в том числе в Польше. В настоящее время больше всего выгоды из субсидий извлекают те, у кого самые большие дома, то есть люди богатые. Достаточно распределять пособия так, чтобы их получали, например, только те, у кого площадь не более 30 кв. метров. Многие считают: если положение на Украине плохое, то выйти из него не удастся. На самом деле, все наоборот: когда положение плохое, многое можно улучшить, если только будет соответствующая команда с политическими полномочиями.

— Значит, Украине не нужна шоковая терапия или быстрые и бескомпромиссные реформы?

— Я говорю, что реформы нужно проводить быстро и в широком пакете. Выражение «шоковая терапия» используется в Польше в качестве жупела — со стороны как Союза демократических левых сил, так и партии «Право и справедливость». Нужно заранее предвидеть, какие шаги могут вызвать негативную реакцию или спровоцировать действия России. Речь идет о том, чтобы самым трудным шагам сопутствовали перемены, смысл которых будет понятен всем. Должна быть устранена практика политического капитализма, разнообразных неформальных связей между отдельными крупными предприятиями и политиками. Это отравляет и политику, и экономику.

— Если размер серой зоны может служить некоей мерой предприимчивости, то украинцам этого качества не занимать.

— Да, но есть механизмы, которые приводят к тому, что людям более выгодно действовать именно в серой зоне. Речь идет, в частности, о притеснении предпринимателей распоясавшимися от безнаказанности чиновниками. Поэтому основной частью экономической реформы на Украине должна стать реформа государственных структур.

— А как вы оцениваете требование отпустить курс гривны? В стране, где правительство и общество в значительной мере имеют задолженность в иностранных валютах, это, видимо, опасный маневр?

— Нынешний валютный режим Украины, то есть, своего рода мягкая привязка гривны к доллару, хорошим не назовешь. И из такой системы есть два абсолютно разных выхода. Один — это путь, по которому пошла Польша, а потом, например, Турция: полностью свободный валютный курс и ориентированная на инфляционные цели денежная политика. Это оправдано, если центральный банк достаточно компетентен, а денежная политика достаточно дисциплинирована. Второй выход — это введение т.н. валютной палаты (жесткая привязка валюты страны к другой валюте и подчинение денежной политики этой цели — ред.). Это решение успешно реализует, среди прочих, Болгария, так что я в случае Украины не сбрасывал бы так сразу его со счетов. Правда, валютная палата требует очень твердой бюджетной дисциплины, ибо при ее отсутствии может произойти крах, как в Аргентине. Поэтому украинские власти вначале должны показать, что они будут способны гарантировать эту дисциплину.

— Какую роль в модернизации украинской экономики, помимо финансовой помощи, должен сыграть ЕС?

— Брюссель должен создать для Украины перспективу вхождения в Евросоюз — пусть довольно туманную, без указания сроков, как своего рода стимул для проведения реформ. Первым шагом должно стать подписание экономической части договора ассоциации между ЕС и Украиной.

— Многие жители Украины опасаются, что если на нынешнем уровне своего развития она начнет сильнее открываться для Европы, то экономика Украины будет скуплена.

— Опыт Польши и других стран, которые после 1989 г. открылись для торговли с Западом, показывает, что это увеличивает конкуренцию, которая необходима для модернизации экономики, для повышения ее конкурентоспособности. Посмотрите, как значительно расширился у нас экспорт на Запад. Закрыться от Запада означает стать Беларусью.

— Однако сегодня в Польше слышны сожаления, что из-за слишком быстрого открытия на Запад у нас нет

«национальных чемпионов», то есть сильных польских компаний.

— Страны, создавшие у себя таких национальных чемпионов, особенно в Латинской Америке под влиянием антикапитализма, получили бремя крупных неэффективных предприятий, представляющих собой анклавов партийного кумовства и расточительности. Потом от этого наследия необычайно трудно избавиться, что сегодня чувствуется, в частности, в Бразилии и Мексике. Те, кто в Польше выступает с такими лозунгами, либо невежды, либо цинично играют на националистической риторике, чтобы набрать больше политических очков, либо, наконец, хотят обладать собственными «Газпромами», из которых смогут черпать выгоды, внедряя туда своих людей, и т.п.

— Считаете ли Вы, что ответ Запада на аннексию Крыма Россией был достаточно сильным? Нужны ли новые санкции против России?

— Я считаю, что до сих пор реакция была недостаточно сильной. Мы знаем, что в 30-е годы XX века была совершена ошибка с недооценкой германской агрессии — не стоит повторять ее вновь. Лучше, чтобы на этот раз Запад исходил из худшего сценария. Если на агрессивный шаг Путина Запад не даст решительного ответа, то Путин может счесть, что окупятся и его следующие шаги.

— Какие?

— Путин может заинтересоваться любым местом, где есть природные богатства, например, Казахстаном и Туркменистаном. Россия могла бы таким образом укрепить свое монопольное положение поставщика сырья. Поэтому нужно подчеркнуть, что слишком нерешительная позиция Запада может иметь огромные негативные последствия. Заметьте, что вторжение России на Украину нарушает многие международные соглашения во главе с Будапештским меморандумом 1994 года. В силу этого соглашения Украина взамен отказа от ядерного оружия получила от США, Великобритании и России гарантии территориальной целостности. Если Запад не покажет России, что ее авантюра на Украине не окупится, ценность таких гарантий упадет до нуля. Разве в такой ситуации Иран откажется от атомных устремлений взамен гарантий? Или разве Япония не захочет обладать ядерным оружием, от которого когда-то отказалась именно в обмен на американские гарантии безопасности? Короче говоря, может начаться новая гонка вооружений.

— Ну, хорошо, понятно, зачем России богатые сырьем регионы, но Крым? Зачем Путину Украина?

— Мне не хочется спекулировать на тему мотиваций Путина. Достаточно правдоподобным я считаю тезис о том, что Путин просто пытается дестабилизировать Украину и затруднить, либо сделать невозможными там реформы, которые он сам заблокировал в России. Он явно не хотел, чтобы вблизи России появилось демократическое государство, раз он поддерживает в России недемократический режим. Я также не исключил бы чисто империалистических амбиций Путина. Очень интересно сравнение двух диктатур, а именно китайской и российской. Оказывается, что у диктаторов могут быть различные предпочтения. В Китае активно, даже чересчур активно, инвестировали в инфраструктуру, и теперь она у них, несомненно, весьма развита. Тем временем, в России дороги в ужасном состоянии. Деньги от эксплуатации сырья в большой степени уходят на такие мероприятия, как олимпиада в Сочи, и на социалку. Большая социальная нагрузка на российскую экономику — это одна из причин столь медленного ее развития, особенно по сравнению с Китаем.

— Сегодня часто говорится, что российская экономика страдает от санкций, но фактически ее развитие замедлилось еще до авантюры на Украине. Так, может быть, Западу, вместо того, чтобы вводить новые санкции и рисковать эскалацией кризиса, следует подождать, пока Путин не признает, что в нынешнем положении империализм ему не по карману?

— Из того факта, что российская экономика не слишком сильна, не обязательно следует, что Путин легко отступит. Вероятность отступления будет пропорциональна силе реакции Запада. Вместо спекуляций о том, что у Путина в голове, нужно увеличивать эту силу.

— Подписались бы вы под тезисом профессора Марека Бельки^[1] о том, что агрессивное поведение России в отношении Украины вносит поправки в расчет издержек и выгод от вступления Польши в зону евро, и поэтому нужно вновь продумать график вхождения в нее?

— Я не вижу никакой сильной связи между событиями на Украине и польскими планами относительно евро, как и между возможным вхождением Польши в зону евро и нашей безопасностью. В валютном союзе можно быть в ситуации Германии или Австрии, но можно оказаться и в положении Греции. Все зависит от степени реформированности экономики перед вступлением. Однако Польше нужны эти

реформы вне зависимости от планов, связанных с евро. Так что было бы хорошо, чтобы президент Белька больше обращал внимание на нужные Польше реформы.

— А следуют ли из беспорядков на Востоке еще какие-либо выводы для Польши?

— Я усматриваю два вывода. Во-первых, то, что и ранее было известно — а именно, ускорение реформ, без которых Польша будет двигаться к ползучей экономике — с учетом украинского опыта стало еще более важным. Где брать деньги, например, на совершенствование армии, если не из быстрого роста? Во-вторых, нужно оценить прежнее поведение относительно эксплуатации сланцевого газа. Было потеряно несколько лет при одновременной пропаганде «польского» сланца. Я считаю, что до сих пор это была одна большая болтовня. Много говорилось о том, куда пойдут деньги от добычи этого газа, но ничего не делалось. Верхом абсурда было то, как один из бывших министров понуждал государственные предприятия добывать сланец, а ведь известно, что для этого нужна некоторая компетентность: финансовая и технологическая. Почему до недавних пор заместителем министра, ответственным за сланцы, был Петр Возняк, которому приписывались инициативы, оставлявшие для сланцев мизерные шансы?

Лешек Бальцерович — польский экономист и политик, организатор и идейный вдохновитель польских экономических реформ, так называемой «шоковой терапии» — ускоренного перехода страны с плановой экономикой к рыночному хозяйству.

---

1. Марек Белька — президент Национального банка Польши. В 2004—2005 гг. был премьер-министром Польши — прим. пер.

ВОЙДУТ ИЛИ НЕТ СОВЕТСКИЕ ТАНКИ В ПОЛЬШУ? ¹

Статья Анатолия Марченко (1938–1986), известного правозащитника, заключенного и свидетеля ГУЛАГа, автора книги «Мои показания» публикуется впервые.

Ред.

Войдут или нет советские танки в Польшу?

На мой взгляд это зависит не только от желания или необходимости Москвы. Но мне легче ответить на поставленный вопрос, если его сформулировать по-другому: что может остановить советское руководство от рокового шага?

Только два фактора могут предотвратить!

- 1) Решимость и готовность поляков с оружием в руках защищать неприкосновенность своих государственных границ, свой суверенитет.
- 2) Готовность войск Запада и США, т. е. НАТО, прийти на помощь полякам в случае военного вмешательства СССР в польские дела.

Первый фактор хоть и серьёзен для СССР, но он не является решающим в отрыве от второго, и способен лишь заставить его крепко подумать и пожалеть о случившемся.

Второй же фактор – ответные военные акции войск НАТО — именно и решает сейчас всё. Москва сейчас ни за что не пойдёт из-за Польши на риск большой войны с Западом, с возможным перерастанием её в глобальную ядерную. Если, конечно, СССР не будет уверен на все 100% в своей победе. А победа – то эта, слава Богу, пока что исключена. Достаточно ли обоснован такой взгляд на эту проблему? Что даёт мне уверенность сделать вывод, что Москва не решится пойти сейчас на риск войны с Западом из-за Польши? Почему я считаю, что любые другие меры и действия стран свободного мира не только не предотвратят трагедии польского народа, а наоборот – бросят его под гусеницы советских танков?

За это говорит вся история развития государства нового типа – СССР с первых дней его образования и до наших дней. Для того, чтобы аргументированно доказать правильность своего взгляда на это развитие, показать, что гегемонизм, экспансия, экспорт революций, решение кризисов (Берлинского в 53-ем, Венгерского в 56-ом, Чехословацкого – в 68-ом) не какие-то зигзаги или вывихи руководства КПСС, его ошибки, а явления нормальные с точки зрения этого руководства и единственно верные для верных коммунистов-ленинцев, что эти методы уходят в корни нового общественного строя, составляют его основу отношений с соседями и с миром вообще – для этого необходимо начать обзор истории советского социализма с первого его дня. Потребуется вспомнить также и то, что говорил или писал на эту тему сам основатель и организатор первого в мире социалистического государства.

***

История коммунистической диктатуры в нашей стране достаточно определенно и чётко показала и продолжает показывать, что для коммунистов наиглавнейшая цель и задача всегда была и есть – захват власти любым путём, любыми средствами и не считаясь ни с кем и ни с чем с последующим стремлением теми же методами, любой ценой удерживать эту власть и не расставаться с ней, расширять её границы. Для Ленина и его преемников, последователей, как в нашей стране, так и за рубежом, власть всегда была самоцелью. Всё для них меряется одной меркой, ко всему один подход, для всего один критерий: как это скажется на их власти, Всё, что является помехой – под топор, подлежит уничтожению (желательно немедленному!)

И коммунисты никогда и ни во имя чего не поступятся властью. Лишь иногда, в силу необходимости или бессилия вынуждены делиться ею или разделять с другими – но только временно, до первой возможности узурпировать её. Польский вариант „многопартийности” не стоит внимания – это все равно, что признать сталинский или гитлеровский режим коллективным руководством только потому, что... Это отношение к своей власти коммунисты никогда не скрывали и не скрывают. (Выступления некоторых компартий Зап. Европы о том, будто бы они пересмотрели своё отношение к однопартийной системе при социализме в случае их прихода к власти я здесь не рассматриваю, так как ограничиваюсь пока разбором тактики и стратегии в вопросе о власти только правящих компартий).

Что такое для марксистов, захвативших власть в стране, воля большинства народа и его судьба?

Я приведу здесь лишь три примера известных всем, которые и покажут нам это:

1) «Мы готовы пойти на уступки крестьянству, на любые уступки. Но только до тех пор, пока это не угрожает нашей власти.» Ленин.

2) «Китайский народ – чистый лист бумаги, на котором легко писать иероглифы.»

Мао-Цзедун

3) «Из шести миллионов кампучийцев нам для нашего эксперимента хватит одного.»

Пол-Пот

Если истории уже известны масштабы репрессий и потерь народов в результате марксистского экспериментаторства в России, Китае, Кампучии и др., то у Европы и Америки с Канадой всё ещё впереди: „Цивилизованные и развитые страны пройдут через революцию с ещё большей беспощадностью и жестокостью” — Ленин.

Так что, свободные народы, „мужайтесь! Худшее впереди!”

Ленинское высказывание очень откровенно. Оно яснее ясного показывает, что это просто диктатура ничтожного меньшинства. Ведь речь идёт об уступке крестьянству, которое в то время составляло более 90% всего населения России. И вот этим – то 90% – ам большевики согласны в критической ситуации оказать милость – пойти на уступки „до тех пор...” Хороша народная власть!

Ну, а как Ленин представлял себе ситуацию „после тех пор”? Что он намерен был предпринять, как поступить с этим непослушным и не понимающим его народом? Уйти в отставку, признав несостоятельность своей внутренней политики, как это делают главы демократических правительств? Не для того Владимир Ильич захватывал власть. „Советская власть выше всех этих демократий...”

Крестьянская масса не созрела, не доразвилась до понимания его идей и поэтому её нужно „сначала убедить, а потом принудить!” А как принудить более 90% населения? Но нет таких крепостей, которых бы не смогли взять большевики!

И не страшит гениального экспериментатора, что его лаборатория это одна шестая часть суши, что в его руках не хлебное тесто и не глина и даже не „паровозик”, а 150 млн. живых людей.

Вот и жестокое подавление крестьянских выступлений с применением концлагерей не для военнопленных или преступников, а для заложников – мирного сельского населения, чьи родные и близкие с оружием в руках встали против красной тирании на защиту своего естественного права жить.

Что может сравниться с этим способом „управлять” страной? В истории самых деспотических режимов подобного не найти. Даже восточные правители, забиравшие у своих подвластных правителей соседей их детей к себе, чтоб предотвратить измену и предательство их отцами – не в счёт. Как не в счёт и жестокие расправы татаромонголов с бунтами и непослушанием на Руси. Все эти примеры иноземных поработителей.

А Тухачевский – палач восставшего крестьянства, преступник, пользующийся самым бесчеловечным способом войны – взятием заложниками ни в чём не повинного мирного населения и содержанием их в концлагерях – становится любимцем Ленина.

Всякий раз, когда ситуация для советской власти складывается критически, большевики принимают самые «драконовские» (выражение Ленина) меры: то против крестьян, то против солдат, то вообще против народов советской России. И всё это прикрываясь интересами этих же народов. Ильич в таких случаях закликает: «Да все сознательные трудящиеся скажут: лучше мы все погибнем, чем...»

Не то ли же самое вопил бесноватый Гитлер, когда оказался перед неотвратимой расплатой за все его злодеяния перед человечеством: «Раз нация оказалась недостойной меня, она должна исчезнуть!»

***

Незавершенный черновик А.Т. Марченко был, вероятнее всего, написан в начале 1981 года; он был изъят на обыске 17 марта 1981 года, в день последнего ареста Марченко. Наряду с опубликованными произведениями и несколькими другими неопубликованными черновиками он лег в основу приговора 1981 года. Вот как оценил этот текст Владимирский областной суд: «В январе – феврале 1981 года в городе Карабаново

Марченко А.Т. подготовил для распространения антисоветские материалы под названием „Войдут или нет ... танки в Польшу”, в которых с враждебных позиций рассматриваются взаимоотношения СССР со странами социалистического содружества, возводится злостная клевета на КПСС и ее основателя, порочится Советский государственный и общественный строй».

После суда текст, считавшийся вещественным доказательством, хранился в материалах следственного дела Марченко. В середине 90-х годов он, вместе с другими «доказательствами», был передан родственникам автора и с тех пор хранится в семейном архиве.

В «Деле Марченко» имеется два почти идентичных текста — рукописный (т.5, л.д.238–341) и машинописный (т.5, л.д.213–217). Для настоящей публикации использовалась машинописная версия: по всей видимости, она является более поздней. Кроме того, именно на эту версию ссылается суд в приговоре 1981 года.

Марченко, известный в основном по автобиографическим произведениям («Мои показания», «От Тарусы до Чуны», «Живи как все»), интересовался взаимоотношениями между СССР и Западом. Являясь убежденным антикоммунистом, он считал, что внешняя политика Советского Союза на протяжении всего его существования определялась стремлением КПСС, с одной стороны, удержать власть внутри страны и, с другой стороны, максимально расширить сферу советского влияния. В текстах, посвященных проблемам внешней политики (см., например, статью «Третье дано». Континент, №9, 1976 г., стр.84–122, в соавторстве с М.Тарусевич (псевдоним Л.Богораз)), Марченко резко критиковал позицию западных лидеров и общественных деятелей, выступавших за «мирное сосуществование» с СССР. По его мнению, «мирное сосуществование», «разрядка» угрожали «не только гражданам СССР, не только братским странам, но всему миру».

Павел Марченко

-
1. Печатается по «Делу Марченко», т.5, л.д.213–217. Заголовок составителя

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• 25 мая в Польше состоятся выборы в Европейский парламент. «Опросы, проведенные в 2013 г. Институтом общественных отношений, показали, что 70% поляков не в состоянии назвать фамилии ни одного депутата Европарламента. Остальные же в основном называли Ежи Бузека. (...) Большинство опрошенных не смогли рассказать ни об одном принятом Европарламентом решении. (...) Каждый второй не знал, что депутаты Европейского парламента выбираются гражданами, а не, к примеру, делегируются Сеймом. (...) Опросы ЦИОМ показывают очень низкий (ок. 30%) интерес к этим выборам. К избирательным урнам планируют прийти 38% опрошенных поляков. (...) 10 лет назад поляки вошли в ЕС как в содружество западных демократий, гарантирующих международную безопасность и стабильность. (...) Осенью 2013 г. из вышеупомянутого опроса Института общественных отношений складывался образ поляка, для которого ЕС — лишь машина по раздаче денег да всевидящее око, следящее за нечистыми на руку польскими властями. (...) Революция на Украине и интервенция России в Крыму полностью изменили эту тенденцию. (...) В момент угрозы (82% поляков, опрошенных ЦИОМом, считают, что развитие ситуации на Украине имеет для их страны большое значение; 72% полагают, что происходящее в соседней стране представляет угрозу и для Польши) принадлежность к ЕС вновь стала восприниматься как гарантия нашей безопасности. Одновременно поляки вспомнили, что членство в Евросоюзе может восприниматься как ценность, поскольку открывает перед человеком совсем другой, гораздо лучше устроенный мир, даже если в нем далеко не всё идеально. И благодарить за это надо украинцев, потому что именно они решили бороться за свою независимость с флагами ЕС в руках», — д-р Яцек Кухарчик, д-р Агнешка Лада. («Bloomberg Businessweek Polska», 31 марта — 1 апр.)

• «Газета выборча» опубликовала полный текст послания Владимира Путина по случаю присоединения Крыма к Российской Федерации. «Мы считаем, что читатели «Газеты выборчей» имеют право получить информацию из первых рук. Читатели сами отлично разберутся, что за документ перед ними. Мы перевели для вас это послание с русского языка. (...) И

забывать этот текст мы не должны! Нужно прочитать его внимательно, а лучше два раза, чтобы последующие события не удивили нас. Того мира, к которому мы успели привыкнуть за 25 лет, более не существует. Наступил конец самой выгодной за всю историю геополитической конъюнктуры для Польши. (...) Поэтому мы публикуем выступление Путина, чтобы уже никто не мог сказать: “Я этого не знал!”», — Ярослав Курский. («Газета выборча», 22-23 марта)

- «Под удар поставлены основы миропорядка. (...) И последствий предвидеть до конца не могут ни россияне, ни западные лидеры. Пройдут годы, и историки скажут, что этого скатывания к катастрофе можно было избежать», — Адам Даниэль Ротфельд. («Газета выборча», 26 марта)

- «Россияне поддерживают Путина. Согласно последним опросам общественного мнения, 88% россиян поддерживают аннексию Крыма, а 76% высказываются за возможное присоединение к России и других регионов Украины. (...) Началась война: финансовая, информационная, кибернетическая. Уже раздались первые выстрелы, войска находятся в боевой готовности. И поляки должны это понимать...», — Александр Бондарев. («Жечпосполита», 5-6 апр.)

- «Украина переживает раздел своей территории, да и само ее существование теперь под большим вопросом, Молдавия находится в смертельной опасности, над странами Балтии нависла серьезная угроза. Под ударом оказалась Польша и другие страны бывшего советского блока. (...) Путин продемонстрировал, насколько хрупкой, опирающейся лишь на международные нормы (либо на консенсус великих держав, которого как раз и не хватило), оказалась наша вера в право наций на самоопределение, да что там, в существование «нации» как таковой», — Войцех Станиславский. («Жечпосполита», 7 апр.)

- Фрагменты интервью с Лехом Валенсой: «Не может быть свободной и безопасной Польша без свободной Украины. (...) Первая ошибка Запада стоила Польше пятидесяти лет коммунизма. Западная Европа и США совершают ту же самую ошибку в отношении Украины. (...) Мы не должны соглашаться с появлением нового «железного занавеса». Мы не можем отдать Украину и согласиться на ее раздел. (...) Мир не может оставить все как есть, потому что это плохо кончится для всех нас. (...) Нельзя нарушать законы, договоры и угрожать безопасности целых наций. (...) Конфликт абсолютно реален, поскольку мы имеем дело с безумцами. Но если мы от него

уйдем, то заплатим за это огромную цену. Конечно, и здесь, и там мы можем набить себе немало шишек. (...) Мы должны честно сказать Обаме, что он виновник этой ситуации, поскольку, если бы он не отказался от идеи противоракетного щита, мы жили бы сегодня в совершенно иных реалиях».
(«Жечпосполита», 4 апр.)

• «Я уже много лет слежу за российской заграничной политикой, и вижу, что она все больше начинает напоминать заграничную политику бывшего СССР, становясь по этой причине крайне опасной для своих соседей. (...) Мы должны защищать свое право на мир и покой. И если сегодня сам Путин заявляет, что мы обучали украинских радикалов, которые несут ответственность за гибель людей на Майдане, то это следует воспринимать как открытую угрозу. (...) Сегодня Россия является агрессором. И это еще будет иметь долгие и серьезные последствия», — сенатор Влодзимеж Цимошевич, экс-премьер, экс-министр юстиции и иностранных дел.
(«Жечпосполита», 18 марта)

• «Брезжит рассветом неизлечимый мир», — Рышард Крыницкий. («Жечпосполита», 7 апр.)

• «Владимир Жириновский заявил с трибуны Госдумы: “Наступило время, когда не только мы должны вернуть под свою юрисдикцию российские территории. Как известно, земли Западной Украины в свое время принадлежали Польше, и теперь самый подходящий момент снова сделать их польскими. Сразу же исчезнут любые проявления западноукраинского национализма, фашизма и расизма. Пусть поляки этим займутся”». (Войцех Мазярский, «Газета wyborча», 20 марта)

• «17 марта в посольство Польши в Москве поступило письмо Владимира Жириновского от имени возглавляемой им парламентской фракции ЛДПР, содержащее предложение о разделе Украины. Согласно предложенной идее, референдум во Львовской области Западной Украины должен решить вопрос о присоединении этого региона к Польше, в Черновцах — о присоединении к Румынии, на Закарпатье — к Венгрии».
(Томаш Белецкий, «Газета wyborча», 24 марта)

• Фрагменты интервью с министром внутренних дел Бартломеом Сенкевичем: «Мы имеем дело с самым масштабным кризисом в истории независимой Польши за те 25 лет, что прошли с момента ее возникновения. (...) Наш сосед находится в состоянии своеобразной «холодной войны». (...) Комендант Пограничной службы Польши постоянно

контактирует со своим коллегой с украинской стороны Николаем Литвином. (...) Мы не исключаем ситуацию, при которой отдельные фрагменты наших границ могут оказаться обнажены. (...) Часть украинских пограничников с западных рубежей была перебросена в другие регионы. (...) Мы готовы принять на себя ответственность за полную охрану польско-украинской границы, если такая потребность возникнет. (...) Не будем забывать, что российская сторона может попытаться развернуть свою активность и на территории Польши». («Газета выбора», 21 марта)

- «Агентство внутренней безопасности задержало двух человек, подозреваемых в шпионаже. По неофициальной информации, это белорусы, работающие в интересах России. (...) Шпионы планировали заниматься сбором информации о польских военных объектах. Было решено их задержать, поскольку они "усилили свою активность" в связи с последними событиями на Украине». («Газета выбора», 13 марта)

- «Польское консульство в Калининграде выдало в прошлом году 300 тысяч виз и карт малого приграничного движения. У каждого третьего жителя Калининграда сегодня имеется документ, разрешающий въезд в Польшу. (...) Движение на пограничных переходах не уменьшилось. (...) Но какой-либо позитивный диалог прекратился. (...) В Калининграде царит "головокружение от успехов", а по польской стороне границы люди задумываются — а не нападут ли они на нас? Российское меньшинство в Варминско-Мазурском воеводстве составляет около четырехсот человек. Вроде бы все у них хорошо, может быть, им и не придет в голову жаловаться своему президенту. Вот уже несколько дней все чаще с севера слышались артиллерийские залпы, (...) возле границы проходили учения. И ничего страшного не произошло». (Ягенька Вильчак, «Политика», 26 марта — 1 марта)

- «Я не хочу сказать, что ситуация на Украине угрожает Польше. (...) Я хотел бы сказать полякам: у вас нет оснований бояться. У нас хорошие, стабильные экономические связи. Мы можем много потерять, а это не в наших интересах. (...) Я думаю, что существует две Польши: Польша политиков, и там наши отношения действительно сложны, и Польша простых людей, где я, как россиянин, чувствую себя хорошо и никогда не испытывал какого-либо дискомфорта. И эту исключительную ситуацию мы должны использовать. Русскому человеку в Польше хорошо. И такими же позитивными ощущениями делились со мной поляки, посещавшие Россию. (...) Я согласен с премьер-министром Туском, который сказал, что польско-

российские отношения формируют геополитическую ситуацию во всей Европе. (...) Война совершенно невозможна», — посол России в Польше Александр Алексеев. («Польска», 24 марта)

• «Польша — это самая русофобская страна в мире. (...) В Польше уже давно продолжается антироссийская кампания. Нет таких польских СМИ, которые бы хорошо отзывались о России, за исключением разве что еженедельников "Пшеглэнд" и "Не". Ситуация с Крымом лишь усилила эту тенденцию», — пресс-атташе посольства России в Польше Валерия Пержинская. («Ньюсуик-Польска», 24-30 марта)

• «Только партия Лешека Миллера не критикует Россию за аннексию Крыма. (...) "По нашим данным, каждый третий поляк не хочет осложнения отношений с Москвой. И эти люди — наш потенциальный электорат", — утверждает коллега Миллера». («Жечпосполита», 20 марта)

• «Лешек Миллер сказал мне однажды: "Я всегда буду за Путина". В польской политике есть постоянное пророссийское лобби, в котором хватает крупных фигур из бывшего истеблишмента. (...) У нас в последнее время появились разные польско-российские организации, которые весьма негативно относятся к антипутинской оппозиции в России. Ну, и есть еще пара профессоров...», — Кристина Курчаб-Редлих. («Впрост», 24-30 марта)

• «Российский журналист Филипп Леонтьев сказал как-то о Матеуше Пискорском, что тот "их политик и агент влияния". (...) По мнению агентства ИТАР-ТАСС, Пискорский по просьбе главы крымской автономии в ходе референдума руководил работой делегации заграничных наблюдателей, в составе которой было более 130 человек. Российские СМИ представили его не как бывшего депутата, а как действующего представителя польского парламента. Представителя, который назвал нынешнюю киевскую власть «путчистами» и со знанием дела заявил, что в ходе референдума о присоединении Крыма к России не было зафиксировано никаких нарушений». (Куба Доброшек, «Польска», 17 марта)

• «"Польский МИД (так же, как ЕС, ОБСЕ и США) не признает легитимности крымского референдума и не допускает возможности участия в наблюдении на нем". (...) Из Польши, кроме депутата Адама Кемпинского из Союза демократических левых сил, в Крым в качестве наблюдателя поехал также Матеуш Пискорский, бывший депутат от партии "Самооборона Республики Польша"». (Петр Гузик, «Газета wyborcza», 17 марта)

- «Маршал Сената Богдан Борусевич отменил Форум регионов Польши и России в связи с российской агрессией в Крыму. Форум должен был пройти 15–16 апреля в Гданьске. Вот уже пять лет он организуется совместно с российским Советом Федерации как крупнейшая встреча деятелей местного самоуправления обеих стран. Борусевич (...) также проинформировал, что Сенат образовал финансовый резерв в размере 3 млн злотых, предназначенный для молодежного обмена с Украиной». («Газета wyborcza», 27 марта)
- Фрагмент беседы с Кристианом Люпой. «Яцек Томчук: “В России Вас считают театральной звездой мирового уровня. Почему Вы отказались от поездки в Петербург и Москву?”. Кристиан Люпа: “А как можно думать о театре в такой паршивой ситуации? (...) В течение многих лет поездки в России всегда очень радовали меня, у меня по этой стране своеобразная ностальгия. Но в последнее время я начинаю бояться Россию”». («Ньюсуик-Польша», 10–16 марта)
- «В связи с напряженной ситуацией на Украине два специальных самолета НАТО, оборудованные системой раннего предупреждения и оборудования АВАКС будут патрулировать воздушное пространство Польши и Румынии. (...) Самолеты могут отслеживать обстановку на площади свыше трехсот тысяч квадратных километров». («Наш дзенник», 13 марта)
- «Совещание руководящих кадров польских вооруженных сил прошло в контексте украинского кризиса и российской аннексии Крыма, совершенной с участием военных. (...) Во время совещания президент Бронислав Коморовский предложил назначить главнокомандующего вооруженными силами. (...) Главнокомандующий назначается президентом по предложению премьера в случае войны. “Эти решения не будут связаны с предполагаемыми угрозами в отношении Польши”, — предупредил Коморовский. (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 27 марта)
- «В связи с событиями на Украине министр национальной обороны Томаш Семонык (...) заявил о возможном форсировании программы закупки системы противоракетной обороны». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 27 марта)
- «Польское оборонное ведомство создает две организации, которые вскоре станут играть большую роль в обеспечении безопасности государства, чем тяжелая бронетехника и даже авиация. Первая — это Инспекторат имплементации инновационных технологий, который будет работать над самыми современными технологиями для армии. (...) Также

важным шагом станет создание Национального центра технологии при Военно-технической академии. (...) Центр разработает современную систему безопасности, находящуюся под контролем государства». (Эдита Земла, «Тыгодник повшехный», 6 апр.)

- Польша закупила «программное обеспечение для слежки за компьютерами, прослушиванием телефонных переговоров, чтения корреспонденции, вычисления данных и паролей, а также дистанционного включения видеокамеры. Продавцом выступила фирма Hacking Team, которая поставляет свое оборудование исключительно правительственным организациям». («Тыгодник повшехный», 6 апр.)

- «Доктрина Коморовского (...): Первое — смещение приоритетов с внешних задач (военные миссии), реализуемых за пределами Польши и НАТО, на задачи, связанные с безопасностью собственной страны. (...) Второе — разъяснение представителям власти и обычным полякам того факта, что безопасность Польши зависит прежде всего от нашей собственной обороноспособности. Третье — польский военный потенциал необходимо направить в первую очередь на защиту нашей территории. (...) Четвертое — эффективно воздействовать на разработку доктрины и планов ЕС и НАТО в соответствии с собственными национальными интересами. (...) Основные направления модернизации вооруженных сил (...): воздушная и противовоздушная оборона, новые вертолеты, опознавательные системы (в том числе беспилотные платформы), командование и связь. (...) Программы увеличения ударного потенциала: самонаводящиеся снаряды и ракеты, (...) повышение способности к деятельности в киберпространстве. (...) Приоритеты, определенные в 2011 г., тем более актуальны в свете украинско-российского конфликта», — генерал Станислав Козий, начальник Бюро национальной безопасности. («Жечпосполита», 28 апр.)

- «По мнению профессора Юзефа Марчака из Академии национальной обороны, в массовом порядке стали появляться общественные организации, которые самостоятельно осуществляют военную подготовку. Это организации харцеров, общества «Стшелец», «Легия Академицка» и др. В 220 школах постгимназической ступени 20 тыс. учеников занимается в так называемых «военных классах»». (Марек Домагальский, Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 13 марта)

- «Наша армия слишком малочисленна, чтобы отразить первый удар. Мы не в состоянии выдержать атаку с двух-трех направлений, ведь нужно иметь в виду, что скорее всего

россияне ударят одновременно со стороны Калининградской области, Беларуси и Украины. (...) Поход на Варшаву занял бы у них три-четыре дня. (...) С теми силами, которые у нас есть, мы не в состоянии выполнить нашу основную задачу по обороне страны. (...) Если бы войска наших союзников в Европе были бы проинформированы достаточно оперативно и находились в боевой готовности, их переброска в Польшу заняла бы около двух-трех недель. (...) Если же говорить об американской армии, то этот срок растянулся бы на три месяца», — генерал Вальдемар Скшипчак, бывший командующий сухопутными войсками, бывший заместитель министра национальной обороны. («Супер экспресс», 13 марта)

- «Не надо делать вид, что ничего не происходит. Поскольку события разворачиваются самые драматические. Но если вы спрашиваете, что мне подсказывает моя интуиция относительно возможной войны — думаю, сейчас такой угрозы нет, но появиться она может в любой момент», — заявил в субботу по каналу TVN премьер Дональд Туск. («Жечпосполита», 7 апр.)

- «То, что нарушает безопасность Польши, нарушает безопасность Германии. Это очевидно», — подчеркнула вчера Ангела Меркель во время своего визита в Варшаву. («Дзенник — Газета правна», 13 марта)

- «На несколько часов в Варшаву с официальным визитом прилетел вице-президент США Джо Байден. Он встретился с Дональдом Туском и Брониславом Коморовским, была и отдельная встреча с президентом Эстонии Тоомасом Хендриком Ильвесом. Затем Байден отправился в Вильнюс на встречу с лидерами Литвы и Латвии. “Не сомневайтесь, США выполняют свои обязательства, мы всегда их выполняем”, — заявил Байден. (...) Крейг Кеннеди, президент американского «German Marshall Fund»: “Вопрос лишь в том, насколько быстро в случае угрозы это произойдет и в каком объеме”». (Ежи Белецкий, «Жечпосполита», 19 марта)

- «12 марта один из госпитализированных в больницу Жешува украинцев, 52-летний Василь Аксенин, умер от ран. Он был предпринимателем из Черновцов. В общей сложности Польша приняла более ста раненых украинцев. Их лечили за счет польского МИДа в больницах Подкарпатья, Люблинского воеводства, в Кракове и Варшаве». (Анна Горчыца, «Газета wyborча», 19 марта)

- «С января по апрель фонд “Открытый диалог” собрал в пользу Украины свыше 530 тыс. злотых. Эти средства будут потрачены

также и на медицинскую помощь». («Жечпосполита», 8 апр.)

• «В Киеве Радослав Сикорский беседовал с министром иностранных дел Украины Андреем Дешицей в том числе и о визах для украинцев, въезжающих на территорию ЕС. Он предупредил, что польское консульство в Одессе, которое с недавних пор обслуживает также и Крым (представительство в Севастополе было эвакуировано), будет выдавать эти визы исключительно лицам с украинскими паспортами. На визы не смогут рассчитывать те, кто отказался от украинского гражданства в пользу российского. (...) Дешица, искренне взволнованный, поблагодарил Сикорского и в его лице весь польский народ за поддержку украинской революции. (...) В Одессе Сикорский встретился в том числе и с представителями областной администрации. (...) Визит польского министра рассматривался как элемент дипломатической поддержки Украины. “Это не случайность, что на прошлой неделе глава немецкого МИДа Франк-Вальтер Штайнмайер был в Донецке, а я сегодня нахожусь в Одессе”, — заявил Сикорский. (Михал Вильгоцкий, «Газета wyborcza», 27 апр.)

• «По данным Министерства труда, в 2013 г. с Украины в Польшу приехало работать 217 571 человек. (...) В 2012 г. у нас работал 223 671 украинец. (...) В 2011 в Польшу прибыло 153 779 граждан Украины. “Это капля в море наших потребностей (...)”, — говорит профессор Кристина Иглицкая». («Жечпосполита», 22–23 марта)

• «Личное приглашение оказать помощь в реформировании Министерства внутренних дел, спецслужб и милиции от первого вице-премьера Украины Виталия Яремы получил полковник Аркадиуш Леткевич, который до недавнего времени был вице-шефом польской полиции. (...) Замглавы украинского правительства Владимир Гройсман будет принят президентом Польши Брониславом Коморовским, он также встретится с вице-премьером Эльжбетой Беньковской и министром администрации и цифризации Рафалом Тшасковским. (...) Польша окажет экспертную и финансовую помощь в создании новой Украины, (...) а также поможет в реструктуризации государственных финансов и взаимоотношениях с МВФ и Всемирным банком». (Роберт Зелинский, «Дзенник — Газета правна», 20 марта)

• «Чтобы украинцы могли заплатить свой внешний долг России, достаточно, чтобы каждый гражданин ЕС предназначил на это сто злотых. Мы с мужем пенсионеры, но с удовольствием бы поделились своими деньгами», — заявляет наша постоянная читательница. («Газета wyborcza», 4 апр.)

• «“Польские эксперты помогут Украине в реформе местного самоуправления. Координатором команды экспертов будет Мартин Свенцицкий, министр в правительстве Тадеуша Мазовецкого”, — проинформировал вчера во время визита в Киев глава канцелярии президента Яцек Михаловский. В группе экспертов находится один из авторов польской реформы местного самоуправления, профессор Ежи Регульский, а также вице-министр финансов в правительстве Мазовецкого, специалист по бюджетной политике Войцех Мищонг. (...) Это ответ на форсируемый Россией постулат о том, что Украина должна стать федеративным государством — форсируемый, поскольку россиянам прекрасно известно, что федеративность Украины спровоцировала бы отделение очередных регионов. Мартин Свенцицкий заявил, что Польша предложит такую реформу, которая передаст часть властных полномочий на места, но при этом предотвратит откалывание регионов от Украины». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 4 апр.)

• «Украина потеряла Крым. Польша теперь должна обеспечить суверенитет и нерушимость границ оставшейся территории Украины, а также помочь стране успешно пройти через тяжелый период глобальных реформ. Украина и Молдавия заслуживают в перспективе стать членами ЕС и НАТО. (...) Наша сегодняшняя задача — сделать так, чтобы новый «железный занавес», разделяющий Европу, оказался как можно дальше от нас». (Бартош Вегларчик, «Жечпосполита», 2 апр.)

• Российско-украинский конфликт «может привести к усилению единства в Европе. (...) Так что я вижу во всем этом как потери, так и приобретения. Во-первых, более реальной станет энергетическая безопасность, а во-вторых — ЕС будет более чутко относиться к проблемам своих восточных стран-участниц. (...) Санкции я бы отнес к потерям. (...) Они были бы болезненны для обеих сторон, но в большей степени всё-таки для России, которая на 40% своего внешнего товарооборота зависит от европейского рынка. В то время как лишь 7% экспорта и 11% импорта ЕС зависят от российского рынка. (...) В Киеве с украинским премьером Арсением Яценюком мы согласовали целую дорожную карту. Чтобы оградить Украину от энергетического шантажа, мы обеспечим на границе со Словакией возможность транспортировки газа в обратном направлении — в сторону Украины (точно такие же возможности появятся и на польско-венгерской границе). Мы отменим таможенные пошлины на 371 артикул украинских товаров, экспортируемых в страны ЕС, что значительно поможет украинскому бизнесу. Мы также существенно облегчим визовый режим. Премьер Яценюк подписал

несколько законов, которые фактически прокладывают дорогу безвизовому режиму, который уже действует в отношениях ЕС и Молдавии. Все этому сопутствует антикоррупционная программа», — Януш Левандовский, комиссар ЕС по вопросам финансового планирования и бюджета, бывший министр приватизации. («Газета wyborча», 2 апр.)

- «Европейский парламент вчера проголосовал за одностороннее введение зоны свободной торговли с Украиной. Решение вступит в силу через несколько недель и будет действовать до 1 ноября. (...) Брюссель надеется, что к 1 ноября уже будет подписано соглашение об ассоциированном членстве Украины в ЕС». (Из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 4 апр.)

- «Вывод из украинского кризиса можно сделать один: Польша должна стать еще более важным элементом общей европейской архитектуры, в том числе и ценой перехода на евро. (...) После того, как Россия показала свое истинное лицо, у нас появилась редкая возможность проводить рассудительную энергетическую политику усилиями целой Европы. Благодаря этому укрепилась бы и наша безопасность, и наша конкурентоспособность, а различные представители сырьевой клептократии потеряли бы часть своих средств, которые они используют в борьбе против интересов свободного мира», — Радослав Сикорский, министр иностранных дел. («Тыгодник повшехный», 23 марта)

- «Перед вильнюсской встречей в верхах (ноябрь 2013 г. — ред.) такие страны, как Франция или Италия считали, что польская идея Восточного партнерства имеет смысл, но не воспринимали ее всерьез. Зато у польской дипломатии с самого начала был четкий, продуманный и ясный план, который она последовательно внедряла. Поэтому, при определенной поддержке Германии и Швеции, именно Польша, по сути, оказала самое большое влияние на восточную политику всего Евросоюза», — Камилл Гранд, директор парижского Фонда стратегических исследований. («Жечпосполита», 24 марта)

- «Наш экспорт на Украину составляет менее 3% всей зарубежной активности польских фирм. И, разумеется, сейчас он может снизиться еще больше, примерно в половину, так что мы можем потерять от 1 до 1,5% польского экспорта. Объем приличный, но это не трагедия. Более серьезным затруднением могут стать перебои в наших экономических отношениях с Россией. Самой же крупной проблемой окажутся нарушения в поставках газа, но такой сценарий не кажется мне вероятным. Мы также определенным образом зависим от России в

контексте экспорта наших продуктов питания на российский рынок. Недавно россияне ввели эмбарго на польскую свинину, что было, мягко говоря, не совсем адекватным решением. Но я пока бы не сгущал краски», — профессор Марек Белка, президент Национального банка Польши. («Bloomberg Businessweek Polska», 31 марта — 1 апр.)

• «Значительная часть поляков (58%) по-прежнему считает, что польское правительство проводит правильную политику относительно событий на нашей восточной границе. Недовольна же политикой правительства одна треть опрошенных (31%). (...) По данным же предыдущего опроса, политику правительства поддерживал 71% респондентов. (...) Что же такого произошло всего лишь за месяц? В первую очередь, россияне перестали делать вид, что не вмешиваются с оружием в руках в дела Украины. (...) Кроме того, премьер-министру не удалось убедить важнейших игроков ЕС в необходимости совместных закупок энергетического сырья в России, поскольку это могло бы привести к риску энергетического шантажа со стороны Путина. (...) Согласно ежемесячному опросу ЦИОМа относительно доверия политикам, премьер оказался на четвертом месте, ему доверяют 41% поляков, что составляет рост на 6% по сравнению с февралем. Значительно укрепил свои позиции находящийся на втором месте в рейтинге министр иностранных дел Радослав Сикорский — ему доверяют 54% опрошенных (рост на 9%). Туск и Сикорский сделали больше всех для формирования политики Польши в отношении Украины. Им помогал президент, доверие к которому также выросло — он и открывает рейтинг популярности, поскольку ему доверяют 75% поляков (рост на 4%)». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 25 марта)

• «Вчера в присутствии Бронислава Коморовского был представлен отчет Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) относительно ситуации в польской экономике. (...) Отмечены позитивные явления (...): сильный и хорошо капитализированный банковский сектор, снижение внешнеторгового дефицита, высокая динамика экспорта, невысокий уровень задолженности домашних хозяйств и предпринимательских структур. Беспокоящие тенденции: значительный уровень безработицы, низкий показатель профессиональной активности, рост рентабельности казначейских облигаций (то есть процентной ставки нашей задолженности), серьезная зависимость экономики от зарубежных источников финансирования, (...) самая высокая среди стран ОЭСР степень участия

государственного сектора в экономике, слабая по сравнению с другими странами конкуренция во многих сегментах рынка». (Витольд Гадомский, «Газета выборча», 11 марта)

- «Общий долг правительственных организаций и органов самоуправления в конце 2013 г. достиг 934 млрд злотых, что составило 57,2% ВВП, сообщило Министерство финансов. Это самый высокий уровень, который когда-либо был зафиксирован. По сравнению с 2012 г. задолженность увеличилась на 5,3%, то есть на 47,14 млрд злотых». («Жечпосполита», 1 апр.)

- «По данным Министерства финансов, за десять лет членства в ЕС Польша получила от Брюсселя 61 млрд евро «чистыми», главным образом в рамках политики так называемой «экономической общности», а также совместного сельскохозяйственного развития. В перерасчете на среднестатистического жителя страны это 1,6 тыс. евро на человека. Общая сумма дотаций ЕС составила 92,4 млрд евро, в свою очередь, Польша перечислила в бюджет Евросоюза 31,4 млрд евро. Суммы, полученные нами от ЕС, сравнимы с теми, которые страны Западной Европы получили после Второй мировой войны в рамках «плана Маршалла», утверждает профессор Витольд Орловский». (По материалам «Жечпосполитой» от 18 марта и «Тыгодника повшехного» от 30 марта)

- «19,5% нашего ВВП произведены на уровне теневой экономики. (...) Оборот неконтролируемой государством экономики в этом году составит 350 млрд злотых. (...) По оценкам Института исследований рыночной экономики, объем теневого рынка больше, чем тот, о котором сообщает Главное управление статистики, насчитавшее 12-13% ВВП». (Анна Цесля, «Жечпосполита», 12 марта)

- «По данным Государственной инспекции труда, в прошлом году целых 53% работодателей нарушали законодательство о приеме на работу. (...) (в 2011 г. их было 50%). (...) Факты приема на работу без договора, несообщения данных о работнике в Управление социального страхования, а также сокрытия от трудовой инспекции факта о приеме на работу безработного выявлены в каждой пятой подвергшейся проверке фирме (20,2%)». (Бартош Сендрович, «Газета выборча», 4 апр.)

- «В последние годы наш торговый рынок сокращается не только по причине экспансии дисконтных сетей (а также растущей популярности интернет-покупок). В 2013 г. рынок розничных продаж сократился почти на 6 тыс. магазинов. По

сравнению с предыдущим годом это снижение на 1,9%. (...) Быстрее всего сокращается рынок небольших продовольственных пунктов, свыше 3,6 тыс. таких магазинов прекратили свое существование, что означает снижение на 4,4% по сравнению с 2012 годом. (...) Множество магазинов продолжают функционировать независимо от объемов выручки, поскольку часто это единственное место работы для владельца магазина или даже всей его семьи. Так что они скорее скрывают факт безработицы, нежели позволяют этим лицам получать реальные доходы». (Петр Мазуркевич, «Bloomberg Businessweek Polska», 17–23 марта)

- «Польским железным дорогам сегодня принадлежит около 2,5 тыс. вокзалов, однако работают из них только шестьсот, и это в основном связано с небольшим объемом железнодорожных перевозок. Перевозчики, в свою очередь, отказываются от билетных касс, а без них вокзал практически перестает использоваться. В 2013 г. железные дороги продали девятнадцать зданий вокзалов на общую сумму около двух миллионов злотых». («Пшеглэнд православный», март)

- «В 2013 г. Европейское патентное ведомство зарегистрировало 95 польских изобретений. Немцы получили 13,5 тыс. патентов, французы — почти 5 тыс., британцы — свыше 2 тыс., (...) испанцы — 400 патентов, (...) чехи — 67, венгры — 49. (...) В Польше экспорт новейших технологий составляет 6% от общего экспорта, в Чехии — 16%, в Венгрии — 17% (данные 2012 г.)». («Пшеглэнд православный», апрель)

- «Эксперты предупреждают: через десять лет Польше придется привозить врачей из-за рубежа. Уже две трети наших медиков старше 45 лет. Разрыв между поколениями все усиливается, поскольку мы обучаем слишком мало врачей. В 2013 г. на рынок труда было выпущено всего 3,4 тыс. новых специалистов (2,7% от общего количества медиков)». («Дзенник — Газета правна», 3 марта)

- «Целых 6097 человек в Польше в прошлом году покончили жизнь самоубийством, следует из статистических данных Главной комендатуры полиции Польши. Это на 1 920 человек больше, чем в 2012 году. За минувшее десятилетие в Польше в среднем фиксировалось около 5 тыс. покушений на самоубийство в год, в 2009 г. их количество возросло почти до 6 тысяч. В 2013 г. около 25% от общего числа покушений на самоубийство совершили безработные, 40% покушений на самоубийство имело место в сельской местности, а 19% таких действий совершили люди старше 50 лет». («Газета wyborcza», 31 марта)

• «Состоянием свыше 50 млн долларов располагает 200 поляков. 50 тыс. человек могут в месяц потратить на жизнь как минимум 20 тыс. злотых, а их активы составляют более 1 млн долларов. Самую высокую налоговую ставку платят 1,9% поляков, что дает 22,5% всех налоговых поступлений. (...) Наш экономический подъем после 1989 г. счастливым образом не сформировал в Польше олигархата, который всегда представляет определенную угрозу для демократии. Польская финансовая элита практически не участвует в политической жизни. Большой бизнес по-прежнему держится на расстоянии от политики. Этот феномен характерен не только для нашей части Европы. Как представители власти не любят показываться в обществе толстосумов, так и бизнесмены не слишком жалуют политиков. (...) Наши политические нравы таковы, что крупное состояние не считается хорошей рекомендацией для выполнения политических функций, ибо это выглядит так, словно бизнесмен вышел на пенсию. (...) Представители высшего класса Польши, по сути, невидимы, они не участвуют в политике, к ним не приковано внимание всего общества и объектами для подражания они тоже не являются. Кроме того, крупные бизнесмены, за редким исключением, не участвуют в создании культурных, научных и даже благотворительных организаций, не играют сколько-нибудь заметной роли в общественной, религиозной и медийной сферах. (...) Можно сказать, что благодаря своей неприметности они, в общем-то, и не являются элитой. Это класс самодостаточный и обособленный. Однозначно плохих эмоций он, скорее всего, в людях не пробуждает — общество относится к нему просто равнодушно». (Эва Вильк, «Политика», 12-18 марта)

• Поддержка партий: «Право и справедливость» — 31%, «Гражданская платформа» — 26%, Союз демократических сил — 13%, христианская партия ПСЛ — 5%, «Конгресс новых правых» (партия Януша Корвина-Микке) — 3%, «Твое движение» (партия Януша Паликота) — 3%, «Польша вместе» (партия Ярослава Говина) — 2%, Солидарная Польша» (партия Збигнева Зёбро) — 1%, «Национальное движение» — 1%, не определились с выбором — 14%. Заявили об участии в выборах — 48%. Опрос института «Номо Номини», 3-5 апреля. Избирательный порог составит 5%. («Жечпосполита», 8 апр.)

• «Почти три четверти (74%) поляков хотели бы, чтобы в избирательных бюллетенях появилась дополнительная графа «против всех», чтобы свой гражданский долг могли исполнить и те избиратели, которым не подходит ни одна из

предложенных кандидатур — таковы результаты опроса, проведенного фирмой «Estymator». (...) Стремительно растет количество избирателей, чьи бюллетени оказываются недействительными. В 2011 г. их было свыше 680 тыс., то есть почти в два раза больше, чем в 2007 г. (почти 344 тыс.). Вот уже несколько лет сохраняется крайне низкая посещаемость выборов». (Павел Шанявский, «Ньюсуик-Польша», 10-16 марта)

• «На сегодняшний день 49% поляков довольны тем, как работает демократия в Польше — а год назад такого мнения придерживались 35% опрошенных. (...) Главными сторонниками такой системы управления являются избиратели партий «Гражданинская платформа» (ГП) и Союз демократических сил (84% и 85% соответственно). В случае же избирателей партии «Право и справедливость» (ПиС) это 67%. 59% тех, кто не ходит на выборы, также считают демократию наилучшей формой правления. Позитивное мнение относительно функционирования демократии в Польше выражает 83% сторонников ГП, и только 41% избирателей ПиС». ЦИОМ, 6-12 марта». («Газета wyborcza», 7 апр.)

• «В Ченстохове со всех сторон Польши съехалось около тысячи молодых людей, в основном мужчин, с бело-красными повязками на рукавах, символизирующими принадлежность к организации «Всепольская молодежь», либо с коричневыми повязками, украшенными символами фаланги «Национально-радикального лагеря». О. прелат Роман Кнебловский (...) в своем выступлении вспомнил о временах величия Польши, «когда мы беспрепятственно входили в Москву, и Москва трепетала». (...) Артур Завиша, один из лидеров «Национального движения» цитировал военное стихотворение Яна Лехоня (...): «Нам трубач еще сыграет, разогнав дремоту, / и увидят Львов и Вильно / польскую пехоту»». (Дорота Стейнхаген, «Газета wyborcza», 24 марта)

• «Сайт «Redwatch». На его страницах, кроме прочего, находятся фамилии и фотографии политиков, общественных деятелей и представителей левых субкультур. Часто эти данные дополнены домашними адресами и номерами телефонов. (...) У следствия связаны руки, поскольку сервер, на котором размещен сайт, находится в США. (...) «Содержание этого сайта открыто разжигает ненависть и нарушает нормы уголовного права, — говорит Адам Боднар, вице-президент Хельсинского Фонда по правам человека. — Ведь на каждого из этих людей может быть совершено покушение». (...) Такие нападения произошли уже в

мае 2006 года. (...) Двое нападающих ударили ножом Мацея Д., известного антифашистского общественного деятеля. (...) Ликвидировать сайт не удалось». (Виктор Ферфецкий, «Жечпосполита», 4 апр.)

• «В 2013 г. выявлено 835 преступлений, совершенных на почве расизма и ксенофобии — это почти в два раза больше, чем два года назад. (...) Зафиксировано еще 33 расистских выходки на стадионах (...), 15 ксенофобских манифестаций, а также 4 книжных и газетных публикации такого характера. (...) Обвинительным заключением увенчалось 111 уголовных дел. (...) Прекращено целых 443 дела, главным образом по причине того, что не удалось обнаружить исполнителей (300 дел). По 100 делам в действиях обвиняемых не было установлено состава преступления». (Мариуш Ялошевский, «Газета wyborcza», 17 марта)

• «В польской католической Церкви “сегодня доминирует ультра-правый месседж, ярким представителем которого является деятельность радио “Мария”. (...) Существуют немногочисленные оазисы того, что принято называть “постсоборной открытой Церковью”: круги “Тыгодника повшехного”, ежемесячников “Знак” и “Вензь”, журнала варшавского Клуба католической интеллигенции “Контакт”. (...) А ведь “золотая пора” польской католической Церкви пришлась на вторую половину 70-х — конец 80-х годов XX века. Секретариат Конференции Епископата Польши (...) без всяких колебаний пригласил в мае 1988 г. на дискуссию о Церкви и атеистах тогдашнюю передовую группу польской интеллигенции, священников, светских верующих, агностиков, атеистов. (...) Сегодня же всё вернулось “на круги своя”, к идеологической “холодной войне”». (Адам Шосткевич, «Политика», 19-25 марта)

• «В феврале Лешек Яжджевский обратился в прокуратуру в связи с шестимиллионной дотацией министерства культуры, полученной музеем Иоанна Павла II при храме Провидения Божия. Месяц спустя (...) “я получил уведомление о том, что прокуратура возбудила следствие о превышении полномочий должностными лицами министерства культуры при выделении дотации на общую сумму 44 млн злотых в период с 2008 по 2014 гг. в адрес неуполномоченного субъекта — Архиепархии Варшавы — для финансирования музея при храме Провидения Божия. Прокуратура сама решила расширить рамки следствия, приняв дополнительно во внимание обстоятельства перечисления культурным ведомством 30 млн

злотых в пользу Архиепархии Варшавы в 2008 году”, — говорит Яжджевский». («Газета выборча», 19 марта)

• «В Институте национальной памяти (ИНП) в открытом доступе находятся тонны бумаг, содержащих сведения, которые органы коммунистической безопасности собирали в отношении миллионов граждан. (...) Это кладезь информации для сторонников “дикой” люстрации, ищущих, как бы “посадить на крючок” тебя и твою семью. (...) Защитить личные данные фактически невозможно, зато под охраной находятся те самые радетели люстрации, которые живут за счет развешивания на страницах прессы чужого грязного белья. ИНП отказывается называть их имена. Жертва не может даже узнать, кто именно рылся в ее бумагах. (...) Документы, оставшиеся после ликвидации Службы безопасности, уже много лет служат источником неплохого дохода для многих журналистов и орудием нечестной политической борьбы. В качестве недавнего примера можно привести коммерческий успех пасквиля «Ведомственные дети», книги, которая спровоцировала общественные дебаты об ответственности за предполагаемую вину родителей и родственников». (Войцех Чухновский, «Газета выборча», 25 марта)

• «Вчера в столице, возле здания Института промышленной химии, где открыта выставка человеческих останков “Bodies Revealed”, прошла манифестация, в ходе которой ее участники требовали убрать с выставки останки китайских политических заключенных». («Газета Польска цодзенне», 13 марта)

• «Ежегодно в нашей стране на убой отправляют 470 млн различных животных. Это 50 тысяч в час. Не могу отделаться от ощущения, что это изуверское массовое убийство животных, это “производство” и избыточное потребление мяса явно проецируется потом на агрессию в общественных отношениях. (...) Если я ем мясо, то должна отдавать себе отчет, что ем нечто, наделенное некогда жизнью, а также способностью испытывать радость и боль», — проф. Магдалена Срода. («Газета выборча», 19 марта)

• «Неизвестно, куда подевались 800 бродячих собак, отловленных семейным предприятием врачей-ветеринаров. Гмины заплатили им за это около 1 млн злотых. (...) “Это новый и довольно быстро распространяющийся способ борьбы с бродячими собаками”, — объясняет Тадеуш Выпых, президент Фонда защиты животных “Аргос”. (...) В Польше около 100 тыс. бродячих собак и их число постоянно растет». («Политика», 12–18 марта)

• Неустановленные злоумышленники травят вековые деревья. «В Вилямовице семь великолепных лип теперь годятся только на сруб. (...) В стволах кто-то провертел отверстия. Служащие установили, что деревья были специально отравлены. (...) Полиция подтвердила, что кто-то ввел деревьям вредную субстанцию. (...) В Бельско-Бяле возле храма св. Николая растут очень старые деревья. (...) И точно так же, как на кладбище в Вилямовице, кто-то проделал в стволах отверстия и наполнил их токсическим веществом. (...) Несколько лет назад кто-то поступил подобным образом со старыми деревьями на Щецинском центральном кладбище. Летом 2013 г. на коммунальном кладбище в Тарнуве кто-то отравил четыре дерева, стоимость которых оценивалась в более, чем 1,5 млн злотых. Среди них были настоящие раритеты — черешчатый дуб и западная туя. На другом тарнувском кладбище кто-то еще до этого отравил липу, которой было несколько десятков лет». (Эва Фуртак, «Газета wyborcza», 31 марта)

• «Человечество движется вперед в поезде настолько скором (в смысле темпа роста человеческой популяции), что он рискует скоро сойти с рельс. Состояние экологических путей сообщения нашей планеты таково, что бесконечно быстрое развитие мы себе позволить, увы, уже не можем. (...) На земле в настоящее время живет 3 млрд 200 млн человек. Еще 50 лет назад их было 3 млрд. В 30 е годы нас было 2 млрд. (...) А мы ведь даже понятия не имеем, что будет дальше. Уже согласно сегодняшним прогнозам, мы ежегодно проедаем и тратим вполнину больше запасов, чем Земля в состоянии воспроизвести. (...) Это совершенно беспрецедентная ситуация, чтобы организм, являющийся наивысшим звеном пищевой цепи, получил бы такое огромное превосходство. Так что этот поезд обязательно пойдет под откос. Вопрос только в том, как это произойдет и когда. (...) Ежедневно на Земле гибнет более 20 видов живых существ. Происходит очередное массовое вымирание, только теперь его провоцирует не метеорит или вулкан, а человек. (...) Мы — зараза на теле этой планеты. Сама Земля требует казнить каждого десятого представителя популяции Homo Sapiens — вида, который нарушил ее экологическое равновесие. (...) Таков результат деятельности самого умного вида, каковым мы себя считаем, подчинившего себе целую планету», — проф. Богуслав Павловский, заведующий кафедрой биологии человека Вроцлавского университета. («Газета wyborcza», 27 марта)

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Мы обычно внимательнее следим за действием спектакля, разыгрывающегося на политической сцене, чем на театральных подмостках, хотя давно известно, что обе эти площадки подчас тесно связаны друг с другом. Иногда театр становится художественным комментарием к событиям общественной жизни, порой он оказывается выражением злободневных общественных настроений, но бывает и так, как, например, в драматургии Станислава Игнация Виткевича, — театр порождает видения, являющиеся предчувствием именно того, что должно случиться. От того, сумеет ли театр соответствовать не только требованиям Искусства с большой буквы, но и ожиданиям аудитории, зависит его популярность. Когда в семидесятые годы официальный театр ПНР, заблокированный цензурными табу, был не в состоянии выразить общественные устремления и настроения, они нашли свое отражение в студенческом театре, в меньшей мере подверженном запретам. Подтверждением тому — текст одного из самых видных послевоенных театральных критиков Константина Пузыны, который, вместо того чтобы комментировать происходящее на сценах государственных театров, стал писать о событиях «неофициальной» сцены и призывал: «Нам нужна смелость собственного суждения и толерантность к чужой инаковости (...). И требуется ускорение. Ускорение перемен в культуре и укладе жизни, в общественной ментальности и административных структурах, сковывающих, как пояс целомудрия. Прежде всего, в экономике и политике. Без этих перемен мы не продвинемся далеко, в том числе и в театре». Обратим внимание, этот текст датирован 22 сентября 1970 года.

И сегодня перемены в театре остаются предметом критического переосмысления. На страницах «Нотатника театрального» (№74/2013–2014) в очерке «Театр и зритель» Кристина Дунец пишет: «В истории польского театра не раз случалось, что зрительные залы зияли пустыми местами, что надо было привлекать зрителя любыми средствами, что на театр не хватало денег. В таких случаях артисты всегда боролись за театр современный, живой, привлекающий аудиторию прямым разговором о проблемах действительности

— экзистенциальных, политических, общественных, эстетических. (...) Стал ли сегодня театр художественным, общественным, политическим? Залы вроде бы полны, иногда даже трудно купить билеты, случается, что спектакли вызывают общественную дискуссию. Не изменилось одно: театр не поддерживается и должным образом не финансируется местными и центральными властями». Это уж точно не новость, и автор вполне уместно приводит примеры аналогичных высказываний межвоенного периода. Впрочем, в целом проблематика финансирования культуры постоянно оказывается предметом общественных дебатов, и не только в Польше, но и во Франции или в Германии. Безумно трудно втемашить в головы политиков, что финансирование науки и культуры — это вопрос не дотаций, а инвестиций, только эти инвестиции окупятся иногда лет через двадцать, в то время как политики в демократических странах мыслят лишь сроками от выборов до выборов.

Вернемся к тексту Кристины Дунец: «Опросы публики варшавских театров показывают, что в театры люди ходят так же, как посещают музеи и художественные галереи. Спектакль становится чем-то вроде выставки, которую, как говорят все знакомые, стоит посмотреть. Пойти в театр — это словно «нанести визит», часто праздничный, но формальный. Визит в институцию искусства, которая функционирует в культуре на давно уже устоявшихся основаниях. Эти основания не становятся предметом рефлексии у респондентов: театр просто «существует», потому что существует. (...) Зрители даже если знают, куда идут, то не совсем понимают, зачем они это делают. (...) Представляется, что нынешнюю театральную активность можно считать случайной, можно говорить о эрозии театральной среды, а зрителей считать фланерами и денди. Тогда театр оказывается еще одним продуктом на рынке символических благ — продуктом, который должен, главным образом, доставлять удовольствие. Молодым зрителям театр кажется разновидностью гаджета, которым иногда пользуются, потому что порекомендовали знакомые; клубом, в котором можно встретиться с друзьями и хорошо провести какое-то время, чтобы потом в него вернуться, а может и нет. (...) Такое положение может изменить прежде всего образование, понимаемое как попытка научить зрителя более чутко воспринимать околотеатральные контексты, общественное пространство, в которое вписан художественный театр, язык перформативного искусства. Такое образование, охватывающее в равной мере как школы различного уровня, так и семинары и курсы в центрах культуры и театрах, должно быть поддержано

правительственными, городскими и местными властями. (...) Чтобы понять творческие искания современного театра, художников, актеров, драматургов, сегодня требуется не только коммуникативная память. Необходимо пробудить в себе или вернуть культурную память, что возможно опять же с помощью всестороннего гуманитарного образования. (...) Это будет означать перемену в отношениях зрителя с театром: от стремления участвовать в культуре к интересу к самой культуре. Тогда современный театр с его демонтажем эстетических и культурных стереотипов, с защитой того, что ненормативно и замалчивается, социально и культурно колонизировано, сможет сыграть свойственную ему культурную и политическую роль».

Однако вызывает опасение, что именно эта роль театра с точки зрения политиков наименее желательна, а что касается поддержки всестороннего гуманитарного образования, то здесь тоже можно сомневаться. Не случайно Мартин Круль в очерке «Почему мы должны измениться?» («Газета выборча», № 74/2014) писал: «Не гуманитарные науки, не ученые измелечали, а весь мир вокруг них: начиная с денег и законов, заканчивая полным отсутствием понимания, что такое университет. Досадно. Скажу кратко: тот, кто думает, что университет — это высшая школа, в которой приобретается профессия, — тот неисправимый осел». Следовало бы добавить, что политики, которые таким образом понимают миссию университета, действуют, осознанно или нет, во вред обществу. Если сознательно — это преступники; если неосознанно — просто идиоты.

Однако вернемся к театру. В «Газете выборчей» (№ 90/2014) Роман Павловский в статье «Что создает из поляков сообщество?» подводит итог перемен в театре после 1989 года: «Если бы меня 20 лет назад спросили, выдержал ли польский театр экзамен на свободу, ответ был бы — нет. Перелом 1989 г. его полностью ошеломил. Театр, который почти полвека заменял отсутствующие институты общественной жизни — был форумом для политической дискуссии и святыней национальной идентичности, изо дня в день ниспадал до роли одного из многих развлечений и полностью себя потерял. Вместо того чтобы заняться огромными переменами в мышлении людей, старался найти себя в рыночной действительности. (...) Были исключения. Через год после первых демократических выборов Миколай Грабовский поставил в Театре СТУ спектакль «Описание обычаев» по книге историка XVIII века ксендза Енджея Китовича. Это был попытка заново определить польскую идентичность, ранее

строившуюся на основе романтической идеи борьбы и мессианстве. Точкой отсчета Грабовский избрал эпоху саксонских королей, времена упадка шляхетской демократии, коррупции, паралича государства. Он предупреждал, что сарматская ментальность вернулась к полякам вместе со свободой — и вновь грозит анархией. Проблему свободы в Польше затрагивала также «Свадьба» Гомбровича в «Старом театре». Ежи Яроцкий показывал гибель прежнего мира патриархальной власти и страх перед наступающей новой действительностью, в которой человек должен сам себе создавать свой мир. (...) Однако в повседневном репертуаре господствовали западные фарсы и мелодрамы». К тому же начались экономические проблемы.

«Как случилось, — пишет далее Павловский, — что театр, которому в начале 90-х годов грозила маргинализация, вновь обрел высокий ранг в общественной жизни? (...) Это обеспечили две волны новых творцов. Первая, которую критик Петр Грущинский назвал группой «более молодых, более способных», заявила о себе в середине 90-х годов. К ней принадлежали, например, Анна Аугустиняк, Збигнев Бжоза, Петр Цепляк, Гжегож Яжина, Павел Миськевич, Кшиштоф Варликовский. Их заслугой стало распространение нового театрального языка и новое понимание роли театра в обществе. Театр был для них не эрзацем свободы, не оружием в борьбе за сохранение национальной идентичности, но инструментом самовыражения. Можно сказать, что это поколение приватизировало эмоции, изменило перспективу — с общественной на интимную. Его представители преодолевали религиозные и бытовые табу, выводили на свет обычно скрывающиеся темы: вопросы сексуальной идентичности, депрессии, губительных семейных уз. (...) Этот новый театр помогал своим зрителям найти себя в новой, запутанной действительности. Об этом говорил Варликовский: «Во времена коммунизма у нас была Церковь как убежище. С ней боролась определенная идеология, но Церковь была по необходимости однозначной. А сегодня и Церковь не однозначна, и никакая идеология не сильна настолько, чтобы овладеть нашими умами. Мы столкнулись с неоднозначностью, то есть мы — очень потерявшиеся люди»».

Павловский справедливо замечает, что вдохновителем перемен был несколько старший, чем «более молодые, более способные», режиссер и преподаватель Краковской театральной школы Кристиан Люпа. После «молодых способных» пришла следующая волна: «Вторая волна нового театра совпала с началом нового века. В 2003 г. в

провинциальном Валбжихе малоизвестный режиссер Ян Клята поставил «Ревизора» Гоголя. Действие перенес из России XIX века в Польшу 70-х годов — эпохи, когда страна открылась на Запад, захлебнулась покупками в кредит, а одновременно ее залила волна деспотизма и коррупции. Клята искал в ней симптомы болезни, которой страдала Третья Речь Посполитая. (...) Во второй волне — политического театра — главенствующее место заняли драматурги Михал Вальчак, Павел Демирский, Павел Саля, Пшемислав Войцешек, которые «без анестезии» показывали моральный кризис, распад традиционной семьи, падение авторитета Церкви, консьюмеризм, насилие, отчуждение и неравенство — явления, которые усилились на рубеже веков. Драматурги вставали на сторону тех, кто оказался в аутсайдерах по экономическим причинам или в силу жизненных обстоятельств. Новая драматургия тем самым предчувствовала наступающий политический и общественный поворот, вызванный фрустрацией части общества, разочарованной результатами реформ. (...) Обе волны — режиссуры и новой драматургии — подготовили возможность возрождения публичного театра. А также привлекли нового зрителя. Польский театр сохранил демократический характер — это по-прежнему место, где встречаются люди разных социальных слоев, разных поколений. (...) Театры играют все большую роль в формировании локальной идентичности: о Валбжихе, Легнице, Быдгощи в Польше слышат прежде всего в связи с их замечательными театрами».

В конце статьи читаем: «О силе и статусе театра свидетельствует его способность задавать трудные вопросы и принимать участие в самых важных дискуссиях и спорах (...). После двух десятилетий свободы театр снова задает вопрос о том, что создает из поляков сообщество. Как в пьесе Дороты Масловской «У нас все хорошо», в которой общей точкой отсчета для героев оказывается память о войне и Варшавском восстании. И хотя публичному театру вновь, как и 25 лет назад, грозит недостаток финансирования и искус коммерциализации, хотя возросла конкуренция в виде частных сцен, я совершенно спокоен за его будущее. В течение минувших двух десятилетий театр завоевал для себя столь видное место в культуре, что его позиции трудно будет поколебать».

Как сказать... Наверное, трудно, но не невозможно. Старый принцип учит: хочешь мира — готовься к войне. Не подлежит сомнению, что в Польше (но только ли в Польше?) есть политики, которые мечтают о закованной в униформу и не

задающей неудобных вопросов «культурной политике» — о чем-то таком, что мало имеет общего и с культурой, и с политикой.

УЖАСНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БЕГА

Нами завладела мода на марафоны, спринт и прочие забеги. Безумство.

В воскресенье страшно в город выехать. Никогда не знаешь, не застрянешь ли ты в пробке, оттого что кому-то как раз пришло в голову что-нибудь отметить очередным марафоном. Годовщину независимости, первый день весны, презентацию нового смартфона или другое важное событие.

По словам организаторов, бег весьма способствует здоровью и полезен для различных органов, но я-то знаю, что он нездоров и вреден. Бегунам он действует на позвоночник. Окружающим на нервы. И еще он очень плохо влияет на польско-российские отношения. Я знаю, что говорю.

Дело было так: в воскресенье я поехал на радио, где ровно в полдень должен был комментировать разные важные вопросы. Выехал я поздно, так как до этого играл с детьми, и жалко было прерываться. И только добрался до центра — стоп. Проезда нет, улица закрыта для движения. Бежит марафон.

Начал я кружными путями пробираться через центральную часть города, а тут, как назло, передо мной несколько автомобилей ползут, как положено — 50 км/час. Я в панике, что опоздаю, и в эфире будет тишина, а эти себе плетутся. Ну и стал я им сигналить, наезжать заднему на бампер и вообще вести себя, как законченный хам и грубиян.

Знаю, хвастаться нечем, они были правы и ехали, как положено, а я нет. Я вовсе не горжусь своим поведением, а оправдание у меня только одно — что я торопился на радио, а тут марафон.

Невероятно разъяренный, я, сигналив, обогнал всю цепочку ползущих машин. Смотрю — а у передней российские номера. Из России приехал и едет по правилам, а поляк его атакует и гудит. Ну, теперь начнется!

Я уже вижу, как российское телевидение сообщает об очередном подломе налете польских националистов и бандеровцев на бедных туристов из России. Уже слышу, как

Дмитрий Киселев разоблачает русофобию поляков и предупреждает россиян о грозящих нападениях.

Впрочем, что там Киселев, недавно российский МИД официально предостерег россиян и посоветовал им не ездить за границу. Иначе их может ожидать печальная участь, как, например, Виктора Бута, который в США попал в тюрьму. Правда, Бут незаконно торговал оружием с преступными диктаторскими режимами, которым оружие продавать нельзя, и посадили его как раз за это, но ведь российскому туристу не обязательно об этом знать. Пусть боится, что его тоже посадят.

Особенно, если он живет в Калининграде и пользуется упрощенной процедурой пересечения польской границы в рамках малого приграничного движения. Зачем такому калининградцу шляться по свету? Пусть лучше сидит дома и смотрит государственное телевидение, где есть все, на что стоит смотреть. А если там чего-то нет, значит — смотреть на это не стоит.

Такого калининградца можно слегка припугнуть. Например, на популярном калининградском портале klops.ru появилась информация об обстреле российского автомобиля под Гданьском. Портал ссылался на Валерия, как предполагается, пострадавшего в этом происшествии. Якобы Валерий с женой ехал в Гданьск за стройматериалами, когда на сотом километре после пограничного переезда его догнало черное БМВ — как утверждается — «с польскими государственными регистрационными номерами». Водитель БМВ будто бы показывал российской паре непристойные жесты, выталкивал на обочину, а поравнявшись с калининградской «субару», обстрелял ее из пневматического оружия. Россияне сказали, что на обратном пути они на переезде проинформировали об инциденте польскую Пограничную службу.

Удивленные этим рассказом польские журналисты проверили — пресс-атташе Пограничной службы Юстина Шубстарская информацию категорически опровергла: никто ни о чем таком им не сообщал. С опубликованным снимком тоже неувязка. В описанном месте на сотом километре дорога выглядит совсем иначе.

Через несколько дней на портале социальной сети vk.com в группе «Типичный Калининград» (почти 50 тыс. членов) один из пользователей опубликовал снимки поврежденного «ауди». Над фотографией написано, что в субботу кто-то якобы бросил в машину кирпичом на шоссе под Гданьском. Татьяна остановилась на обочине дороги, так как «плохо себя

почувствовала и по нужде удалилась в кусты». Ее партнер последовал за ней. Когда минут через десять с небольшим пара вернулась, у «ауди» было разбито лобовое стекло и помят капот. Женщина вызвала полицию, которой, однако, не удалось установить, намеренно ли кто-то бросил в автомобиль камень.

На этот раз полиция подтвердила: — Действительно, во второй половине дня 5 апреля мы получили заявление от гражданки России о поврежденном автомобиле. Полицейские отправились на место, произвели осмотр машины и составили протокол. Женщина припарковалась на обочине и отошла вместе с пассажиром от автомобиля более, чем на 10 минут, поэтому они не видели, намеренно ли кто-то повредил машину. Происшествие было квалифицировано как несчастный случай. Не было никаких свидетелей, которые подтверждали бы, что в автомобиль кто-то бросил камнем, — сообщила Мажена Швед-Собаньская, представитель местной полиции.

Очевидно, что кампания устрашения действует успешно: среди русских из Калининграда, которые приезжают в Гданьск в рамках малого приграничного движения, по-прежнему ходят слухи о том, как поляки громят автомобили с российскими номерами.

Впрочем, не только о Гданьске идут такие разговоры. Столь же страшные вещи творятся, якобы, в Восточной Украине. Молва об этом шла так долго, что делом заинтересовалась Организация Объединенных Наций. Совет по правам человека ООН отправил представителя на место событий для изучения вопроса, а затем опубликовал доклад.

И теперь у Дмитрия Киселева проблема: как же сообщить российским телезрителям об этом документе? «Хотя и произошло несколько нападений на этнических русских, они, однако, не были ни систематическими, ни широко распространенными», — пишут авторы. Информация о преследовании русского населения украинскими экстремистами была сильно преувеличена и, вместе со слухами о якобы предстоящем нападении националистов на живущих в Крыму русских, «должна была создать атмосферу страха и опасности, которая способствовала бы поддержке населением присоединения Крыма к России», — гласит доклад.

А я со страхом ожидаю, что «Россия сегодня» сообщит о подлом нападении польского националиста на российского туриста в центре Варшавы. Когда вы об этом прочтете, можете быть уверены, что это именно я.

Таковы последствия бега. Когда услышите, что в вашем городе кто-то хочет организовать марафон, гоните гада палкой.

К 70-летию со дня смерти ФАДДЕЯ ФРАНЦЕВИЧА ЗЕЛИНСКОГО

Эта личность — одна из тех в выдающемся смысле слова культурных личностей, настоящая биография которых начинается лишь со дня их смерти.

Фаддей Зелинский

Слова, вынесенные в эпиграф, взяты из зачина статьи «Цицерон в истории европейской культуры» — первой большой работы, с которой автор начинает отсчет своих литературных трудов. Семь десятилетий, миновавших после 8 мая 1944 г. — даты завершения земного пути Ф. Ф. Зелинского, дают основание задуматься, насколько эти слова применимы к нему самому, и проследить судьбу его творческого наследия.

Столь масштабная задача, разумеется, неразрешима в рамках одной публикации и требует усилий многих исследователей. Цель моей работы более узкая и конкретная: определить, как истекшие годы сказались на судьбе произведений Ф. Ф. Зелинского, принадлежащих сфере изящной словесности (напомню, в 1916 г. он стал Почетным академиком Императорской Академии наук именно по разряду изящной словесности; позднее — членом Польской Академии литературы; а в 1930 г. его кандидатура рассматривалась в ряду претендентов на Нобелевскую премию в области литературы).

В предисловии к первому изданию сборника «Из жизни идей» (октябрь 1904) Зелинский позиционировал себя «как ученого, учителя и писателя». На последней ипостаси я и попытаюсь сосредоточить внимание читателя. А в том, что и эта часть его наследия простирается далеко за видимый горизонт, нам предстоит убедиться. Равно как и в том, что его неизменное стремление к «синтезу» не всегда позволит отделить писателя от ученого и педагога.

И еще одно ограничение, которое я ставлю себе заранее: речь пойдет главным образом о русскоязычных текстах, хотя и эти рамки, в силу особенностей материала, мне придется порой раздвигать.

Вот общая схема обзора:

I. Из жизни идей

Т. 1. Из жизни идей. Научно-популярные статьи (1905, 1908, 1916 — здесь и далее в скобках указаны даты прижизненных изданий), 470 с.

Т. 2. Древний мир и мы. Научно-популярные статьи (1903, 1905, 1911), 422 с.

Т. 3. Соперники христианства. Статьи по истории античных религий (1907, 1910), 414 с.

Т. 4. Возрожденцы. Научно-популярные статьи по всеобщей литературе (1922), 314 с.

Общий объем 1620 с. — ок. 90 печатных листов (далее — п. л.).

II. Статьи в энциклопедических словарях и энциклопедиях.

1. Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. 10 статей (1892—1904), «главные: Филология, Христианство, Цицерон, Эсхил, Язычество и Феокрит» — оценка автора; объем около 11 п. л.

2. Большая энциклопедия Мейера: Статья Греческая литература (Т. 7, 1902); объем около 1,5 п. л.

3. Еврейская энциклопедия: Статьи Аристей и Асинарии (Т. 3, 1909); объем около 1 п. л.

4. Новый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона: 39 статей (1911—1916); объем ок. 10,5 п. л.

Общий объем около 24 п. л.

III. Переводы на русский язык.

Тит Ливий. История Рима от основания города. Книга XXI (1890... 1917 — 13-е изд.). 90 с.

Марк Туллий Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе. Т. 1 (1901). 786 с.

Овидий. Баллады-послания. Перевод со вступительными статьями и комментарием (1913). 380 с.

Софокл. Драмы. Перевод со введениями и вступительным очерком. Т. 1 (1914). 484 с.; Т. 2 (1915). 504 с.; Т. 3 (1914). 442 с.

Общий объем 1430 с.

Театр Еврипида. Перевод со введениями и послесловиями И. Ф. Анненского под редакцией и с комментарием Ф. Ф. Зелинского. Т. 1 (1916). 422 с.; Т. 2 (1917). 541 с.; Т. 3. 553 с. Общий объем 1516 с. — из них около одной трети текст Зелинского).

Общий объем книг переводов около 177 п. л.

IV. Иресиона. Аттические сказки.

Вып. 1. Тайна Долгих скал (1921). 36 с.

Вып. 2. У матери-Земли (1921). 47 с.

Вып. 3. Соловьиные песни (1921). 38 с.

Вып. 4. Каменная нива (1922). 46 с.

Терем зари. Из аттических сказаний (1922). 32 с.

Царица Вьюг (Эллины и скифы). Из аттических сказаний (1922). 119 с.

Общий объем 318 с. — ок. 18 п. л.

V. Античный мир.

Т. I. Эллада. Ч. 1. Сказочная древность (1922—1923). 368 с. Ч. 2. Независимая Греция (1933, 1937, на польском языке). 341 с.

Т. 2. Рим. Ч. 1. Римская республика (1935, на польском языке). 443 с. Ч. 2. Римская империя (1938, на польском языке). 488 с.

Общий объем 1640 с. — ок. 91 п. л.

VI. Религии античного мира.

Т. 1. Древнегреческая религия (1918). 163 с.

Т. 2. Религия эллинизма (1922). 137 с.

Т. 3. Эллинизм и иудаизм (1927, на польском языке). 608 с.

Т. 4. Религия Римской республики (1933, на польском языке). 833 с.

Т. 5. Религия Римской империи (посмертное издание 1999, на польском языке). 512 с.

Т. 6. Античное христианство (посмертное издание 1999, на польском языке). 589 с. Общий объем 2 842 с. — около 158 п. л.

VII. Публицистика.

Автор намеревался собрать свои газетные публикации в отдельный том цикла «Из жизни идей» объемом около 20 п. л.

Таким образом, округленно, с весьма приблизительной точностью, полный объем перечисленных в нашей схеме трудов оценивается в 550 п. л., что могло бы составить 20-томное собрание сочинений.

В истекшем 70-летию можно выделить два разных по характеру периода применительно к наследию Зелинского: забвения и возвращения. В Польше этап постепенного возвращения трудов ученого и писателя начался с 1957 г., когда были переизданы 3 тома из цикла «Античный мир», а затем, в 1959 г., вышел номер журнала «Meander», посвященный 100-летию со дня рождения Тадеуша Зелинского. В коммунистической же России полоса забвения растянулась практически на всю советскую эпоху, т. е. до начала 90-х годов XX в. ^[1]

Заметной вехой на пути возвращения трудов Ф. Ф. Зелинского в новую Россию стал 1995 г., когда издательства «Ладомир» в Москве и «Алетейя» (при участии «Логос-СПб») в Санкт-Петербурге выпустили 4-томный цикл научно-популярных статей «Из жизни идей», а еженедельник «Книжное обозрение» поместил эти книги на первое место в рейтинге интеллектуальных бестселлеров. С них и начнем наш беглый обзор.

I. Из жизни идей

Как «Ладомир», так и «Алетейя» ограничились лишь репринтом, без каких-либо введений и комментариев. Причем использовали последние прижизненные издания двух начальных томов, т. е., соответственно, 1916 и 1911 гг. Между тем Зелинский в каждое их последующее издание вносил существенные изменения, и в итоге в книгах 1995 г. не оказалось весьма важных для понимания всего авторского замысла текстов. Мотивы, вынуждавшие автора вносить те или иные изменения, оговаривались им в предисловиях, поэтому упоминания о пропущенных статьях в новейших изданиях имеются, но искать их любознательному читателю приходится самостоятельно, причем в труднодоступных источниках.

Среди пропущенных статей прежде всего нужно назвать «Античный мир в поэзии А. Н. Майкова», где впервые была провозглашена ключевая для всей деятельности выдающегося исследователя античности идея Славянского Возрождения. Затем — очерк «Ницше и античность» как отправную точку эволюции взглядов Зелинского, которого нередко и неправомерно называли «ницшеанцем», на личность и философские взгляды создателя «Заратустры». Оба очерка, входивших в состав 1 и 2-го изданий, не попали в 3-е, 1916 г. Их автор планировал перенести в том, посвященный «возрожденцам», но этот замысел не удалось осуществить.

Проследим, как складывался цикл «Из жизни идей». Упомянутые его новейшие переиздания по случайному, но знаменательному совпадению явились в свет ровно сто лет спустя после события, которое сам Ф. Ф. Зелинский считал исходным пунктом своей литературной деятельности. Начало 1895 г. ознаменовалось редким юбилеем — 2000-летием со дня рождения Цицерона. По этому поводу состоялось заседание Исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете, где был заслушан доклад профессора, члена-корреспондента Российской Академии наук Ф. Ф. Зелинского под названием «Цицерон в истории европейской культуры». Успех доклада позволил предложить его для публикации в «Вестник Европы» — солидный популярный журнал либерального направления, где она появилась в феврале 1896 г.

Впрочем, эта публикация не вполне удовлетворила автора. Как вспоминал он впоследствии, статья о Цицероне была напечатана без начала и конца. И действительно, особенно странно выглядит в журнале ее концовка, обрывающаяся чуть ли не на полуслове. В неискращенном и расширенном виде эту статью удалось опубликовать лишь в 1901 г., в качестве вводной к 1 тому Полного собрания речей Цицерона в русском переводе, и наконец, лишь в 1922 г., включить в 4 том цикла «Возрожденцы».

Тут же стоит сказать, что на основе этой статьи Зелинским была создана книга, ставшая классической и выдержавшая за столетие с лишним массу изданий. Но написана она на немецком языке и издается в основном в Германии (*Cicero im Wandel der Jahrhunderte*; прижизненные издания: 1897, 1908, 1912, 1929; позднейшие: 1967, 1973, 2010, 2013 — два последних в США). В России же эта книга неизвестна.

Но вернемся к нашему четырехтомнику. Его замысел автор определил в предисловии к 1-му изданию:

«Давая своему сборнику заглавие “Из жизни идей”, я имел в виду определить его отношение к тому, в чем я вижу задачу своей жизни как ученого, учителя и писателя. С тех самых пор, как мои занятия античным миром приняли сознательный и самостоятельный характер, он был для меня не тихим и отвлекающим от современной жизни музеем, а живою частью новейшей культуры; я видел преимущественное значение античности в том, что она была родоначальницей тех идей, которыми мы и ныне живем (курсив Зелинского. — О. Л.). Изучая, таким образом, античность, если можно так выразиться, с наклоном к современности, я наметил план гигантского научного здания, которое бы обнимало и биографию и биологию тех идей, совокупность которых составляет современную умственную культуру. Вошедшие в этот сборник статьи задуманы мною как составные части этого здания».

Таких составных частей, если учитывать все прижизненные издания, насчитывается 60. Почти все они, за небольшим исключением, были прежде опубликованы в периодической печати.

Хотя, как было сказано выше, датой начала своих литературных трудов Ф. Ф. Зелинский считал 1895 г., среди вошедших в четырехтомник статей есть и более ранние. Да и вообще к этому моменту его писательский стаж составлял уже полтора десятилетия. Дебютной книжкой стала написанная по-немецки докторская диссертация, опубликованная в 1880 г. в Лейпциге: «Die letzten Jahre des zweiten punischen Krieges» («Последний год Второй Пунической войны»). Публикации на русском языке стали появляться с 1883 г. в Журнале Министерства народного просвещения, а с 1891-го в только что созданном тогда «Филологическом обозрении». Однако оба эти журнала предназначались главным образом для специалистов в области классической филологии. С публикации же в «Вестнике Европы» начался путь Зелинского к более широкой читательской аудитории. Трибуну ему предоставляли авторитетные журналы «Мир Божий», «Русский вестник», «Вестник всемирной истории», «Русская мысль» и др.; девять из вошедших в первые два тома очерков были опубликованы в ежедневной политической и литературной газете «Северный курьер» за единственный год ее существования (1900). Источниками нескольких статей по всеобщей литературе, вошедших в 4 том, послужили введения к изданиям Шиллера, Байрона и Шекспира в «Библиотеке великих писателей»,

выпущенной в начале XX века знаменитой фирмой Брокгауз-Ефрон.

Вот как отзывался о первом томе цикла товарищ и коллега Ф. Ф. Зелинского, выдающийся русский поэт, переводчик и знаток античности Иннокентий Анненский на страницах журнала «Гермес» (1908):

«Книга, посвященная античности, в промежуток менее 4 лет, выходит в Петербурге вторым изданием... Это обстоятельство, в связи с нашим безвременьем и прихотливостью вкусов нового русского читателя, не могло бы нас не удивить, если бы... на обложке книги не стояло имя проф. Зелинского. С этим именем соединяется у читателей представление не только об огромной и разносторонней эрудиции и большом литературном таланте, но и об исключительной отзывчивости, о редком чувстве современности, которое, в соединении с античными темами, придает книге особое обаяние. Ценная ли археологическая находка, «воскресший» ли поэт, или оригинальная попытка оживить античную драму на сцене, предисловие ли к новому переводу одной из шекспировских пьес, или поездка в Гейдельберг; дерзкая ли попытка отвоевать Ницше от античности, или нелепый слух о близком светопреставлении, — все — вплоть до мимолетного впечатления от елочных огней — будит в восприимчивом и богато одаренном авторе античные образы, все дает ему тему для содержательных и красиво написанных этюдов, лекций, заметок, речей, которые объединяются в настоящей книге любовью к античности, не только глубоко постигаемой автором, но и жизненно ему близкой».

И. Анненский дает очень точные жанровые обозначения составивших рецензируемый том текстов: этюды, лекции, заметки, речи. Причем два из них подчеркивают характерную особенность: Зелинский почти всегда писал с установкой на звучащее слово. Неслучайно многие из вошедших в четырехтомник текстов либо изначально создавались, подобно упомянутой ранее статье о Цицероне, для устного выступления и имели соответствующие подзаголовки: «Публичная лекция в пользу пострадавших от неурожая» («Герод и его бытовые сценки», 1892); «Публичная лекция в пользу недостаточных слушательниц Высших женских курсов» («Идея нравственного оправдания», 1899); «Речь на вечере в честь поэта» («Античный

мир в поэзии А. Н. Майкова», 1899) и др. — либо уже после публикации воспроизводились автором в форме докладов.

Также для устного выступления была предназначена и «коренная» (авторское определение) статья 2-го тома цикла «Древний мир и мы», носящая пространный подзаголовок: «Лекции, читанные ученикам выпускных классов С. – Петербургских гимназий и реальных училищ весной 1903 г. профессором С. – Петербургского университета Ф. Зелинским».

Собственно, это была не статья, а самостоятельная книга, вышедшая еще до подготовки к печати сборника «Из жизни идей». Книга единственная в своем роде и наиболее известная из произведений Зелинского. В предисловии к 3-му ее русскому изданию (1911) он с удовлетворением отмечал: «Истекшее шестилетие принесло ей немало хорошего: помимо продолжающегося сочувствия русской публики, она была переведена на пять иностранных языков: немецкий, французский, английский, чешский и итальянский». Позднее к ним добавились польский, болгарский, румынский, шведский, латышский, украинский... а концу XX в. «Лекции...» существовали на 17 европейских языках. Отметим, что первый польский перевод вышел в 1922 г. без участия автора и, вероятно, поэтому содержал в заголовке две фактические ошибки: лекции были отнесены к 1901 г. и предназначались якобы студентам С. – Петербургского университета. Так же выглядело и переиздание 1946 г.

В новейшие времена книга «Древний мир и мы» продолжает регулярно переиздаваться. Уже в XXI в. известны издания на английском и итальянском языках — последнее итальянское датировано летом 2013 г. Так что «Лекции...» стали самым широко тиражированным произведением писателя, читаемым и в наши дни на множестве европейских языков, поэтому их с полным правом можно назвать визитной карточкой Ф. Зелинского.

Рождение же книги было вызвано событиями начала рубежа XIX—XX вв. В начале 1900 г. российский министр просвещения Н. П. Боголепов (через год убитый террористом-революционером) создал комиссию, целью которой было определить дальнейшие пути развития средней школы. Одним из существенных вопросов был дальнейший школьный статус античности, и в первую очередь изучения древних языков. На одном из заседаний Зелинский выступил с большим докладом, посвященным образовательному значению античности. Этот доклад и стал зерном, из которого произросла будущая знаменитая книга. Пафос ее заключался в доказательстве

необходимости всестороннего изучения античности, являющейся, по мнению автора, фундаментом общеевропейской культуры.

Найдя множество почитателей и союзников, Зелинский приобрел и массу недоброжелателей, публично выступивших в той или иной форме. Ответом им стали так называемые «пояснительные экскурсии», помещенные во 2-м томе сборника «Из жизни идей» вслед за «коренной» статьей. Они представляют собой образцы публицистики Зелинского. «Первые три экскурсы, — указывал он в предисловии ко 2-му изданию, — объединенные своей полемической формой, составляют и по содержанию одно целое; особенно это касается второго и третьего. Только вместе взятые, они, подобно парным стереоскопическим снимкам, дают правильное и выпуклое впечатление о воззрениях автора — о той “серединной” тропе правды и разума, которой он по мере своих сил старается следовать». Остро сатирические, с чертами памфлета, они направлены были против несправедливой критики с двух крайних флангов общественного мнения, что прямо отражено в их названиях: «Левая шикает» и «Правая шикает». И вот эти-то экскурсии, злободневность которых, как ни удивительно, во многом сохраняется и в наши дни, также не стали достоянием читателей новейшего времени, поскольку в 3-м издании автор заменил их Приложениями: объемным исследованием «Вильгельм Вундт и психология языка» и четырьмя статьями, опубликованными ранее в журналах и газетах.

Из «экскурсов» же в этом издании был сохранен только седьмой, «Vince, sol!», о котором следует сказать особо. В частности потому, что эту «особость» подчеркивал и сам автор: «Я хотел представить синтез того, что я, как истолкователь древнего мира, имею передать тем, для кого я работаю». Это символистский этюд с эпиграфом из Ницше, в стилистике «модного» литературного течения начала XX в., где идея грядущего Славянского Возрождения представлена в ряде аллегорических образов (семи «скрижалей»: Зевса, Паллады, Геракла, Деметры, Аполлона, Афродиты и Диониса). Другое авторское определение жанра этого произведения — стихотворение в прозе. Славянское Возрождение подразумевает культурное единение на фундаменте античности. Это касается (заветная идея и мечта Зелинского!) и двух его родин: Польши и России: «Наши предки когда-то рубились между собой, но мы, их потомки, этой враждой не связаны. То была честная вражда, ясный булатный звон в

чистом поле; мы будем вспоминать о ней и с ясной улыбкой смотреть в глаза друг другу»...

В 3-й том цикла «Соперники христианства» (в отличие от предшествующих двух томов, книга при переиздании изменений не претерпела) вошли 7 очерков по истории античных религий, опубликованных большей частью в «Вестнике Европы», а также в журналах «Вопросы жизни» и «Вопросы философии и психологии». Отметим, что в новейшие времена эта книга неоднократно переиздавалась, публиковались и отдельные статьи из нее.

Подготовка к печати заключительного, 4-го тома цикла проходила в обстановке суеты, спешки и неопределенности. Только-только закончился семилетний период войн и революций. Окончательный отъезд Зелинского в независимую Польшу оформлен и предрешен, но он все еще в Петрограде и продолжает напряженно работать. Поражает объем сделанного им в это смутное время как в науке, так и на литературном поприще. Книга «Возрожденцы» лишь небольшая часть в этом необозримом массиве, и подготовить ее в полном соответствии с намеченным планом не удастся. Выходят лишь 2 выпуска из 4-х, содержащие 8 из намеченных 19 пунктов. В первом выпуске помещен анонс «Последние труды того же автора», где перечислены уже вышедшие и готовящиеся к выходу книги. Там значатся следующие персонажи «Возрожденцев»: 9. Шеридан. 10. Грильпарцер. 11. Иммерман. 12. Дюма (отец). 13. Майков. 14. Раймунд. 15. Сенкевич. 16. Ницше. 17. Гейерманс. 18. Д'Аннунцио. 19. Вяч. Иванов. Кроме них, в авторском предисловии, датированном Новым 1922 годом, назван Гримторнер. До сих пор не обнаружены 7 статей: о Гримторнере, Шеридане, Иммермане, Дюма, Раймунде, Гейермансе и Д'Аннунцио.

Подводя итог обзору цикла «Из жизни идей», добавим, что в Польше он продолжил свое существование. Переводы отдельных статей стали появляться начиная с 1920 г. Известны 2 издания (1 и 2-я «серии») — 1925 и 1939 г. В оглавлении последнего, наряду с работами польского периода, значатся и переводы самых давних статей: «Воскресшие поэты», «Уголовный процесс XX веков назад», «Золотой век».

II. Статьи в энциклопедических словарях и энциклопедиях

Сотрудничество Ф. Ф. Зелинского с издателями энциклопедий началось в 1892 г., когда его имя впервые появилось в «Списке гг. сотрудников» Энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона, а в т. 7 была помещена словарная статья «Всадник»;

продолжилось в 1893 г. статьей «Герод»; затем прервалось почти на 10 лет и вышло на новый уровень в 1902 г. публикацией капитальной статьи «Филология»^[2]. Особенностью этой энциклопедии к тому времени стала публикация креативных авторских статей, представляющих собой самостоятельные исследования, а не компиляции чужих трудов, как это было заведено раньше. На то, что именно так понимал значение этих публикаций автор, указывают его слова в предисловии к 1 тому цикла «Из жизни идей»: перечислив главные из них, он подчеркнул: «Так как и они имеют своим предметом “жизнь идей”, то я счел позволительным упомянуть и о них в предисловии к настоящему сборнику».

Еще шире было участие Зелинского в издании Нового энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона, вышедшего в 1911—1916 гг. Из запланированных 48 томов попали к читателям 29, и почти в каждом из них появлялись статьи профессора, который был одним из 6 соредакторов отдела исторических наук.

Этот немалый пласт наследия Зелинского почти не востребован в новейшее время, хотя его содержательная ценность неоспорима. Примером новейших публикаций может служить Раздел IV составленного мною сборника «История античных религий»^[3]. Этот раздел называется «Римская империя и христианство» и представляет собой контаминацию соответствующих параграфов из двух статей Энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона: Христианство и Язычество.

III. Переводы на русский язык

Самым ранним был перевод Книги XXI «Истории Рима от основания Города» Тита Ливия, ставший одной из составных частей учебного пособия, которым открылось «Иллюстрированное собрание греческих и римских классиков с объяснительными примечаниями» (1890). Книга регулярно переиздавалась вплоть до 1917 г., которым датировано 13-е издание. На этом изучение «греческих и римских классиков» в школах России прекратилось, но в 1970 г. было предпринято издание «Историки Рима», куда составители включили классический перевод Зелинского; в 1991 г. он был воспроизведен в трехтомнике издательства «Наука» и с тех пор переиздается в разных местах, т. е. остается постоянно востребованным.

Иная судьба ожидала другой, несравнимо более объемный переводческий труд: «Марк Туллий Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе (отчасти В. А. Алексеева, отчасти Ф. Ф. Зелинского)», первый (и единственный) том которого вышел в 1901 г. В предисловии к нему Зелинский сообщал:

«...Моя работа (а равно и печатание ее) тянулась целых десять лет; теперь, заканчивая перевод последней, 24-й речи и перечитывая первые, я без труда замечаю, что не был достаточно подготовлен к своей задаче, когда приступал к ее выполнению. Затем: мой вполне самостоятельный перевод начинается лишь с 10-й речи: до тех пор я был редактором чужого труда. Правда, эта редакция была по условиям дела довольно основательна: не говоря о мелких поправках чуть не на каждой строке, мне пришлось все ответственные и благодарные в ораторском отношении места целиком переводить заново. Тем не менее, я чувствовал себя связанным чужой работой; к тому же досада, естественно вызываемая неблагодарным редакторским трудом, неблагоприятно отразилась на художественности перевода, который — в этом я убедился на опыте — может удался только при непосредственной зависимости переводчика от автора. По этим двум причинам перевод речи 10 и следующих не мог не выйти много удовлетворительнее перевода первых речей».

Помимо самостоятельной ценности этот труд имел важное значение для будущих переводов Зелинского: именно здесь выработалась структура, использованная затем и в однотомике Овидия, и в трехтомнике Софокла, и в «Театре Еврипида». Она включает общий вступительный очерк, введения к каждому отдельному произведению (применительно к рассматриваемому тому Цицерона это речь) и подробные комментарии. Кроме того, в предисловии излагаются переводческие принципы Зелинского, в частности особенно существенный для него принцип передачи звучащей речи: «Перевод, претендующий на художественность, должен быть (если можно так выразиться) стильным: если переводишь речь, то нужно, чтобы и в переводе выходила речь, понятная и эффектная с первого же раза... (Курсив Зелинского. — О. Л.) Да, но для кого? для читателя? Нет; для слушателя: речь рассчитана на то, чтобы быть воспринимаема не зрением, а слухом».

Такую же направленность имеют последующие переводы Овидия и греческих трагиков.

К сожалению для переводчика и издателей, перевод речей Цицерона широкого читательского успеха не имел, из-за чего подготовленный к печати 2 том так и не вышел в свет. Не переиздавался этот труд и в новейшие времена.

Главным достижением своей переводческой деятельности Зелинский считал трехтомник Софокла («моего Софокла», как любил он подчеркивать), тиражированный в течение 1914—15 гг. в серии «Классики мировой литературы» издания братьев М. и С. Сабашниковых и посвященный «Дорогому другу Михаилу Ивановичу Ростовцеву». Издание и по сей день остается уникальным, хотя в 1990 г. том Софокла в переводах Зелинского и был переиздан в серии «Литературные памятники». Уникальность состояла не только в том, что впервые были переведены на русский язык все драмы великого античного трагика, но и в самой структуре трехтомника. Из общего объема почти в полторы тысячи страниц тексты перевода как такового занимают не более половины, авторство же другой половины принадлежит переводчику.

В нее входят: открывающий 1 и 2 тома историко-критический вступительный очерк «Софокл и героическая трагедия» объемом в 116 с.; 9 введений (к каждой из драм и к заключительному разделу «Отрывки») — «все они построены по одной общей схеме и состоят каждое из четырех глав...» — предупреждает автор в предисловии; а также пространные комментарии. Добавим, что почти каждое из введений печаталось ранее в «Вестнике Европы», «Русской мысли», других периодических изданиях и представляет собой шедевр эссеистики Зелинского. Однако современному широкому читателю ни вступительный очерк, ни введения практически недоступны, ибо в упомянутое издание 1990 г. не вошли. Другими словами, тот Софокл, которого Зелинский по праву называл своим, сохранился лишь в отделах редкой книги крупнейших библиотек. А еще в книге польского периода «Sofokles i jego twórczość tragiczna» (1928).

Изданию трехтомника греческого трагика предшествовала пилотная книга серии «Классики мировой литературы» — «Баллады-послания» римского поэта Овидия (1913). В ней была использована та же структура: вступительный очерк, введения к 1 и 2-й частям, а также к отдельным текстам 2-й части («Похищение Елены», «Волны моря и любви», «Родоначалница нашего романа»), комментарии, а кроме того еще и краткие пересказы содержания, предшествующие самим

текстам. На долю последних в итоге осталось около половины общего объема книги, так что и Овидия Зелинский имел основания именовать «моим». Переизданий этой книги в новой России, насколько мне известно, пока не было.

Из главных переводческих работ Зелинского осталось сказать о «Театре Еврипида». Это еще один пример того, когда колоссальный исследовательский и переводческий труд не только не был оценен по достоинству, но и принес редактору-переводчику массу неприятностей.

Когда в 1912 г. издатель М. Сабашников задумал свою гигантскую по масштабам серию «Классики мировой литературы», за помощью в организации материалов для раздела «Античные писатели» он обратился именно к Зелинскому. Тот предложил издать трагедии Еврипида в переводе покойного И. Ф. Анненского и в итоге сам вынужден был, как ни пытался уклониться от этой работы, взяться за подготовку к печати 6-томного собрания.

Первый том появился в 1916 г. и стал причиной шумного скандала. Его подробности Зелинский огласил в предисловии редактора ко 2 тому, датированном маем 1917 г. Суть скандала состояла в том, что наследники Анненского сочли редактуру Зелинского чрезмерно придирчивой, поскольку строки, представлявшие ему неудачными, он заменял стихами в собственном переводе. Дискуссия вылилась на страницы прессы, и Зелинскому пришлось оправдываться публично. Свои мотивы, адресуясь к активно участвовавшему в полемике В. Розанову, он, в частности, объяснял так:

«Сообщаю вам как человек, тщательно взвесивший каждую строчку изданного мною перевода и сверивший ее с оригиналом: перевод этот довольно-таки слаб. Как филолог, покойный не находился на высоте своей задачи; как поэт, он, без сомнения, на много голов выше меня — но борьба с филологическими трудностями его задачи не дает развиваться его вдохновению, Еврипид у него большею частью тлеет, а не горит, и только здесь и там вспыхивает. Читатель это не всегда замечает; зная И. Ф. как талантливого поэта, он склонен поставить слабость перевода в счет автору, а не переводчику, и вот это есть то, чего я никак допустить не мог и не допущу».

А в другом месте горестно замечал:

«Для меня редакция наследия покойного была тяжелым долгом — тем более тяжелым, что она отодвинула на несколько лет составление тех книг, которые должны были занять закат моей жизни — истории античной нравственности, истории античных религий и др.».

Тем не менее редакторская работа над Еврипидом продолжалась, причем Зелинский, как и в предыдущих своих переводческих изданиях, следовал структуре: вступительный очерк, введения к отдельным драмам, комментарии. А так как Анненским были написаны введения не ко всем переведенным им произведениям, то недостающие очерки редактор писал сам. К ним относятся: «Послегомеровская Андромаха»; «Дионис в религии и поэзии»; «Легенда “Кургана Псицы”», «Алтарь милосердия», напечатанные в течение 1915—17 гг. и в различных периодических изданиях.

В 1921 г., по окончании гражданской войны, вышел 3-й том, подготовленный к печати еще в 1918-м. Но на этом М. Сабашников вынужден был прекратить издание, так и оставшееся незаконченным, хотя как минимум 4-й том также был подготовлен Зелинским до окончательного отъезда в Польшу. Таким образом, 3 тома, в которых он значится редактором, не меньше чем на треть состоят из текста, принадлежащего самому Зелинскому. Так что вся эта работа может считаться неотъемлемой частью его литературного наследия.

В советские и постсоветские времена издатели трагедий Еврипида старались по мере сил уменьшить долю Зелинского и восстановить исходный текст Анненского. Но полностью добиться этого не смогли, так как некоторые оригиналы Анненского были утрачены.

Наибольшего успеха в этом смысле достигли составители двухтомника 2006 г. в серии «Литературные памятники». Но — любопытная деталь: во втором томе, под рубрикой «Дополнения», был помещен самый первый перевод Зелинского из греческих трагиков, напечатанный в 1894 г. в журнале «Филологическое обозрение»: «Вакханки» Еврипида, переведенные прозой.

IV. Иресиона. Аттические сказки

В мае 1922 г., когда Зелинский окончательно обосновался в Варшаве, российский журнал «Печать и революция» известил:

«Книгоиздательство М. В. Сабашниковых (в Петербурге) выпустило изящно изданную книжку Ф. Зелинского «Иресиона», I. «Тайна Долгих скал» (аттические сказки) и печатает еще одиннадцать выпусков «Иресионы» и большое исследование «Античный мир»»...

Указанную книжку автор называл единственным своим беллетристическим произведением, но при этом уточнял, что ее содержание тесно связано с исследованиями истории религии, и прежде всего с книжкой «Древнегреческая религия», вышедшей в 1918 г.

Согласно упоминавшемуся уже анонсу «Труды того же автора», «Иресиона» должна была включать 13 сказок, которые начали выходить в России отдельными выпусками с 1921 г. Всего в течение 1921—22 гг. их вышло четыре («Тайна Долгих скал», «У матери – Земли», «Соловьиные песни», «Каменная нива»), а также самостоятельными изданиями еще два «сказания»: «Терем Зари» и «Царица Вьюг». Еще семь: «Кубок обиды», «Заклятый двор», «Печать Персефоны», «Юность Дедала», «Дом на юру», «Тирренский пленник», «Дочь Немезиды» — так и не были напечатаны на языке оригинала, а существуют лишь в польском переводе.

В 1993 г. изданные на русском 6 сказок вошли в книгу «Сказочная древность Эллады», составленную Г. Гусейновым и выпущенную в подарочном варианте издательством «Московский рабочий», а в 2000 г. они вышли отдельным сборником в издательстве «Алетейя».

V. Античный мир

Цикл «Античный мир» был задуман Зелинским как занимательное изложение событий античности в сочетании мифологического и исторического аспектов и предназначался, на что указывал сам автор, в первую очередь «для подрастающего поколения». Из 4-х томов цикла в России был издан начальный — «Сказочная древность», который представлял собой свод мифов, воссозданный на основе творений греческих трагиков. Как подчеркивал в предисловии автор, его задачей было «представить греческую мифологию в том виде, какой она получила в греческой трагедии». «Сказочная древность» вышла тремя отдельными выпусками в течение 1922—23 гг. (3-й выпуск — уже после окончательного отъезда Зелинского из России), а 70 лет спустя вошла заглавной частью в уже упомянутое издание «Сказочная древность Эллады». Еще через год, в 1994-м, под своим исконным

названием, была переиздана московским издательством «Культура». Обе книги имели массовый тираж в 50 тыс. экземпляров. Кроме того, «Сказочная древность», наряду с «Древнегреческой религией» и «Религией эллинизма», существуют в формате аудиокниг.

Следующие 3 тома были напечатаны в 30-е гг. на польском языке и затем неоднократно переиздавались в Польше. С последних переизданий были сделаны переводы на русский, выпущенные «Алетейей»: «Римская империя» (2000) и «Римская республика» (2002). «Независимая Греция» на русский язык, насколько мне известно, так и не переведена.

VI. Религии античного мира

Этим шеститомным циклом Ф. Ф. Зелинский завершил «научное здание», о начале строительства которого известил в предисловии к сборнику «Из жизни идей». Первыми книжками стали посвященные Элладу «Древнегреческая религия» (1918) и «Религия эллинизма» (1922), вышедшие в Петрограде.

Как отмечал в большой рецензии, помещенной на страницах журнала «Мысль», Б. Казанский, «обе книги проф. Зелинского дают в русской литературе впервые самостоятельное изложение религии Эллады, притом принадлежащее перу авторитетнейшего в России корифея классической филологии. Это делает появление их событием, значительным в развитии русской мысли, — в глазах тех, конечно, кому в ней дороги идеи и стремления европейской культуры».

Первой из этих книг, наряду с «Лекциями...» («Древний мир и мы»), суждено было стать самой известной работой автора, переиздающейся на протяжении десятилетий. Существуют ее переводы на польский, английский, французский, чешский и эстонский языки. В новейшее время в России обе эти книги издавались неоднократно, и порознь, и под одной обложкой, а также, как уже упоминалось, в аудиоформате.

А вот все последующие тома, написанные по-польски, российскому читателю неизвестны. В их числе и два заключительных, работа над которыми проходила в трагический период войны и тяжких жизненных потрясений. Машинописный экземпляр рукописи 6-го тома уже почти полвека хранится в С.-Петербургском архиве Российской Академии наук, оставаясь не востребованным.

VII. Публицистика

Публицистика Ф. Ф. Зелинского практически недоступна современному российскому читателю, а это немалый пласт его литературного наследия, во многом не утративший своей актуальности и по сей день. Автор мечтал собрать свои многочисленные газетные и журнальные публикации этого жанра в отдельный том, примыкающий к циклу «Из жизни идей». Первыми его публицистическими работами были статья 1905 г. «Личность и партия» в юридической еженедельной газете «Право» и вышедшая отдельной брошюрой одновременно с публикацией в Журнале Министерства народного просвещения большая статья «Университетский вопрос в 1906 году». Однако основную массу несостоявшегося тома должны были составить газетные публикации в таких массовых и широко читаемых газетах, как «Биржевые ведомости», «Речь», «Русское слово» и др. В «Автобиографии» Зелинский с гордостью отмечал, что его статьи читались по всей империи и цитировались в провинциальной прессе.

Публицистическая активность ученого-филолога особенно возросла в первые революционные годы (1917—1918), когда его статьи, очерки и рецензии регулярно печатались в газете «Русская воля», а после разгона редакции этого печатного органа большевистской властью — в газете «Наш век», сменившей также запрещенную «Речь». В 90-е гг. XX в. газетные и журнальные публикации этого периода были собраны замечательной польской исследовательницей жизненного и творческого пути Ф. Ф. Зелинского проф. Ханой Геремек (1930—2004). Семь из обнаруженных 23-х публикаций были переведены ею на польский язык и изданы в книге «Культура и революция»^[4]

В ежедневной политической, общественной и литературной газете «Русская воля», куда пригласил профессора ее литературный редактор Леонид Андреев, с 22 декабря 1916 по 21 октября 1917 г. вышло 16 статей. Но сразу после октябрьского переворота издание было закрыто, а типография передана газете «Правда».

Известная газета конституционных демократов «Речь» также была закрыта, но продолжала существовать, меняя названия. Одно из них — «Наш век», где с 21 апреля по 28 июля 1918 г. Зелинский поместил 7 публикаций. Но в августе 1918-го все оппозиционные большевикам органы печати были закрыты окончательно.

Кратковременное возрождение свободной прессы, хотя и придерживаемой цепями цензуры, произошло в 1921—1922 гг. К

июню 1922 г., когда Ф. Зелинский уже обосновался в Варшаве, относится его последнее публицистическое выступление в российской печати. Это знакомая читателям «Новой Польши» статья «Красная наука»^[5].

* * *

Наш обзор завершен. Он, конечно же, неполон. За его пределами осталось немало работ Ф. Ф. Зелинского, заслуживающих пристального внимания современных читателей. Это и «История античной культуры», широко известная в переводах на европейские языки; это и «Древнегреческая литература эпохи независимости» в 2-х частях; это статьи по истории античной этики, печатавшиеся в популярных журналах начала прошлого века; это переводы малых форм, включавшиеся даже в советские времена в хрестоматии по античной литературе...

Но и приведенного материала достаточно, чтобы сделать вывод о востребованности литературных произведений ученого-писателя в нынешней России. Однако из смоделированного нами 20-томного собрания сочинений современному российскому читателю доступна примерно половина.

Найдется ли просвещенный издатель для другой половины?..

Ровно сто лет назад в 18-м томе Нового энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона появилась статья о Ф. Ф. Зелинском, подписанная учеником и другом Фаддея Францевича выдающимся ученым-историком Михаилом Ростовцевым. Заканчивалась она словами: «Время для окончательной оценки значения Зелинского в науке, литературе и общественной жизни еще не настало; каждый год расширяет и углубляет наше представление о нем».

Думается, эти слова не утратили своей справедливости и теперь.

-
1. Подробнее о причинах такого положения см. мои публикации: Лукьянченко О. Вертикаль жизни: Наброски к биографии Ф. Ф. Зелинского // в кн. Ф. Ф. Зелинский. Римская республика / пер. с польского Н. А. Папчинской. СПб: Алетейя, 2002. С. 5—22; а также: Лукьянченко О. Вертикаль жизни Фаддея Зелинского // Лит. газета — Юг России, 2000, №№ 43, 44, 45—46, более известную благодаря Интернету, где воспроизведена многими сайтами и легко находится через поисковые системы.

2. Об этой статье см.: Гиндин С. Горизонты филологии глазами Ф. Ф. Зелинского. «Новая Польша», 2005, № 12. С. 52—53.
3. Зелинский Ф. Ф. История античных религий:
Древнегреческая религия. Религия эллинизма. Рим и его религия. Римская империя и христианство / Сост. и вст. очерк О. А. Лукьянченко. — Ростов н/Д: Феникс, 2010.
4. Zielinski T. Kultura i rewolucja. Publicystyka z lat 1917—1922. *Przełożyła, opracowała i wstępem opatrzyła Hanna Geremek. Warszawa, 1999.*
5. См. «Новая Польша», 2003, № 11. С. 62—66.

ЖЕЛЕЗНЫЙ, КРОВАВЫЙ, ЧЕЛОВЕЧНЫЙ

Сильвия Фролов, автор последней биографии Феликса Дзержинского, написала книгу полную фактов столь противоречивых — и столь ужасающих, — что оценить их с точки зрения моральности весьма сложно. Сама автор такой оценки не дает. Попытаемся сделать это за нее.

Сильвия Фролов начинает книгу отчетом о судебном процессе своего героя. В действительности подобного суда над Феликсом Дзержинским никогда не было, а речи прокурора и адвоката — это литературная компиляция цитат. Вымышленный судья под грузом весомых аргументов «за» и «против» закрывает дело... и до конца книги автор уже не возвращается в зал суда. Однако сотни страниц, следующие за этим предисловием, представляют собой богатый и настолько убедительный материал, что заставляет пересмотреть все заново и продолжить несостоявшийся процесс.

Книга о первом чекисте написана в форме открытого взгляда на противоречивую фигуру. Подобным образом представляет ее и издательство. «Страстный любовник, слепой фанатик, чуткий убийца», — гласит цитата на обратной стороне обложки. Далее слова: «Я верю только в учение Христа»... Это высказывание самого Дзержинского. По этой причине книга получила язвительные отзывы со стороны людей, которые, даже не заглянув в нее, назвали ее попыткой бессовестного оправдания преступника. Это не так. Оформленная провоцирующей обложкой, работа Сильвии Фролов добросовестна в отношении фактов. Как с ними быть, это уже другой вопрос.

Набожный аскет

Вытаскивая на свет тайны личной жизни «железного Феликса», Фролов создает самые интересные и ценные в историческом отношении фрагменты книги. Дзержинский любил, с взаимностью, нескольких женщин, а одна из них совершила из-за него самоубийство. Мы, однако, не будем заниматься этой стороной его биографии. Не стоит останавливаться и на оценке семейных отношений Дзержинского. Сильвия Фролов убедительно доказывает, что он

не был в этом отношении чудовищем, как представляли его некоторые биографы. Феликс Дзержинский был любящим и нежным отцом маленького Яна.

При случае стоит внимательнее присмотреться к аскетической составляющей его метода воспитания. По приезде с матерью из Швейцарии в Москву его сын стал страдать постоянными мигренями. Кремлевский врач прописал ему ложечку коньяка. «Пусть Ян точно следует правилам поведения пионеров, и боль пройдет», — заявил отец. Дзержинский не демонстрировал высокую мораль напоказ. Суровые и непоколебимые принципы он применял в первую очередь по отношению к самому себе. Будучи молодым социал-демократом, агитирующим на фабриках Ковно, он постоянно голодал. «Слюнка порой текла, когда я ходил по квартирам рабочих и в нос мне ударял запах блинов», — вспоминает он. Однако не поддавался на уговоры сесть за стол, уверяя, что сыт.

Этот личный аскетизм связывался с жертвенностью ради других. В Х павильоне Варшавской цитадели Феликс заботился о тяжелобольном рабочем, подкармливая его за свой счет и два раза в день вынося на своих руках на прогулку. У этой жертвенности была все же фаталистическая черта. Есть прекрасное описание дискуссии, какую в варшавской квартире «молокосос из Вильно» вел с Эдвардом Абрамовским, выдающимся идеологом польского социализма. «Я словно частица воды: течение меня куда-то несет, но ни направление от меня не зависит, ни скорость», — возражал он Абрамовскому, превозносившему свободную волю личности.

Дзержинский, польский шляхтич с Кресов, далекий родственник Юзефа Пилсудского, открыто воспротивился тем принципам, в каких воспитывался в своей семье. Он отбросил их, как только понял, что они расходятся с реальной жизнью. «Для меня болтовня отвратительна, я хочу работать, работать так, чтобы чувствовать, что живу не напрасно», — пишет он сестре из ссылки.

Виленские печали

В гимназические годы Дзержинский был очень религиозным мальчиком. Вместе с несколькими друзьями он основал ученический кружок с характерным названием «Сердце Иисуса». Целью этого кружка, наряду со взаимопомощью в обучении, была борьба с царизмом за независимость Польши. Присягу гимназисты приняли на виленской Горе Гедимины, то есть в стопроцентно романтическом стиле. Фелек в те времена мог лежать ниц в костеле, мог также убедить сверстников, что

если Бога нет, то пустит себе пулю в лоб. Однако в 1894 г. в нем произошла внезапная перемена. Он порвал с верой и с тех пор так же горячо убеждал товарищей, что Бога нет.

Что стало причиной этого перелома? Этого мы уже не узнаем. Сильвия Фролов считает, что смерть матери, однако та умерла спустя два года после того, как Феликс порвал с религией. Иногда ничтожное на первый взгляд происшествие в жизни молодого человека, податливого, как пластилин, к внешним воздействиям, формирует его на всю взрослую жизнь. Мы можем только догадываться, что это было что-то далеко не радостное. Ведь этот гимназист, которого священник, преподаватель Закона Божьего, отговорил поступать в семинарию, так как тот «был слишком веселый и привлекательный», со временем — как в один голос свидетельствуют современники — стал человеком, полностью лишенным чувства юмора. Это тоже о чем-то говорит.

В любом случае Дзержинский, у которого «в другое время и в другом месте были все шансы стать святым», свернул на путь социал-демократии, став со временем коммунистом, большевистским деятелем и, наконец, создателем и руководителем пользующейся жуткой славой советской политической полиции.

Порывая с религией, он, однако, не порвал с христианством — по крайней мере, в его собственном понимании. Когда в 1901 г. он сидел в заключении в Седльце, семья прислала ему в камеру Новый Завет. Он горячо благодарил за эту книгу, однако когда самые близкие расценили этот жест как возвращение «заблудшей овечки», он так же горячо запротестовал. Он не католик! «Я верю только в учение Христа, в Его Евангелие, в любовь Его неизмеримую к несчастным людям». Еще в 1920 г., будучи одним из предводителей марионеточного правительства большевистской Польши, в разговоре со священником Мечковским из Вышкова он убеждал его: «Христос первый революционер и за революцию жизнь отдал». Он добавил при этом в уже известном нам, фаталистическом духе: «Католическая Церковь исказила Его идеи, проповедуя свободную волю, которой нет и быть не должно. Коммуна воспитает человека так, что он будет поступать только хорошо».

Священника к коммунизму он не склонил. Но верил ли он еще сам в эту утопическую картину? За время между 1901 и 1920 годами этот идеалист успел превратиться в идеолога. В любом случае ему было далеко до искреннего революционного энтузиазма. Священник Мечковский (который во время спора

еще не знал, что разговаривает с всесильным начальником ЧК) упоминает, что его оппонент на вопрос, чем коммунисты заменят религию в сердце человека, ответил ему горьким тоном: «Идеалы наши не сегодня осуществляются. Пройдут еще века».

Сильвия Фролов размышляет о том, стал бы Дзержинский, подобно Инквизитору из романа Достоевского, «подгрести угли к костру Христа». И признает, что ей не хватает мужества ответить на этот вопрос. Но ведь на него ответила история. Если мы верим, что Он страдает в каждом обиженном человеке, то мы также должны признать, что миллионы жертв советской системы насилия, во главе которой стоял «железный Феликс», — это миллионы разожженных костров.

Ключевая проблема здесь — это отношение большевиков к террору. Рассматривая ее, нужно избегать соблазна оценивать те события через призму опыта XX века. Тогдашние революционеры, по крайней мере, некоторые из них, действительно верили, что могут изменить мир к лучшему! Это была, в сущности, такая же вера — а вернее, такой же фанатизм, — с какой религиозные предводители прежних веков начинали войны, в которых вырезали иноверцев. И те, и другие верили в правильность принципа, который оправдывал насилие применяемых мер. Русские коммунисты хотели осчастливить человечество, уравнивая общественное положение отдельных личностей. Для достижения этой цели, как учит доктрина, необходимо устранить имущие классы. Кто же из тех, у кого болит душа за благо человека, мог бы осудить эту болезненную, но необходимую операцию? Так рассуждало тогда множество людей, несомненно, благородных, чутких к бедности и обездоленности ближнего. Таких, как Феликс Дзержинский.

Однако террор — это только временный этап на пути к обществу вечного счастья, в котором не только не будет классовой дискриминации, но исчезнут — за ненужностью — даже государственные структуры. В правильности такого суждения был уверен Ленин. Если бы оказалось, что террор не улучшил судьбу человечества, его применение было бы трагической ошибкой. Однако такой вероятности большевистский теоретик не предвидел.

Весы правосудия

В декабре 1917 г., спустя ровно месяц после прихода к власти в России, Ленин поставил Дзержинского во главе Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем,

сокращенно — ЧК. Уже вскоре эта новая аббревиатура будет вселять ужас в каждого жителя большевистского государства.

Первыми жертвами красного террора — официально объявленного несколькими месяцами позднее, а на деле существовавшего с самого начала — были «белые», то есть представители классов, связанных со свергнутой властью. В первую очередь это были активные враги «красных», но за ними шли и все остальные, включая священников, женщин и детей. Они гибли везде, их расстреливали на улицах, в казематах следственных тюрем, в концентрационных лагерях, которые начали расти как грибы после дождя. ЧК ввела принцип коллективного террора, который бил по людям только из соображения их классовой принадлежности. Ведь «буржуи» были «классом, приговоренным историей к смерти и имеющим на своем счету преступление мировой войны».

Эта цитата из коммуниста Карла Радека звучала бы блистательно в устах кого-нибудь из гитлеровских бонз — если только заменить в ней «класс» на «расу».

Все это было в соответствии с первоначальной доктриной. Но революция быстро начала пожирать собственных детей. Террор обернулся против рабочих и крестьян, а также против самих революционеров. Первыми жертвами стали анархисты, после них левые и правые эсеры, меньшевики, наконец, матросы Кронштадта. Все они упрекали большевиков в измене идеалам революции: в союзе с империалистической Германией, в эксплуатации рабочих и лишении продовольствия крестьян, в укреплении подавляющего государственного аппарата.

Всесильное ведомство

В центре этих обвинений оказалась зловещая эволюция, какую уже с момента своего рождения начало проходить «ведомство безопасности». Чтобы действовать эффективно, ЧК должна была опираться на доносчиков, она быстро приняла также в свои ряды специалистов по провокации из прежней царской охраны. И в том, и в другом случае результатом было растущее влияние самых настоящих мерзавцев — и это в учреждении, которое благодаря Дзержинскому должно было быть примером идейной непоколебимости! Но коррозия шла дальше. Появилась практика фальшивых обвинений и показательных процессов. Больше того, щупальца «ведомства», разрастающегося, как полип, захватили вскоре все сферы жизни. Чекисты взяли под контроль все общество, разбудив в нем манию поиска врагов и шпионов в собственном

окружении. На следующем этапе развития они начали открыто инициировать всякие «идущие снизу» начинания.

Когда ослабленное гражданской войной большевистское государство вынуждено было на время смягчить свою позицию и частично освободить экономическую инициативу граждан (провести так называемую новую экономическую политику — НЭП), ЧК — переименованная в ОГПУ — использовала это для еще большего усиления общественного контроля. Ведь легче давить на больную мозоль тому, у кого есть что терять. А при случае можно обложить его данью, предназначенной, безусловно, на высокие цели борьбы за безопасность государства. Впрочем, можно предположить, что принятая тогда концепция легла в основу нынешней государственной доктрины Владимира Путина — чекиста у руля власти России.

Феликс Дзержинский поощрял все эти «искажения», делая из ЧК опору системы, которая огромными шагами направлялась к тоталитаризму. Что думал тогда этот послушный исполнитель заветов Ильича? По-прежнему ли считал себя спасителем человечества или же заметил, наконец, что король голый? А может, он убеждал сам себя, что «мое дело — быть верным», как делали это позднее эсэсовцы, собраты чекистов по ремеслу? Так или иначе, с достойным лучшего дела фатализмом «частица воды» понеслась с течением, питая себя иллюзией исторической необходимости. Он стал — по его собственным словам — жандармом революции, но также воспитателем касты жандармов, которые со временем так выросли в силу, что стали ставить себя над официально правящей партией.

Система, которая сформировалась в последние годы правления Ленина, при главенствующем участии Дзержинского, проложила дорогу сталинизму. Сильвия Фролов, принимая во внимание трагические судьбы польских коммунистов в 1937 г., считает аксиомой, что первого начальника советской госбезопасности, если бы он дожил до большой чистки, расстреляли бы по приказу Сталина вместе с другими поляками. Это суждение аисторично. Если бы Дзержинский, который умер в 1926 г., пожил еще хотя бы десять лет... Неизвестно, кто кого приказал бы расстрелять.

Педагог

Феликс Эдмундович, как любой автократ, любил детей, поэтому был тронут судьбой сирот революции и гражданской войны. В огромной стране росло тогда, может, шесть, может, десять миллионов осиротевших детей. Они бродяжничали по вокзалам, попрошайничали и воровали, массово умирали от

голода, холода, вшей и гангрены. «Они были как крысы из городской канализации — бесчисленные, живущие большими стаями». Взрослые в массовом порядке били их, убивали и насиловали. Почти 80% бродячих девочек-подростков были беременны, а педофильские публичные дома появлялись в каждом большом городе.

Дзержинский, который, помимо управления ЧК, активно действовал и во многих других сферах, со свойственной ему преданностью занялся сиротами. Он приказал чекистам вылавливать их и помещать в специальные центры. Как это выглядело на практике, мы знаем из рапортов управляемой им комиссии по улучшению быта детей: «То, что мы имеем, это не дома ребенка, а детские кладбища и клоаки».

С. Фролов пишет, что в вопросе детей Дзержинский, несмотря ни на что, «мог, наконец, делать добро». Не будем, однако, забывать, что большую часть этих ангелочков сделали сиротами по его приказу.

Говоря о жестокостях, совершаемых обеими сторонами во время польско-большевистской войны 1920 г., автор ссылается на свидетельство Исаака Бабея, которого она называет «хранителем правды». Здесь не место, чтобы говорить о тех частях книги, гораздо более слабых, в которых Сильвия Фролов сравнивает преступления красных и белых. Я бы хотел прокомментировать лишь написанную как бы мимоходом фразу: «На польской стороне такого Бабея не было». Но это не так, «польский Бабель» — это Стефан Жеромский. Писатель, который, правда, в непосредственных военных действиях участия не принимал, но на страницах повести «Приход в Вышкове» дал оценку, по меньшей мере столь же верную, ибо горько — хоть и с разных позиций — показывающую обе стороны конфликта.

«Эти соотечественники, — пишет он о членах Временного революционного комитета Польши, в состав которого входил Дзержинский, — для поддержки своей власти привели на наши поля, в наши бедные городки, на дворы и в дома помещиков, в города, заваленные грязью и разоренные длительной войной, — чужую армию, массу, состоящую из темных, голодных людей, жаждущих наживы и солдатского разврата. [...] На польской земле уже нет места для этих людей — ни столько, чтобы поместилась нога человека, ни столько, сколько займет могила».

Это жесткие и однозначные слова — а ведь нет в них ни ложного пафоса, ни шовинистического высокомерия. Их-то

как раз и не хватает в богатой цитатами книге Сильвии Фролов. Но если кто-то уже примет их правду, то не сможет согласиться с мнением автора, когда та пишет о Дзержинском: «Он был польским патриотом особого, однако, рода». В этом вопросе, несмотря на усилия понять всю сложность и трагизм фигуры героя книги, я на стороне Жеромского.

Палач и праведник

Дзержинский с точки зрения Сильвии Фролов — это странная фигура. Автора биографии он пленяет неоднозначностью. Палач, который своей жестокостью испугал даже такую рьяную коммунистку, как Роза Люксембург. Но в той же книге множество достоверных свидетельств людей, которых начальник ЧК лично вытащил из тюрьмы, уверенный в их невиновности или даже просто в том, что для системы они опасности не представляют. Среди них было много поляков, но, наверное, не всегда решение об освобождении заключенного определялось его национальностью. Главным был характер. Если «железный Феликс» был уверен, что он имеет дело с человеком искренне и отважно защищающим свои твердые убеждения — даже если эти убеждения полностью отличаются от большевистских — он часто отпускал его на свободу.

Автор размышляет над причиной этой странной снисходительности, столь не подходящей к портрету палача миллионов. И приходит к выводу, что ее герой «как личность идеально вписывался в понятие „банальности зла“ Ханны Арендт. Будучи служащим, он подписывал приговоры, потому что он имел дело с цифрами на бумаге и идеологическим посылом в сердце. Во время же непосредственного контакта с допрашиваемым в нем просыпалась человечность».

Обвинение это или защита? Трудно сказать. Повествование Сильвии Фролов изобилует крайними оценками: где-то она описывает Дзержинского как ангела, в другом месте — как дьявола в человеческом облики. Но все же окончательного приговора автор не выносит, стрелка весов добра и зла не склоняется ни в одну, ни в другую сторону.

Ханна Арендт, на которую ссылается Сильвия Фролов, свой тезис о «банальности зла» вывела из наблюдения над поведением Адольфа Эйхмана, одного из самых крупных гитлеровских преступников. Но ведь это не значит, что она, выдающийся знаток феномена тоталитаризма, пренебрегла тем, что является сущностью зла. Напротив, ее книга об Эйхмане — это один из самых серьезных обвинительных актов, какие когда-либо были написаны. Крупные преступники это не

звери — как мы привыкли их называть, пытаюсь осознать то, что невозможно понять, — а люди. У них тоже есть человеческие рефлексy. Как у немецкого аналога начальника ЧК Генриха Гиммлера, рейхсфюрера СС и гестапо, которому стало дурно, когда ему пришлось участвовать в казни.

Человечность палача нельзя воспринимать как противовес его преступлению. Напротив, тот факт, что он ведет себя как человек, показывает это преступление во всей мерзости поступка Каина. Поэтому я считаю, что на обложке биографии, названной «Дзержинский. Любовь и революция» не хватает одного слова: «кровь».

Sylvia Frołow, Dzierżyński. Miłość i rewolucja. Wyd. Znak, Krakow 2014

ВИЛЯНУВСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Спустя несколько дней после того, как я представил [министру иностранных дел]^[1] Беку отчет о своих московских переговорах, я узнал от него, что Комендант^[2] не выразил никаких замечаний или возражений, — даже относительно такого сомнительного для меня вопроса, как: правильно ли я поступил, не дождавшись возможной аудиенции у Сталина? «Коль скоро то, о чем я намеревался рассказать, дошло, куда следует, и раз оно было понято, — сказал мне Бек, — то не повредит, если в Кремле всё это хорошо обмозгуют; кроме того, первоначально инициатива исходила от нас, а потому теперь их очередь подхватить ее; пойдут ли они на это и как они это сделают — все это тоже будет иметь свое значение».

В итоге я получил некое «утверждение отчетного доклада», если речь идет о данной стадии моего браконьерства на ниве внешней политики. Долго ждать продолжения нам не пришлось. Приблизительно через месяц с момента моего возвращения из Москвы Радек прибыл в Варшаву.

Уже в первом разговоре, когда он нанес мне визит в редакцию «Газеты польской», Радек сказал мне, что Сталин воспринял его отчет с величайшим интересом; кроме того, мой гость отчетливо констатировал, что уполномочен продолжать начатые в Москве переговоры, только сначала он хотел бы получить от меня отдельные дополнительные разъяснения, а затем готов перейти к конкретному обсуждению того, что следует предпринять с обеих сторон, дабы придать отношениям между Польшей и Советской Россией характер добрососедского сосуществования.

Заручившись такой декларацией, без которой было бы преждевременно обращаться за инструкциями по поводу дальнейших переговоров, я должен был получить время на их подготовку. Поскольку как раз приближались Зеленые Святки, я спросил у Радека, не хочет ли он после многолетнего отсутствия начать свой визит в Польшу с экскурсии по стране, провести, например, свои родные места или навестить старинный Краков. Он ответил, что с превеликим удовольствием, но — если это возможно — ему хотелось бы прежде всего посетить наше балтийское побережье. Я заверил его, что он может ехать, куда угодно и как угодно, самостоятельно выбирая себе

маршрут, и что я предоставляю в его распоряжение автомобиль «Газеты польской» и предлагаю в качестве попутчика коллегу-журналиста, ныне директора агентства печати «Искра», отставного полковника М. Сцежинского, который будет не только разумным и хорошо информированным провожатым, но вдобавок еще и превосходным компаньоном. В результате мы набросали возможную трассу путешествия через Куявы и Поморье до Гдыни, затем через Познанское воеводство и Силезию в Краков, после чего, наконец, в его родной Тарнув^[3], где — как я узнал — проживает его брат. Я не преминул также — принимая во внимание мой московский опыт — сказать Радеку, что он может по своему желанию в любую минуту изменить намеченный нами план вояжа, и ему следует без всякого стеснения задавать вопросы обо всем, что его заинтересует. В этой связи Радек напомнил мне о своей последней поездке через Польшу летом 1919 года, когда он как польский гражданин был доставлен немцами к нашей границе из тюрьмы, в которой находился вместе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург; из немецких рук его принял капитан И. Бёрнер^[4], перевез через территорию Польши и передал в распоряжение выдвинутых постов Красной Армии. Разумеется, я прекрасно помнил этот инцидент, благодаря которому Карл Радек вместо того, чтобы, по всей вероятности, разделить судьбу обоих своих расстрелянных товарищей, очутился в Москве, причем в Центральном комитете большевицкой партии.

Таким образом утром следующего дня Радек поехал «смотреть Польшу», я же известил Бека, что у моего гостя имеется от Сталина мандат на проведение переговоров, и попросил проинструктировать меня.

Спустя три дня Сцежинский позвонил мне из Кракова, сообщив, что они уже прибыли туда и что завтра Радек собирается в одиночку поехать на 24 часа к своей родине в Тарнув, после чего он будет готов вернуться в Варшаву. Мне захотелось поговорить с ним именно в Кракове; поэтому я полетел туда, и еще в тот самый вечер мы поужинали в Гранд-отеле, а затем совершили многочасовую прогулку вдоль Плантов^[5] к стенам Вавеля, посетив по дороге старинные университетские коллегии, в которых мы оба, хотя и в разные годы обучались, и закончили наш променад на Мариацкой площади, несказанно красивой в лунном свете. На Плантах мы тоже просидели довольно долго, обсуждая в общих чертах международную ситуацию, поскольку у меня уже имелись рамочные инструкции, которые Бек передал мне после своего разговора в Бельведере^[6]. У меня сложилось непреодолимое

впечатление, что экскурсия по Польше, а в особенности, быть может, атмосфера древних краковских стен оказала свое воздействие на Радека: это был совсем не тот человек, с которым я встречался в Москве; мне казалось, будто из него выбралось наружу — несмотря на весь его большевизм и марксизм — всё то польское, что в нем имелось. И я полагаю, что в ту минуту он вполне искренне и с самыми добрыми намерениями думал о том, как разрядить напряженность в наших отношениях.

Пребывание Радека в Польше длилось две недели. Мы старались и дальше придерживаться избранной стратегии и обходиться без официальных инстанций. Конечно же, состоялся прием в советской дипломатической миссии, я отвез Радека на чашечку чая к Беку, чтобы представить его министру, устроил для гостя завтрак в фешенебельном клубе на улице Фоксаль, в котором принял участие заместитель министра иностранных дел Я. Шембек, но все эти мероприятия носили чисто светский характер. Деловые беседы мы вели с глазу на глаз; погода стояла прекрасная, так что обычно я забирал Радека в Вилянувский парк, иногда в Лазенки. Таких разговоров, перемежавшихся историческими отступлениями, было много. Понятное дело, я не буду повторять их в хронологическом порядке, а сведу воедино и изложу самую суть.

В соответствии со своим первоначальным заявлением Радек хотел после приезда получить кое-какие дополнительные разъяснения к моему основному заявлению, сделанному в Москве. Начал он с того, что выручил меня: «Полагаю, я хорошо понял вас, последовательно развивая тезис, что государственным интересам Польши не отвечает сопричастность к любой нацеленной на восток германской акции, в случае успеха которой Польша оказалась бы де-факто зависящей от милости и немилости немцев; мы можем, пожалуй, сделать вывод, что точно так же вас не привлекает мысль об участии в аналогичной акции, направленной с востока на запад, и подобно тому, как вы не хотите, чтобы карта Европы вокруг Польши оказалась окрашенной в коричневый цвет, не улыбается вам и перспектива, чтобы она стала красной?». Со всей искренностью я подтвердил эту дополнительную интерпретацию.

Мы продвинулись дальше. Радек говорил, что в Кремле сочли наши мотивы, отвергающие совместную с Германией акцию против Советской России, вполне убедительными благодаря их простоте. «Таким образом, мы верим, — сказал он, — что по доброй воле вы этого не сделаете. Но нам необходимо

принимать во внимание факт, что вас может вынудить к этому ситуация. Мы видим две возможности: первая — Германия предъявит вам следующий ультиматум: либо вы двинетесь на восток вместе с ними, принимая полное военное участие, предоставляя спокойный тыл, помогая им в покорении завоеванных территорий благодаря вашему знанию языка и отношений в России, за что вам предложат то или иное участие в прибылях, либо немцы займут Польшу силой, и вы станете первой жертвой их "Дранг нах Остен", со всеми вытекающими последствиями».

«Вторая возможность — Германия, не требуя от вас открытого и деятельного соучастия, предложит вам договор, заключающийся в том, что вы уступаете ей так называемый поморский коридор^[7], весь без изъятия или его северную часть, а она, разумеется, обещает вам какой-то доступ к портам и отказ от дальнейших притязаний на возврат утраченных земель. В случае вашего согласия Германия, получив свободные и бесконтрольные коммуникации с Восточной Пруссией, сможет построить там мощную базу для вылазок и налетов против нас. Проход через Литву или Латвию с согласия этих стран или без такового станет для немцев уже мелочью. Следовательно, даже если мы полностью верим, что с вашей стороны нет и не будет никакой собственной или же совместной с Германией инициативы, то ведь нельзя не признать, что в случае той ультимативной угрозы, о которой я говорю, дело обстоит уже не так просто».

В этом месте Радек начал убеждать меня, что не было бы ничего странного, если бы Польша, оказавшись в столь драматической ситуации, поддалась угрозе первой из вышеуказанных возможностей или пошла на компромисс во втором случае. «Мы размышляли над этим в Москве, — говорил он, — и пришли к выводу, что сами не знаем, как бы мы поступили на вашем месте».

«Я тоже не знаю, — ответил я, — как поступили бы вы. Но я знаю без тени сомнения, как поступим мы. Ни одна, ни вторая из названных вами возможностей не встретит с нашей стороны никакого другого ответа, кроме безусловного нет. Я не удивляюсь, что сомнения на сей счет могли возникнуть среди тех, с кем вы, вероятно, обсуждали данную тему в Кремле. Ни г-н Сталин, ни г-н Литвинов не знают Польшу и польский характер. Но меня удивляете вы — человек, который воспитывался в Польше, знает ее историю и знает наш национальный характер со всеми его хорошими и плохими сторонами. Я имею в виду не только то, что вы прекрасно

знаете Мицкевича и преклоняетесь перед ним; но ведь вы не хуже знаете и тех выразителей нашего национального духа, под влиянием которых воспиталось сегодняшнее поколение, — будь то Сенкевич или Жеромский. И мне, пожалуй, нет нужды говорить вам, что для нас ничуть не новость подниматься на борьбу независимо от того, что диктует нам так называемый здравый смысл. Не думаю, чтобы вы сделали таким уж москалем, чтобы польское понимание чести толковать «в стиле Достоевского». Невзирая на ваш материализм, вы должны знать, что такого рода неуловимые факторы играли и играют в Польше решающую роль. И, возможно, будет не лишним напомнить вам, насколько высоко ценит их тот, кто в данный момент определяет политику Польши, — Пилсудский. Но будем более рационалистичными. Неужто вы полагаете, что народ, который на протяжении веков имел с Германией такой опыт отношений, как мы, поверит, что не обернется против нас вся эта немецкая мощь, укреплению которой мы, поверив в какие-то обещания или клятвенные заверения, могли бы поспособствовать? Отношение общества к немцам формируется в Польше на основании „Крестоносцев” Сенкевича; если вы не очень хорошо помните эту книгу, прочитайте ее еще раз, и добавьте еще „Ветер с моря” Жеромского^[8]».

Я был зол и не видел необходимости скрывать это. Радек очень внимательно наблюдал за моей реакцией. И добавил со своей стороны, что, когда он увидел, чего мы достигли в Гдыне [где с нуля был построен крупный город и порт], его посетила мысль, что действительно никто не прилагал бы таких огромных усилий, если бы мы принимали во внимание возможность уступить наше побережье Германии.

Разумеется, я отлично понимал, что Радеку недостаточно моего спонтанного ответа. Прозвучавшие дополнительные вопросы несомненно были продиктованы ему Сталиным, и мой собеседник тоже будет ждать от меня авторизованного ответа. Посему я безотлагательно и с максимальной точностью изложил эту часть нашего разговора Беку, выразив убеждение, что не считаю, чтобы в данном случае мои ссылки на Сенкевича и Жеромского в качестве свидетелей были достаточны, и что необходима контрассигнация именем Пилсудского. Через два дня я получил указание коротко и ясно констатировать, что Польша не уступит ни перед какой угрозой или попыткой принуждения, — а также полномочие сослаться на Коменданта. Что я и выполнил.

Тем временем мы обсуждали с Радеком вопрос о переходе на добрососедские отношения. Он подчеркивал, что не стоит чрезмерно полагаться на донесения и рапорты разведывательно-информационного характера, что таким образом можно получить абсолютно фальшивую картину внутренних отношений у соседа. Радек ловко изложил свои замечания на эту тему в форме атаки, вменяя нам в вину, что это именно мы слишком полагаемся на «секретные» рапорты о ситуации в Советской России, о разнообразных грозных проявлениях брожения, которые якобы угрожают устойчивости советского правительства. Он смеялся над этим, но одновременно после такого вступления он считал возможным как пример дезориентации привести самого себя. Радек признался, что образ Польши, увиденный во время экскурсии, разительно отличался от того, который он создал себе в Москве на основании всяких письменных и устных донесений. «Если бы не факт, — говорил он мне, — что, выезжая со Сцежинским из Варшавы в Гдыню, я сам прочертил на карте маршрут нашего путешествия, то честно говоря, я подозревал бы, что разнообразные сценки, которые я видел в Ловиче или Грудзёндзе, подстроены специально для меня. К примеру, мне говорили о крайне недоброжелательном отношении населения к армии, которую почти бойкотируют; я же видел здесь нечто совершенно другое, причем на каждом шагу, наблюдая, как на народных гуляниях ваши солдаты лихо отплясывают оберек с деревенскими девами. Я слышал и читал о неслыханной нищете в деревне — кстати, вы сами предупреждали меня перед отъездом, что я увижу страну в глубоком экономическом кризисе, — но, когда я смотрел на ваших мужиков и баб, в праздничные дни едущих в костел, то с сожалением скажу, что по сравнению с картинами нашей советской деревни у меня складывалось ощущение настоящей зажиточности. Меня предостерегали в Москве, что в Польше ко мне станут относиться, словно к зачумленному, и что я должен быть начеку, чтобы не столкнуться с каким-нибудь оскорблением. Я и впрямь секунду или две чувствовал себя весьма некомфортно, когда на вокзале в Варшаве — как вы, наверно, заметили — в мою сторону стремительно ринулся старый товарищ из Тарнува, [знаменитый актер Стефан] Ярач, которого я не сразу узнал; но вместо оскорбления он звонко расцеловал меня по старопольскому обычаю в обе щеки, после чего заключил в объятия. Я — стреляный воробей, поэтому в ходе разнообразных встреч в Варшаве и Кракове — а Сцежинский познакомил меня там как с господами консерваторами, так и с социалистами, — я сразу почувствовал, что ко мне относятся попросту благосклонно; то же самое происходило и в вашем клубе в Варшаве, когда после

завтрака мы так свободно и весело обменивались мнениями с вашими генералами и полковниками. Поэтому, когда я вспоминаю разговор с вами в Москве, у меня создается впечатление, что та инициатива, по поводу которой вы сослались только на одного человека, действительно должна пользоваться в Польше более широким пониманием».

Мы говорили тогда об ослаблении ограничений в персональных перемещениях между Россией и Польшей, об организации более широкого обмена в сфере литературы и искусства, что действительно спустя какое-то было реализовано. Мы коснулись также вещей более глубоких. Говорили о необходимости перестать ставить друг другу подножки в области внешней политики; а также о прекращении — перед лицом ситуации, складывающейся к западу от нас, — вмешательства во внутренние отношения. Наконец — и это было, по всей видимости, больным местом для большевиков — Радек упомянул, что наши военные атташе, а также члены дипломатического и консульского корпуса в Советской России могли бы перестать давать «уроки» — как он выразился — своим коллегам из других государств, которые обычно не владели русским языком и не ориентировались во внутренних делах страны так, как поляки. У меня имелись на счет всего этого инструкции, позволяющие достичь соглашений. Случались во время наших «вилянувских переговоров» моменты особо любопытные. Так, например, когда Радек говорил о прекращении враждебных действий по отношению друг к другу, он сразу сделал оговорку, что, естественно, — даже говорить не о чем — ни они, ни мы не сможем отменить военную разведку, поскольку *sicher ist sicher* [береженного Бог бережет]. И никаких обид по этому поводу быть не должно; однако раздувание национальных проблем — совсем другое дело, и от подобных вещей мы можем взаимно отказаться. Далее, когда я как пример злостного подстрекательства литовцев против нас привел деятельность советского посланника в Каунасе, Радек заявил мне, что вообще-то по отношению к Литве они готовы предоставить нам карт-бланш, т. е. полную свободу действий. Однажды он сказал по-польски, что мы можем «делать с ними, что хотим», — а затем, в другом разговоре, по-русски, что если литовцы будут хулиганить, то «пускай пеняют сами на себя». Когда он опять заговорил о «развязанных руках» по отношению к Литве, я со смехом попросил его, не продавать мне два раза одну и ту же кобылу.

Не было никаких сомнений, что живший в советской миссии Радек поддерживал шифрованную связь с Кремлем, передавая туда отчеты и получая инструкции. Принимая всё это во

внимание, можно считать весьма знаменательным наш предпоследний разговор, в котором Радек неожиданно зашел довольно далеко. Вот что я тогда от него услышал:

«В результате наших предыдущих рассуждений мы вправе предположить, что дело может дойти до вооруженного конфликта между Польшей и Германией. Не стоит ли нам, принимая во внимание такую возможность, подумать о чем-то большем, чем разрядка напряженности, сближение и по-настоящему добрососедские отношения? В случае такого развития событий мы были бы готовы помочь Польше. Я прекрасно понимаю, — сразу же уточнил Радек, — что вас абсолютно не устраивает поход Красной Армии для защиты ваших западных границ. Но ведь существует целый ряд других услуг, которые вы могли бы от нас получить, например, в области военных материалов, оборудования и боеприпасов или же, наконец, бензина. Как ни говори, помощь от ваших западных союзников может оказаться чрезвычайно затрудненной. Полезной может оказаться также концентрация наших сил на северо-западе, держащая Восточную Пруссию под угрозой. Я ведь человек совершенно штатский, так что я просто прикидываю те или иные возможности. Поэтому может быть стоит, чтобы наши генеральные штабы заранее обсудили указанные проблемы и договорились насчет совместных действий — разумеется, чисто оборонительных?».

Так далеко идущие предложения застали меня врасплох, хотя сам факт разговора на эту тему ясно свидетельствовал о том, что Кремль позитивно оценивает ход наших с Радеком бесед.

Естественно, я не мог ни единым словом самостоятельно выразить какую бы то ни было позицию. Поэтому я воспользовался тем, что верхушки великолепных тополей над Вислой уже розовели в лучах заходящего солнца, условился с Радеком об очередной прогулке на следующий день, и мы вернулись в Варшаву. Я немедленно отправился к Беку, чтобы сообщить о столь сенсационном повороте, как предложение чего-то вроде устойчивого оборонительного союза между Польшей и Советской Россией. Для Бека это также было сюрпризом, и он еще в тот же самый вечер поехал с докладом в Бельведер. Довольно поздно ночью министр известил меня, что получил инструкции от Коменданта. И утром следующего дня передал их мне. Они не совпали с моими ожиданиями; я предполагал, что получу указание дать скорее негативный ответ, мотивируя его нашим принципиальным решением не вступать в тесную связь ни с одной из мощных соседствующих держав. Тем временем Комендант распорядился отвечать

отнюдь не отрицательно, а заявить, что предложения Радека будут нами рассмотрены, но в данный момент они несколько преждевременны. Что после десятка с лишним лет более или менее неприязненных отношений между нашими странами мы должны дать общественному мнению время, позволить ему привыкнуть к тому, что наши страны вступают на путь добрососедских отношений, что не исключает их постепенного укрепления в будущем.

Именно так я и представил дело Радеку в тот же день пополудни во время нашего последнего разговора. У меня создалось впечатление, что он принял мои слова с пониманием. Кроме того, мы условились — предвидя, что в дальнейшем претворять в жизнь то, о чем мы дискутировали, вероятно, станут уже официальные лица и дипломатические инстанции, — поддерживать личный контакт, и, если на официальном уровне возникнут какие-то шероховатости или недоразумения, мы будем стараться устранять или выяснять их посредством частной корреспонденции.

Поскольку на следующий день Радек уезжал в Москву, я пригласил [советского полпреда] Антонова-Овсеевко с супругой и моего гостя на прощальный бокал вина вечером в ресторан «У Фукера», где в нашей небольшой компании разговор о политике уже не заходил. Доминировали в беседе скорее реминисценции из «Трилогии» [Генрика Сенкевича], которую, как выяснилось, хорошо знал не только Радек, но и Антонов. Воспользовавшись случаем, я спросил, знаком ли Сталин с польской литературой. Радек ответил, что лично ему достоверно известно об одной польской книге, которую читал Сталин, — это был «Фараон» Болеслава Пруса.

Резюмируя наши вилянувские переговоры, проведенные с несомненной санкции лиц наделенных правом принимать решения, можно констатировать, что было достигнуто согласие по следующим вопросам: наши страны обоюдно и на условиях строгой взаимности прекращают вставлять одна другой палки в колеса как во внутренних делах, так и на дипломатическом поприще; мы будем стремиться к оживлению отношений между нашими странами, начиная с художественной и культурной сферы. Обе стороны увидели перед собой путь, на котором со временем возможно было дальнейшее сближение наших стран и упрочение отношений. Мы вступили на этот путь безотлагательно, предприняв кое-какие шаги. Польские военные атташе получили инструкцию не делиться собранными сведениями и наблюдениями с представителями других армий. Далее, с этого момента к

советской миссии, а вскоре после этого и к советскому посольству в Варшаве стали относиться так же, как к другим дипломатическим представительствам. Было покончено с изоляцией; на приемах стали свободно появляться представители политического, парламентского и хозяйственно-экономического мира, причем как со стороны правительства, так и со стороны оппозиции. На ниве культурно-художественного сотрудничества в Варшаве вышел специальный номер [еженедельника] «Вядомосци литерацке» («Литературные известия»), посвященный литературе и поэзии Советской России, в ответ появился аналогичный номер «Литературной газеты» в Москве, рассказывающий о произведениях современной польской литературы и поэзии. (Не без пресловутых «мухлежа, липы и туфты» с российской стороны, но это дело десятое). Мне вспоминается также поездка [в 1934 г. актрисы и певицы] Толи Кориан на гастроли в Москву и появление русских песенок в репертуарах варшавских театров. Всё это произошло в первые же месяцы после вилянувских переговоров.

Таким образом, в июне 1933 г., когда Радек покидал Варшаву, можно было считать, что тот поворот в наших отношениях с Советской Россией, к которому мы стремились в течение года, закрепился; что находило обоснование в тогдашней действительности и в ее адекватном — как представлялось — понимании обеими сторонами. Естественно, я имею в виду не демонстрацию симптомов разрядки напряженности, о которых только что упоминал, но основополагающие политические аспекты московских и варшавских бесед, ведущихся в связи со зловещим и ничего хорошего не сулящим переворотом, который произошел в европейских отношениях вследствие прихода к власти в Германии Гитлера.

Об авторе

Богуслав Медзинский (1891–1972). В ранней юности принадлежал к боевой организации Польской социалистической партии. Обучался на сельскохозяйственном отделении Ягеллонского университета. В начале Первой мировой войны был одним из создателей Польской военной организации, служил в I бригаде легионов. Принадлежал к числу ближайших сотрудников Юзефа Пилсудского. После Первой мировой войны занимался журналистикой, был главным редактором проправительственной «Газеты польской», с 1938 г. до начала Второй мировой войны — маршалом сената РП. Умер в эмиграции.

Примечания переводчика:

1. Здесь и далее в квадратные скобки заключены вставки – пояснения переводчика.
2. Комендантом в довоенной Польше называли руководителя страны Ю. Пилсудского.
3. Автор ошибается: Радек родился в галицийском Лемберге (ныне Львове), но детство и юность действительно провел в Тарнуве.
4. Автор называет его фамилию, поскольку в Польше этот человек (как и другие упоминаемые здесь лица) довольно широко известен: он был военным атташе в Москве, затем дипломированным полковником, многолетним министром и проч.
5. Планты – парк, который окружает исторический центр Кракова.
6. В Бельведере в этот период находилась резиденция Ю. Пилсудского
7. В российской историографии его именуют «Польский коридор» или «Данцигский коридор».
8. Увы, эта книга, за которую Жеромский получил в 1925 г. очень высоко котирующуюся в Польше государственную премию, не переводилась, насколько мне удалось выяснить, на русский язык.

Х ПАВИЛЬОН

Его стены помнят узников с очень разными судьбами и политическими взглядами, таких как Юзеф Пилсудский, Роман Дмовский и Феликс Дзержинский.

Это одноэтажное здание в форме подковы старше самой Цитадели. Оно было построено в 1826–1827 гг. как склад обмундирования расположенных на Жолибожском холме русских Александровских казарм. Спроектированный Вильгельмом Минтером павильон своими «крыльями» окружал внутренний двор с трех сторон.

После поражения восстания 1830–1831 гг. это место полностью изменило свой вид. Мстя за вооруженный бунт поляков, царь Николай I приказал построить здесь Цитадель. На холме возникла массивная кирпичная крепость площадью 10,5 гектара и длиной стен почти в 2,7 км, поглотив, в том числе, упомянутые казармы. Строительство было завершено в 1836 году. Позднее Цитадель была укреплена кольцом из пяти внешних фортов и мостовой опорой в районе Праги. Огромные расходы на ее строительство — 11 миллионов рублей — были возложены на Варшаву и казну Царства Польского. Одновременно был разрушен целый район вокруг холма с его живописными садами, особняками и виллами. Ради Цитадели и окружающих ее фортов в общей сложности было снесено более 250 зданий, а около 10 тысяч человек выселено в другие районы. Хорошо защищенная крепость была важным звеном в системе укреплений на западных рубежах империи Романовых, но ее главной задачей было устрашение Варшавы. Страх внушал размещавшийся в Цитадели мощный гарнизон.

Чтобы узников не отбили

Держать поляков в ежовых рукавицах помогал также находившийся на территории Цитадели следственный изолятор. Во время строительства крепости для таких нужд приспособили военный склад в Х павильоне. Вдоль коридоров, пересекающих здание, были сооружены одиночные и общие камеры для политических заключенных, подозреваемых в участии в заговорах против российских властей. Здесь же проходили допросы. Цитадель вошла в историю Польши прежде всего именно благодаря Х павильону. Размещение тюрьмы внутри крепости должно было препятствовать побегам и

попыткам отбить арестованных. По подсчетам, через Цитадель, где находились военный суд и следственный комитет, прошло около 40 тыс. заключенных. Несколько сотен из них были казнены у стен крепости, тысячи отправлены в Сибирь.

Первыми в Х павильоне получили приговоры деятели тайных освободительных организаций, возрождавшихся после поражения Ноябрьского восстания, в т.ч. Общества польского народа, Всеобщей конфедерации польского народа, Крестьянского союза ксендза Петра Сцегенного и многих других. Самыми известными заключенными того времени были: Густав Эренберг, Хенрик Каменский, ксендз Петр Сцегенный и прославившийся своей мученической смертью в Х павильоне создатель гимназических тайных организаций Кароль Левиту. Следующая большая группа осужденных состояла из членов организации, которая в 1846 году попыталась поднять восстание во всех трех разделах. Тогда в Цитадели был приведен в исполнение первый смертный приговор — 16 марта 1846 года здесь казнили Владислава Жарского и Станислава Коцишевского, осужденных за нападение на российский гарнизон в Седльце. Вскоре в тюрьму попали участники Весны народов 1848 года, в том числе члены организации варшавских ремесленников, призывавших к разрушению Цитадели как символа царского гнета.

Камеры Х павильона снова заполнились в начале шестидесятых годов XIX века. Здесь содержали членов заново создающихся конспиративных организаций, участников проходящих в Варшаве антимонархических выступлений и патриотических богослужений. Сюда же попали готовящие очередное восстание заговорщики, среди которых были Ярослав Домбровский и Бронислав Шварце. На склонах Цитадели прибавилось виселиц. В 1862 г. на них были повешены участники неудавшихся покушений на великого князя Константина и маркграфа Александра Велопольского. Террор царских властей усилился после Январского восстания 1863 года. В Х павильоне, а также в подземных казематах и фортах крепости отбывали заключение около 10 тыс. участников восстания. Большинство из них выслали в Сибирь, около 50 человек казнили на месте.

Именно в Цитадели 5 августа 1864 г. наступила развязка Январского восстания: был вынесен и приведен в исполнение смертный приговор членам Народного Правительства во главе с Ромуальдом Траугуттом.

Казни на склонах Цитадели

Позднее, в связи с развитием на землях польских капитализма, в Х павильоне под стражей содержались также деятели рабочего движения: социалисты из кружков Людвика Варынского, члены I и II Пролетариата, Союза польских рабочих, Польской социалистической партии, Социал-демократов Царства польского и Литвы, Бунда и др.

Их тоже казнили на склонах Цитадели. Первый смертный приговор, выданный на активистов рабочего движения, был приведен в исполнение 28 января 1886 г., были казнены деятели I Пролетариата: Станислав Куницкий, Петр Бардовский, Михал Оссовский и Ян Петрусинский. В то время узниками Х павильона были лидер ППС Юзеф Пилсудский и лидер Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) Феликс Дзержинский. Здесь сидели также члены других политических и общественных организаций, а также просветительских обществ. За подстрекательство к громким патриотическим манифестациям в конце XIX века в Цитадель попали народно-демократические лидеры, в том числе Роман Дмовский и Ян Людвик Поплавский.

Трагическим периодом в истории Цитадели и Х павильона стала революция 1905—1907 гг. и несколько последующих лет. Именно тогда здесь в самых тяжелых условиях содержалось самое большее количество узников, а виселиц на склонах было столько, сколько никогда прежде не было. Из 15 тысяч участников революционных событий, прошедших тогда через Цитадель, большинство сослали на каторгу. В крепости казнили более 250 человек. Зал заседаний военного суда получил мрачное название «зала смерти».

В период Первой мировой войны предназначение Х павильона оставалось прежним. В августе 1915 г. Варшаву заняли германские войска. Новый оккупант поначалу старался расположить к себе поляков и поощрял проявления патриотизма. В южной части крепости, рядом с местом казни Народного правительства после Январского восстания, немцы разрешили установить памятный крест. Его открытие состоялось 5 августа 1916 г., в годовщину казни Ромуальда Траугутта и его соратников. Событие это собрало огромные толпы варшавян. В то же время, немцы по-прежнему продолжали использовать Х павильон в качестве тюрьмы. В Цитадели содержались в заключении, например, члены Польской военной организации, а вокруг нее, как и раньше, приводились в исполнение смертные приговоры.

После того, как в 1918 г. Польша обрела независимость, Цитадель отошла к Польской армии. В Х павильоне поначалу

размещались камеры предварительного заключения для тех, кто должен был предстать перед военным судом, здесь содержались, например, польские коммунисты, которые поддерживали большевиков в войне 1920 г. На территории крепости по-прежнему совершались казни; 31 января 1923 г. здесь был расстрелян Элигиуш Невядомский, убийца первого президента Польши Габриеля Нарutowича.

Смена фамилий на мемориальной доске

С самого начала существования Второй польской республики различные круги стремились увековечить трагическую историю Цитадели, Х павильона и мест казни. Уже в апреле 1919 г. с предложением пометить и оградить места казни участников революции 1905—1907 гг. выступил бывший узник Цитадели, Максимилиан Хорвиц-Валецкий, деятель левого крыла ППС. Инициативу поддержал глава государства Юзеф Пилсудский, также бывший узник крепости. Он издал указ о создании в Х павильоне военно-исторического архива, музея и лекционных залов. Он также приказал оградить места казни на восточных склонах Цитадели.

Эти планы так и не были осуществлены, видимо, по причине нехватки средств, в связи с началом польско-большевистской войны и последующих экономических кризисов. Зато поменяли русские названия улиц, ворот и фортов Цитадели, а также уничтожили стоящий в центре крепости обелиск в честь царя Александра I. Лишь к десятой годовщине обретения независимости удалось выделить под будущий музей часть восточного крыла Х павильона. Были установлены памятные таблички в честь выдающихся узников крепости: Ромуальда Траугутта, Юзефа Пилсудского, Стефана Окшеи. В нескольких камерах открылись экспозиции памятных вещей заключенных. Однако это не был музей.

С бóльшим размахом шли работы по увековечиванию мест казни в восточной части крепости. В 1933 г. на средства Общества бывших политических заключенных над стоящей там виселицей установили стеклянную витрину-колпак. В 1933—34 гг. стараниями Министерства военных дел привели в порядок территорию, прилегающую к Воротам Казней. Разрушили домик палача, на склоне разбили символическое кладбище с двумя рядами крестов, построили монументальную лестницу, ведущую наверх к Воротам Казней. Перестроили также Ворота, которые приобрели форму триумфальной арки. Перед ней на постаментах установили четыре пушки с направленными в сторону Вислы стволами. С тех пор Ворота Казней и место казней хорошо видны издалека.

После Второй мировой войны Цитадель снова оказалась в распоряжении армии. Находящиеся здесь памятники жертвам и памятные места решено было использовать в целях пропаганды, что должно было найти свое отражение прежде всего в новом оформлении Ворот Казней и части крепости вокруг них. Предыдущее оформление властям ПНР пришлось не по вкусу. Были сделаны конкретные выводы: «Как место казни борцов за свободу и социализм, единственное место такого рода в стране, Варшавская Цитадель должна стать доступным для широких масс памятником революции. В Цитадели должен быть построен музей революции, к которому будет примыкать Х павильон. На остальной территории Цитадели следует разбить парк, который предлагается назвать в честь Феликса Дзержинского. [...] В центре должен быть установлен Памятник революции, акцентирующий одержанную с помощью Советского Союза победу».

Этот пропагандистско-идеологический проект был реализован лишь частично. Ворота Казней были превращены в нечто похожее на мавзолей. С запада его закрывала полукруглая стена, благодаря чему в воротах образовалась небольшая площадь, в центре которой был установлен вечный огонь. Главную мемориальную доску посвятили памяти «борцов за свободу, томившихся в стенах Цитадели по вине правительства оккупантов и буржуазии». Среди 29 фамилий, помещенных на ней, рядом с Ромуальдом Траугуттом и Ярославом Домбровским оказались представители рабочего движения. О Юзефе Пилсудском или Романе Дмовском доска умалчивала. На месте казни были установлены трибуна и обелиск, в который был вмонтирован фрагмент виселицы, а в специально для этого предназначенной нише в стене был помещен фрагмент каштана, под которым стояла виселица. Открытие в 1952 году по-новому оформленного места памяти и Ворот Казней прошло с размахом. В торжественной церемонии открытия участвовали представители высшей власти государства во главе с Болеславом Берутом. После его смерти в 1956 г. было принято решение, что в будущем его прах будет перенесен в крепость. Кроме Берута там собирались похоронить Юлиана Мархлевского, Марцелия Новотко, Кароля Сверчевского и других заслуженных партийных товарищей. Однако вскоре настала гомулковская «оттепель», и идея осталась в архиве. После политических перемен 1989 года таблица на Воротах Казней также претерпела изменения. Место Юлиана Мархлевского, Феликса Дзержинского, Розы Люксембург, Мартина Каспшака и нескольких других коммунистических деятелей заняли имена о. Петра Сцегенного, Юзефа Пилсудского, Валерия Славека и Романа Дмовского.

Армия отдает павильон

После войны Х павильон принадлежал армии. В бывшей камере Юзефа Пилсудского была снята посвященная ему табличка. Только в начале шестидесятых годов здание, пришедшее в упадок, было отдано под музей. Вместе с прилегающей к нему территорией в 1963 г. его как филиал Музея истории польского революционного движения открыли для посетителей. Музей Х павильона был в то время едва ли не единственным местом в Польше, посвященном драматической истории польско-российских отношений времен разделов Польши. В течение первых шести лет в нем действовали только две экспозиции: одна была посвящена деятелям I Пролетариата, вторая — январским повстанцам. Начиная с 1969 г. основная экспозиция рассказывает обо всех узниках крепости, хотя во времена ПНР бóльшая ее часть была отведена деятелям рабочего и коммунистического движения.

После перелома 1989 г. Музей Х павильона стал филиалом Музея независимости. К уже существующим героям основной экспозиции прибавились новые — деятели освободительного движения и боевой организации ППС. На стене камеры Юзефа Пилсудского (камера № 26 на втором этаже) была восстановлена табличка. Была также создана отдельная выставка, повествующая о пребывании будущего главы государства в Х павильоне в 1900 году. В дополнение к основной экспозиции появилась выставка «Сибиряки 1940—1956», посвященная памяти поляков, которых ссылали в Сибирь во время Второй мировой войны и до конца сталинского периода. Гордостью музея является коллекция картин сибирского ссыльного Александра Сохачевского, также бывшего узником Х павильона.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Замёрзшее озеро

Слышишь, как, проседая, скрежещет лёд —
Это ворчит спящий на дне.
Там до весны пролежала мать Хельмута,
Она выпала из саней, когда возвращались на берег:
Из тела выплыли угри.
Опираясь плечами на воздух под ветром, бьющим в
спину,
Ты скользишь по чёрной глади — словно мчишься
сквозь вечность
К проруби, откуда рыбаки из Окартова
Вытаскивают сети, осеребрённые плотвой и лещами.

Прежде чем я ушёл в страну Нод

Роберту

Я мог утопить его в озере Снярдвы,
Как в большой ложке злобы.
Руки-нервы с силой толкали его под воду,
Чтоб не торчал ни единый волос.
Позвали голоса родителей, и я увидел
Его широко распахнутые глаза — два побелевших
озера.

Сперва

Сперва замечаешь себя — это ты, это он.
Познание лишь изнутри себя — путь во тьму.

Не ты здесь первый, не ты уйдёшь последним.
Бормочешь, листая людей и землю,
Укрепляя границу внутренних владений.
И тогда посещают тебя простор и ясность.
Кто-то другой обрёл целое, он одаряет светом.
Ты — частица времени, облако, лодка
Меж смертными берегами.

Серый наш край

Серый наш край:
как скорлупка лодки, перевёрнутой вверх дном,
как обрывки паруса, что торчат из песка
и хлопают на ветру,
как обломок весла без перьев,
как живое лицо умершей.
А ведь то, от чего мне больно, — не то,
что входит в меня, но то,
что из меня выходит.
А ведь всё, что важнее всего, — ничто...
словно серая мышь на тропинке у дома,
в судорогах перед концом,
скрюченная в эмбрион.

Историку

Ты живёшь за счёт чужого прошлого.
Но живёшь, дышишь не этим.
Приводишь в порядок чужой бумажный хаос,
Теряя знак личной гармонии — своё имя —

Зерно, из которого вырастет

Новое беспамятство.

Татарский день

Не обливайся слезами над страницей драного гербария:

Мой предок, сармат из захолустья,

В октябре 1656 года

Не прихоти ради схоронился в печной трубе.

Когда родню и соседей рубили, жгли, уводили в полон татары,

Он чернел от сажи, похожий больше на чёрта, чем на Иова.

Зато от него народилось потомков больше,

Чем было деревьев в саду возле дома

В тот татарский день.

НЕНАЗВАННЫЕ ПРОСТРАНСТВА

Збигнев Хойновский (1962) дебютировал как поэт в 1997 году поэтическим сборником «Снярдвы», — по названию одного из самых больших мазурских озер. Кроме стихов он пишет эссе и литературоведческие работы, преподает в Варминско-Мазурском университете в Ольштыне. Как исследователь Хойновский тесно связан с этим регионом, но не ограничивается словесностью своей «малой родины», о чем свидетельствует, в частности, его монография, посвященная творчеству Ярослава Ивашкевича. Как литературный критик он принимает активное участие в дискуссиях, касающихся польской литературной жизни.

Однако в лирике Хойновский тяготеет прежде всего к региональной тематике во всех ее аспектах — природном, историческом и социальном. При этом в своих стихах он подчеркивает сложность и многоплановость, особенно в историческом плане, судьбы тех мест, где он живет. Не случайно одну из своих книг он назвал «Гордиев материк», то есть земля, на которой в узле пограничья сплелись история и современность. Словно в палимпсесте, под слоями сегодняшнего повествования просвечивают старинные сказанья народов, некогда населявших эту территорию. При этом Хойновский стремится в поэтических формулах универсализировать прошлый опыт: «Твое — это не твое;/ Не твое — твое.// Повтори заглавными буквами, а то подумают,/ Будто у тебя в голове одни каламбуры». Вот и стихотворение «Дом 1901 года в стиле модерн» отнюдь не каламбур:

Отсюда недалеко до дрожи от ощущения тайны.

Ты пройдешь по прямой мимо нашего чужого дома,

Который смотрит исподлобья, из-под крыши,

Из-под остроконечной германской каски.

На прохожего смотрит восточно-прусское прошлое, доставшееся в наследство от немцев, поэтому «наш» дом одновременно воспринимается как «чужой».

Разумеется, тут речь не о каламбурах, а об опыте случайности, соединенном с переживанием общности, возникающей вне

времени и над ним. Все — «наше чужое», а над этими различиями существует еще сохраняющий дистанцию от всех цивилизационных изменений мир мазурской природы — свой собственный, ничей. Богатство пейзажа помогает герою Хойновского находить себя прежде всего не в более или менее случайной причастности к тому или иному этносу или группе, но в своей человеческой природе, в радости бытия и в страдании, которого в жизни немало. И все же, читаем в цикле «Память»: «То, что меня касается пальцем, болью, неназванностью,/ Всё состоит из света». Все мы, по сути, стремимся вперед, как в цикле «Вёсны», по шоссе «между селами Божье и Палестина». Эти деревни действительно так называются — а дорога ведет в неназванные пространства трансценденции.

ОТ КНИГИ МНЕ НУЖНО ВЫЗДОРОВЕТЬ

О современном человеке, потерянном и лишенном корней, а также о писательском труде как эксперименте над собой с Веславом Мысливским беседует Юстина Соболевская

Веслав Мысливский (род. в 1932 г. в деревне Двикозы), один из самых известных польских писателей, автор романов и пьес, о котором часто говорится в контексте так называемой деревенской литературы. В то же время его творчество выходит за рамки этого направления, так как писатель рассматривает положение современного человека с разных сторон. Его дебютом в 1967 г. был роман «Голый сад», поразивший критиков своей зрелостью.

В пьесе «Ключник» (1978 г.) и романе «Дворец» (1970 г.) он показал конфликт унаследованной идентичности с той, к которой стремится сам человек. Масштабной эпопеей крестьянской судьбы стал его роман «Камень на камне» (1984 г.) — шедевр послевоенной литературы. Еще один роман «Горизонт» (1997 г.) рассказывает об утоленной ностальгии. Мысливский — единственный двукратный лауреат премии «НИКЕ»^[1] за «Горизонт» и «Трактат о лущении фасоли» (2007 г.). В этом году в издательстве «Знак» вышел его роман «Последняя раздача».

— Удалось ли вам переписать записную книжку с номерами телефонов?

— Нет, это оказалось невозможным. Пытался несколько раз, в результате теперь у меня несколько блокнотов. И иногда я не знаю, в котором из них искать какую-нибудь фамилию, адрес, телефон. Ведь в чем смысл такого переписывания? В том, чтобы выбросить все фамилии, адреса, телефоны, которые — если сказать загадочно — «перестали быть актуальными», и оставить только те, что в дальнейшем могут пригодиться. И переписать их в новый блокнот. Ну да, правда, таким образом мы вторгаемся в большой период своей жизни, и что ни имя, то сомнение: оставить или выбросить. Некоторые из моих знакомых по прочтении «Последней раздачи» говорили мне, что отыскиали в своих семейных архивах записные книжки

своих дедушек. И это стало для них интересным опытом. Такой блокнот — это же багаж чьей-то жизни. У вас ведь все в мобильнике, да?

— Да, и время от времени я теряю все данные. Так было уже несколько раз. Потом приходится все кропотливо восстанавливать. Для героя вашего нового романа «Последняя раздача» переписывание блокнота оказалось ловушкой.

— В том и состоит суть этой книги. Герой, даже не предчувствуя того, что может его ожидать, начинает приводить в порядок блокнот, и оказывается, что это ловушка, которую он поставил самому себе. Даже те, о ком он не знает, живы они или нет, начинают терзать его память, вызывают какие-то события, ситуации, ассоциации, причем неизвестно, имеет ли все это отношение к тем или иным персонам. Банальный блокнот превращается в лабиринт. Оказывается, банальных вещей не бывает, нередко в банальностях кроется бездна. Наша жизнь в первую очередь состоит из банальных вещей, но бывает, что именно в них скрывается нечто, способное определить всю нашу жизнь. Предвидеть это мы не в состоянии.

— Вы писали, что судьбу еще нужно создать, каждый должен создать ее сам себе.

— Да, но не в том смысле, который заложен в поговорке, что человек — кузнец своей судьбы. Все определения судьбы, начиная с древних греков, основаны на убеждении, что судьба это независимая от человека сила: фатум, Бог. Для меня же судьба это категория нашего сознания. Томас Манн в одном из своих эссе говорит о способности иметь собственную судьбу. Значит, если это способность, то от человека зависит, удастся ли ему возвысить ценность своей жизни до ранга судьбы, то есть отыскать в ней смысл. Над категорией судьбы я задумывался во всех своих книгах, но здесь я пишу об этом наиболее наглядно: нам дана жизнь, а не судьба. Судьбу мы должны «сконструировать» из материи жизни себе сами, если в состоянии это сделать.

— И эта жизнь у героя совершенно не складывается, когда он начинает рассматривать свою жизнь, то видит одни развалины.

— Жизнь у него не складывается не только из-за особенностей его личности. Блокнот ставит перед ним требование, которого он не предвидел: поищи в своей жизни себя. Этот поиск должен

быть искренним до боли, стать чем-то вроде самобичевания. Ему нужно во многом признаться себе, не заботясь о том, полюбят ли его такого или нет. Обычно нам нравятся герои, с которыми мы отождествляемся, которые, не углубляясь чрезмерно в себя, не заставляют слишком углубляться и нас. Героя, который нас мучает, не полюбишь. Такой герой как будто разоблачает нашу склонность к творению собственного образа. Мы создаем свой образ во всех — социальных, коллективных, семейных — жизненных ситуациях. Мы создаем свой образ, когда пишем воспоминания, дневники, книги-интервью, которые так популярны сегодня, и даже когда с кем-то просто откровенничаем. Человек, который решительно и безжалостно ищет себя, должен обнажиться и признаться во многом, что охотнее всего бы скрыл. Да, действительно, некоторые читатели говорили мне, что этого героя невозможно полюбить. Да только он и должен быть таким, чтобы не дать себя полюбить. «Полюбить себя» чаще всего означает «обмануть себя».

— Собственно, зачем нам непременно нужно любить героев?

— Потому что они отвечают нашим потребностям, нам так же хочется любить и себя. Обратите внимание, плохие — это всегда другие, не мы. Зло это весь мир, а не мы. На самом деле, не существует разделения на хорошее и плохое, мы все в равной степени излучаем и добро, и зло. Поэтому мир таков, как есть. Была такая известная полемика Шаламова с Солженицыным. Шаламов, отсидевший в лагерях более 20 лет, никогда не писал, что это «они». В лагерях на Колыме, которые он описывал, жертвы легко становились мучителями, люди, прошедшие все круги ада в золотых рудниках, вырвавшись оттуда, превращались в палачей. И наоборот — энкавэдэшники легко превращались в жертв. Политика в лагерях состояла в том, чтобы перемешать всех, стереть разделение на хороших и плохих. В литературе нам нравятся герои, которые оправдывают нас, которые затыкают в нас «внутренние поры», чтобы через них не просачивалось осознание того, что сами мы не такие уж и хорошие. Нам нравятся персонажи, которые утешают нас, а герой «Последней раздачи» никого не в состоянии утешить, даже самого себя.

— Эта книга, в отличие от предыдущих, не составляет единого целого, она кажется заведомо незаконченной.

— Это следствие того, что и человек, по словам героя, не является ничем целостным, он лишь соединение фрагментов, случайностей, которые словно его записная книжка держатся вместе благодаря резинке, а когда резинка лопается, все

разлетается. Такая конструкция выросла из моих многолетних размышлений о том, чем сегодня, после такого страшного XX века, может быть роман. Мы не можем сравнивать современные произведения с великими романами XIX века. В XIX столетии ни у кого не было опыта тех поколений, которым выпало жить в XX веке. Помимо этого, роману в то время предоставлялось широчайшее поле деятельности. Роман в XIX веке владел обширными пространствами, он был и историей, и социологией, и психологией, ему приходилось играть множество ролей, нередко исполнять даже информационную функцию, рассказывая о странах и народах. Он был вне конкуренции. На рубеже XIX и XX веков пространство романа стало сжиматься. Специализирующиеся все в более узких областях науки, развитие периодической печати начали по кусочку отбирать у него это пространство. Появилась фотография, затем кино. И так продолжалось до наших дней, до интернета. Это привело меня к выводу, что у романа осталось только слово. Не слово вообще, а слово, которое у него не в состоянии отнять никакая другая форма коммуникации.

— Вы писали, что литература это слово, мир книги создается словом. Какой может быть эта новая форма романа?

— Роман XXI века не может быть всезнающим, как в XIX столетии. Он способен высказываться лишь от имени отдельного человека. Что бы ни говорил человек, пусть он даже лжет, вводит в заблуждение, создает свой образ, исповедуется — все это правда о нем. У нас нет другой возможности проникнуть в него. Убеждение в том, что мы можем познать другого человека, — это иллюзия, домыслы, мнение скорее о нас, нежели о нем. В каждом человеке сокрыты тайны и бездны, и даже когда мы очень близки с ним, мы в состоянии познать его лишь настолько, насколько он сам говорит о себе. Меня всегда интересует то, как человек говорит, во всяком случае, больше, чем то, о чем он говорит, потому что то, о чем он говорит, думаю, мне известно, ибо материя жизни повторяема, по крайней мере, в своих очертаниях. В любом случае, в современном романе именно язык — единственный путь к познанию человека.

— Современный роман, как вы писали, приближается к поэзии.

— В современном романе используются все писательские и литературные жанры. Но прежде всего поэзия. Язык метафоры сегодня стал языком романа. Уже не получается писать однозначным, изъясняющим языком. Все, что есть в нас и что нас окружает, столь многозначно, что язык не может

позволить себе определенности. Действительность мерцает, значит, и язык должен быть мерцающим, многозначным, во всяком случае, уже не двумерным.

— И в то же время главной задачей романа по-прежнему остается разбудить воображение.

— Да, не навязываться читателю, не принуждать его подчиниться воображению автора. Скорее, речь идет о том, чтобы уколоть читателя, как колют жемчужницу, чтобы она сама отдала жемчуг. Для меня читатель это соавтор моей книги. Чтобы книга начала жить, он должен поделиться с ней своим воображением, своей восприимчивостью, своим опытом и даже частичкой своей судьбы. Если учесть, что сколько читателей, столько и представлений о книге, то это и есть самая большая награда за писательский труд.

— В этом романе нет виртуальной сферы, герой не пользуется интернетом, но обладает чертами человека, которого эти инструменты изменили.

— Вы правы, можно даже сказать, что он сам виртуален. Отсутствие контуров, отсутствие личности соответствует ощущению, которое все чаще охватывает нас. Мы словно «разорваны», и у нас нет ни силы воли, ни инструментов, чтобы вернуть себе целостность. По крайней мере, мне так кажется.

— Еще в этой книге появляется целый ряд персонажей, которые убегают от жизни, от одиночества и старости. Они ищут убежища в работе, в молодых женах, в прошлом. Такой герой — в отличие от ваших прежних персонажей — живет одним мгновением, он всегда в пути, а главное — лишен корней.

— Если его укоренить, это стало бы главной проблемой книги. А я как раз хотел показать человека, полностью лишенного наследства социальной идентичности, лишенного этого наследства вплоть до ощущения трагизма своего существования. Тот мир, который я описывал в предыдущих книгах, исчез. Теперь наступает именно такой мир, по которому блуждает мой герой.

— Когда закончилась народная, деревенская культура? Вместе с ПНР? В новом веке?

— Трудно точно определить момент, когда эта культура закончилась. Культура, а особенно искусство, не связаны

напрямую с политическими событиями. Ошибочно приписывать политическим трансформациям статус рубежей в искусстве. Революция в России не была моментом рождения нового искусства, точкой отсчета, после которой расцвели авангардные течения, так как эти течения начинались еще до революции. Не была таким рубежом и французская революция. Для писателя мышление, будто историко-политические события могут его вдохновить, освободить его воображение — это пагубное мышление. Искусству никто не может даровать свободу, свобода — это сущность искусства. Рубежи в искусстве часто остаются незамеченными, мы не знаем, когда что-то зарождается. Когда появились первые ростки, мы можем понять только постфактум.

— Деревенская культура возвращается к нам сегодня в музыке, в литературе, хотя в действительности ее уже нет.

— Не возвращается, так как это невозможно. Возрождаются влияния, которые оказывала эта культура, что свидетельствует о ее мифотворческом потенциале. Впрочем, это можно было предвидеть. Когда-то я написал текст «Конец деревенской культуры», который вызвал немалый резонанс. Приводились аргументы за и против. Деревенской культуры нет уже давно. Она умирала десятилетиями по мере того, как росло стремление к эмансипации очередных крестьянских поколений. Во времена, когда деревенская культура вдохновляла поколение, к которому принадлежал я, она не вызывала особого восхищения ни у властей, ни в интеллектуальных кругах. Считалось, что она находится в конфликте с современной цивилизацией. Я тогда говорил, что через некоторое время эта цивилизация разочарует нас, она начнет нас пугать, и мы будем искать источники своей культурной идентичности в пластах деревенской культуры. Если не наши дети, то внуки. Так оно и происходит. Подтверждением тому — недавняя дискуссия о деревенской культуре, которая прошла на страницах ежемесячника «Знак» и «Газеты выборчей». Но не только дискуссия. Музыканты все чаще обращаются к истокам деревенской музыки. Уже хорошо известна «Капелла из деревни Варшава», да и другие ансамбли. Все это заставляет задуматься и о деревенской культуре, которой нет, и о современной цивилизации, так как для меня эти явления соотносимы.

— Взгляд на деревню изменился после того, как стала известна история Едвабне. Сегодня историю часто рассказывают с точки зрения пострадавших. Если бы кто-то

сегодня захотел написать деревенскую эпопею, то это в значительной степени была бы польско-еврейская история.

— В ПНР злоупотребляли социальной историей, зато после трансформации социальная история почти исчезла. Ее заменила политическая история, а ведь одной без другой не бывает. В связи с этим, образ нашего прошлого по-прежнему убог, он прилизан и подкорректирован так, как будто не существовало многовекового разделения на большинство и меньшинство, на лучших и худших, на угнетателей и угнетенных. Почти в каждой деревне жили евреи. Никто не описал, как выглядело это повседневное сосуществование. В моей деревне было несколько еврейских семей. Напротив дома моего деда, у которого мы прожили несколько лет, жила еврейская семья, с их мальчиком в начале войны я ходил в школу.

В шабат мать посылала меня разжечь им дрова под плитой. Я помню, как их вывозили. В деревне евреи играли важную экономическую роль — они были портными, сапожниками, а еще факторами, то есть посредниками. Где было крестьянину продать свои продукты, если не было ярмарки? Да и на ярмарку он ездил редко, к тому же еще неизвестно, продашь или нет. Вот он и шел к фактору, потому что тот знал всех мясников в ближайших городах и местечках. Помню, как подшучивали над Юлианом Пшибосем, который говорил, что в послевоенной Польше ему не хватает евреев. Как-то он мне сказал: «А знаете, какой это был интересный мир».

— Вы часто говорите о муках творчества. «Последняя раздача» тоже писалась в муках?

— Этой книги я боялся, ее замысел казался мне рискованным. Я хотел написать что-то, у чего нет конца, что состоит из таинственных, не до конца проясненных вещей, что свидетельствовало бы о том, как труден путь к самопознанию. Каких усилий воли требует поиск ответа на вопрос: кто я такой, кто такой современный человек? Поэтому меня удивляет успех этой книги. У меня ведь были все основания считать, что не такой книги ожидает читатель. Только что мы знаем об ожиданиях читателей? Мы узурпируем право, которого нам никто не давал: знать, кем является читатель. Мы не знаем. А если что-то и знаем, то лишь то, что все читатели разные, и каждый ждет от писателя, чтобы он затронул его воображение, поразил его своим миром. Хотя, может быть, подсознательно я созвучен с другими, может быть, я ношу в себе тот мир, который носит большинство людей, и в этом общем мире мы встречаемся, находим друг друга.

— Массовые бестселлеры появляются в ответ на точно просчитанные ожидания читателей.

— Сегодня совсем нетрудно написать роман. Стандарты доступны в любом магазине, по этим стандартам любой умный человек способен написать книгу. Только я как читатель не смог бы ее прочитать. Если я читаю книгу, то должен испытывать что-то вроде радости познания. Книга должна нести мне что-то, чего я не знаю, а не убеждать в том, в чем я и так убежден. На такие книги жалко времени. Когда я пишу, испытываю муки познания, и это взаимодополняющие вещи. Я бы не смог писать легкие книги по общепринятым стандартам. Вот и получается, что обычно я ощущаю, что не умею писать, что каждое слово меня обжигает, и именно это подстегивает мое воображение, высвобождает творческую энергию. Иначе незачем было бы писать, если бы в этом процессе не расширялись границы моих собственных чувств и мыслей, если бы это была просто литературная поденщина. Иногда мне даже кажется, что с каждой книгой я становлюсь немного другим человеком.

— Вы часто говорите, что не знаете, о чем будет книга, когда начинаете ее писать. Когда проявляется какое-то видение?

— Когда из собранной «материи» родится первая фраза. Это признак того, что пора начинать писать. В первой фразе уже скрывается предчувствие всего романа, потому что, как бы по принципу домино, она приводит в движение следующие фразы. А фраза способна породить и персонажей, и события. В «Последней раздаче» все персонажи родились из фраз. Они не были порождены каким-то моим планом, у меня никогда нет никакого плана. Если бы у меня был план, я бы ничего не написал. Чтобы писать, я должен не знать, о чем пишу. Незнание высвобождает потребность в писании. Незнание ведет меня от предложения к предложению. Это либо оправдывает себя, либо нет. Иногда на следующий день я вижу, что все пошло не в том направлении, которое подсказывала мне интуиция. Тогда я выбрасываю исписанные листы и пишу сначала. Может быть, писать таким образом это все равно что импровизировать, так как я выбрасываю множество этих листов.

— У вас в столе лежат листы? Осколки предыдущих романов?

— Нет, я их не собираю, я их сжигаю. И никаких осколков не оставляю. Я пишу всем своим существом, так что же может остаться? Писательство дорого мне обходится. Я не в состоянии написать больше одной страницы в день. Вдобавок, после одной

такой страницы я иногда не знаю, в каком я мире — в этом, где живу, или в том, что описываю. Мне приходится отождествляться с каждым персонажем, чтобы он стал достоверным, даже если это самый гнусный персонаж. Я должен поместить его внутрь себя, чтобы понять. Когда я говорю, что писательство это процесс познания, то при этом думаю и о себе. Таким образом я узнаю, на что был бы способен. Порой это меня пугает. Писательство это, в сущности, эксперимент, поставленный на самом себе. Так что, от каждой книги мне сначала нужно выздороветь. Такое лечение иногда длится несколько лет. Я бы не смог сразу после написания книги приступить к следующей. Когда меня спрашивают, что я сейчас пишу, меня это раздражает. Мне ведь надо и пожить немного. А жизнь требует времени, и гораздо больше, чем писательство.

---

1. «NIKE» — крупнейшая негосударственная литературная премия Польши, учрежденная в 1997 «Газетой выборчей» и фондом «Агора» для поощрения современной польской литературы и прежде всего — романа.

ЭНЕ, БЕНЕ, РАБА

В третьесортном аду «Сонаты Вельзевула» прислужники поют хвалу своему повелителю: «Лишь ты, господин, посмел замахнуться на то, что другие считали полным абсурдом. И тем самым нас, бедных лакеев этого кабаре, повысил до ранга настоящих чертей». Виткаций одним росчерком пера соединил китч, абсурд, сомнительную карьеру, «шестерок» и дьявола. Это как раз атмосфера в духе Мрожека — того самого Мрожека, который полвека тому назад умел сделать так, чтобы у нас перехватило дух. От восхищения и, кажется, ужаса. Потому что большая часть того, что он в то время писал, была словно подбита изнутри неведомым у нас никогда, истинно сатанинским смехом. После «Танго» этот отзвук утих — это был уже другой Мрожек.

Спустя десять лет в фельетоне «Дети войны» Мрожек констатировал гибель иллюзий по поводу того, что из крошечного ужаса может проклюнуться новый, лучший мир. Ничего подобного: именно «злость, глупость, паранойя, ничтожество, ложь и ненависть» пришли к власти после войны. И не сами по себе, а руками его, Мрожека, поколения. То, что «мы были трубами, в которые дули другие» — слабоватое утешение. Это отравленные адом звуки сталинских труб звучат в раннем Мрожеке. Демонстрация языковых техник насилия — вот задание, достойное писателя.

Судя по эффектам, более всего Мрожек не переносил не всепроникающие лозунги, а эленктическую диалектику, то есть способ доказывать, что черное — это белое, ненависть — это любовь, рабство — это свобода, и так далее, все по Оруэллу. Поэтому действие многих его рассказов из тех времен, когда мы читали их взахлеб, а также первых, совершенно несравненных пьес разворачивается в пространстве языковых операций. А точнее — диалектики, выступающей как логика паранойи. Паранойи, которой можно научиться. Это настолько неудобное и действующее на нервы явление, что Анджей Киёвский, который прошел ту же школу, обвинил Мрожека в недостатке воображения и посоветовал «написать, в конце концов, внутреннюю биографию». Всем пожеланиям Киёвского суждено было сбыться, причем самым неприглядным образом: ожидание большой современной семейной саги увенчалось серией чтива о доме над разливом^[1],

мессианизм — «смоленской» религией, а подначивание Мрожека — его монструозным «Дневником». Но к делу.

У Мрожека тот, кто умеет правильно свалить с больной головы на здоровую, всегда прав — а значит, выигрывает. «Иногда нам кажется, что мы думаем, что мы не думаем, но думаем — в то время, как на самом деле не думаем», — убеждает Узник Начальника из пьесы «Полиция», и ему удается Начальника убедить. Хотя Начальник быстро овладевает этой методой. «Будучи полицейским, но прикидываясь перед другими, что полицейским вовсе не являешься, оказываешься им вдвойне. И лишь быть полицейским и перед самим собой делать вид, что ты не полицейский — вот это значит быть полицейским по-настоящему, без дураков, от всей, так сказать, души», — морочит голову Сержанту Начальник. Суть этой диалектики преподает Начальнику Узник, уже в качестве Адъютанта: «Вы, как начальник полиции, должны знать: всё, что существенно и важно, не должно при этом иметь особенного значения, или может иметь либо уже имеет противоположное значение, или просто другое, в зависимости от определенных обстоятельств». А что является определенным обстоятельством, и какое оно привносит значение, решает тот, кто обрушивается с диалектической агрессией на чей-либо невинный ум.

Действие одноактной пьесы «В открытом море» начинается, когда решение уже собственно принято: Толстый Потерпевший решает съесть Худого Потерпевшего. И съест его, поскольку распоряжается диалектической властью дискурса, поддерживаемой всевозможными паралогизмами, умением ставить факты вверх ногами, да и просто банальным взяточничеством. Тут никто никого и пальцем не тронет, но при этом Худой, наивный полемист, лишится жизни. «Удивительно, — клеймит его Толстый, — что на отсутствие всеобщей, общечеловеческой, всеобъемлющей справедливости жалуются прежде всего недовольные. Не ищут ли себе оправдания неудачники, требуя справедливости?» Откуда этот вывод, что неудачник сам виноват, а раз виноват, значит, заслужил? Неопровержимый аргумент, вроде тех, что можно услышать на улицах, пока эти железные аргументы не попали на страницы газет: «В очках — значит, еврей», «Боялся — значит, было чего». В этом случае проигравшая сторона, без сопротивления подставляющая горло под нож, может воспользоваться диалектикой жертв: «Настоящая свобода возможна лишь там, где нет обыкновенной свободы».

Лучшая вещь Мрожека — одноактная пьеса «Кароль», которая в школьной программе явно должна заменить «Пана Тадеуша»,

ибо мало кто всерьез соберется танцевать полонез, зато каждый может оказаться перед дилеммой: присоединиться к охоте на Кароля либо разделить его судьбу. Диалектику как орудие агрессии здесь заменяет диалектика, являющаяся проводником другого инстинкта — страха. Только «слова, — пишет Ян Блонский, — ставят преграду между телом жертвы и оружием в лапах крестина». Люди с двустволкой, неграмотные Дед и Внук, не собираются дискутировать с Окулистом. «Ну вот вы, алфавит ходячий, и что с того? Думаете, мы вас боимся? Нет, это вы нас боитесь». Единственное спасение для Окулиста — втянуть их в разговор, который поднимет его до роли «помощника». Дуло обратится тогда против кого-то другого, неважно, кого. Диалектика, как мы это неоднократно наблюдали, превращает либерала в активного соучастника сумасшедших фанатиков. Надо понимать, что это лишь отсрочка, поскольку Окулист слишком болтлив, чтобы рано или поздно не оказаться Каролем. И он отлично об этом знает. И они знают. И он знает, что они знают. Как ни заговаривай зубы, интеллигента это не спасет, только поможет ему быстрее оказаться в выгребной яме.

Уже в старости Мрожек имел возможность наблюдать, как язык современных дискуссий не хуже, чем в его молодые годы, заволакивается мраком паранойи. Как все речевые приемы, повязанные с насилием, которые он показал в своих пьесах, снова входят в оборот. Хотя я сомневаюсь, что он чувствовал себя пророком. Правда, в пьесе «Индюк» он убедительно продемонстрировал, что бывает, когда абстрактный язык создает искусственную реальность. Если верить диспуту между двумя крестьянами, индюк, которого в рамках создания «нереального» насильно женили на курице, пошел от отчаяния валяться в крапиве, а курица снесла яйцо. Тут инициатор «женитьбы» вытаскивает из-за пазухи белый конус. Завязывается диалог: «В самом деле, эдакий острый...» — «А выйдет из него что?» — «А чего бы не выйти? Выйдет». — «А что?» — «А кто знает? Подождать надоть». — «Так давай подождем». — «Ну, ждем...»

Кажется, дождались.

Перевод Игоря Белова

-
1. Название цикла фельетонов, который Ян Гондович писал для варшавского журнала «Нове ксёньжки», в оригинале — «Jęzuszek uwagi» — основан на игре слов: при раздельном написании «Jęzuszek u wagi» — это стрелка допотопных весов

в старых продуктовых магазинах, а также идиом, означающий «решающий фактор»; в случае же Гондовича, при слитном написании, это буквально «язычок внимания», а фактически «веское слово». Прим. пер.

2. Имеется в виду серия книг польской писательницы Малгожаты Каличинской — «Дом над разливом», «Любовь над разливом» и т.д.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

1 мая, в десятую годовщину вступления Польши в Европейский Союз, знаменитая инсталляция художницы Юлиты Вуйчик возвращается на варшавскую площадь Спасителя. Первый раз радуга, выполненная из 22 тысяч разноцветных искусственных цветов, появилась там в июне 2012 года. С тех пор горела уже пять раз. Уничтожают ее националисты, считая радугу «символом сексуального отклонения». На этот раз инсталляция оборудована специальной противопожарной системой. Однако члены партии «Национальное движение» не складывают оружия. Артур Завиша, один из лидеров этой партии, заявил, что радуга должна «исчезнуть с лица земли».

Во время XXXIV Варшавских театральных встреч (4–14 апреля) публика увидела подборку наиболее интересных польских спектаклей 2013 года. Фестиваль открыла премьера «Ночи живых евреев» Игоря Остаховича в постановке Александры Поплавской и Марка Калиты. Кроме того, в программе «Театральных встреч» восемь спектаклей: «Свадьба» Выспянского (режиссер Мартин Либер, «Театр Польский», Быдгощ), «Кронос» по дневнику Витольда Гомбровича (режиссер Кшиштоф Гарбачевский, «Театр Польский», Вроцлав), «Волшебницы из Салема» по Артуру Миллеру (режиссер Адам Налепя, театр «Выбжеже», Гданьск), «Лёд» Яцека Дукая в интерпретации основателя люблинского театра «Provisorium» Януша Опрынского, а также «Антигона» — спектакль на основе трагедии Софокла, перенесенной в польскую действительность 40-х годов XX века Агнешкой Кортыковской-Мазур. Показаны также спектакли «В Дамаск» Яна Кляты на основе пьесы Августа Стриндберга, «Зимнее путешествие» в режиссуре Майи Клечевской на основе текста Эльфриды Елинек, а также «Царица Екатерина» Иоланты Яничак в постановке Виктора Рубина.

Зарубежные критики — испанский театровед профессор Хосе Антуано и Михаэль Хандельзальц, родившийся в Польше израильский критик из «Haaretz Newspaper», — самыми интересными спектаклями сочли «В Дамаск» и «Ночь живых евреев», подчеркнув, что характерная черта польского театра — это его стремление к рискованным экспериментам, которым часто подвергаются «классические» тексты.

— Я наблюдаю за развитием польского театра в течение 20 лет. За это время произошло важное изменение. Произошел переход от натуралистического, усложненного театра к постмодернистскому искусству, отвечающему требованиям современной культуры, культуры фрагментарной и быстрой, что позволяет театру развиваться и эволюционировать, — заявил профессор Антуано.

— Польский театр всегда был явлением интересным, поскольку все время экспериментировал, искал новые, не вполне конвенциональные подходы к известным пьесам, — считает Михаэль Хандельзальц, отмечая при этом, что, по его мнению, «стремление быть иным» не всегда дает лучший результат. Традиционный подход к пьесе и ее исполнению также имеет определенные достоинства, о которых забывают, сказал критик в интервью агентству ПАП.

Работы Яна Лебенштейна (1930–1999), одного из крупнейших польских художников последнего времени, можно увидеть со 2 апреля на выставке во Вроцлаве. Здешний Национальный музей располагает одной из самых крупных в Польше коллекций произведений Лебенштейна. На протяжении многих лет ее собирал Мариуш Хермансдорфер, директор музея и друг художника. Представлено более ста двадцати работ, в том числе циклы «Пейзажи», «Осевые фигуры», «Чудовищные животные», а также гротескно-макабрические иллюстрации к «Скотному двору» Оруэлла, к «Книге Иова» и «Откровению Иоанна Богослова», к «Долине Иссы» Чеслава Милоша.

Ян Лебенштейн с 1960 года жил в Париже, поддерживая тесные связи с кругом парижской «Культуры» и писателями, публикация произведений которых была запрещена в ПНР. В свою очередь, польские музеи и галереи не показывали его работ. Мариуш Хермансдорфер тайно провозил в страну в ручной клади некоторые из произведений художника, а в 1977 году ему удалось организовать во Вроцлаве первую выставку Лебенштейна в Польше.

Нынешняя выставка — «Ян Лебенштейн. Картины и гуаши из коллекции Национального музея во Вроцлаве» — будет работать до 10 августа.

С 2007 года на страницах «Жечпосполитой» публикуется «Компас искусства» — рейтинг художников, составляемый представителями ведущих галерей. Он включает польских художников, умерших и живых, творивших после 1945 года. В «Компасе искусства 2013» первое место отведено Алине Шапошников. Второе место занял Мирослав Балка, третье —

Тадеуш Кантор. Высокая оценка творчества Алины Шапошников никого не удивляет. Постоянно растет интерес к творчеству этого выдающегося скульптора, преждевременно ушедшего из жизни в 1973 году. В конце 2013 года в нью-йоркском Музее современного искусства и в Музее Хаммера в Лос-Анджелесе прошли выставки ее работ. Цены на ее скульптуры, за которыми охотятся коллекционеры, становятся все выше.

Далее позиции в рейтинге заняли Ежи Новосельский, Магдалена Абаканович, Анджей Врублевский, Катажина Кобро, Роман Опалка, Владислав Хасиор и Ян Тарасин.

В варшавском Музее литературы имени Адама Мицкевича 3 апреля открылась выставка «Улицы Злого», отсылающая к знаменитому роману Леопольда Тырманды «Злой», написанному в 1955 году. Заглавный Злой — это таинственный герой, ведущий борьбу в защиту слабых против уголовного мира польской столицы. Действие книги разворачивается в руинах Варшавы и в уцелевших старых домах, на базаре Ружицкого, в подозрительных кабачках и новых кафе.

— Это выставка не о Тырманде и даже не о его книгах, — говорят авторы экспозиции. — Она воссоздает запечатленный писателем образ столицы 1954 года, образ уничтоженного войной города и его преступного мира. Можно увидеть тогдашние улицы: Маршалковскую, Пенкную, Крохмальную...

Историю этого мира воссоздают фотографии, фрагменты кинофильмов, оригинальные предметы 50-х годов. Показаны плакаты той эпохи, представлена Варшава открыточная, ставшая объектом пропаганды вместе со своим соцреалистическим жилым районом на Маршалковской, фронтом строительных работ в центре, Дворцом культуры. Но показана и жизнь варшавян на развалинах, в руинах, в пустых коробках старых домов. Есть на выставке и «дикий Запад», место, где в районе Холодной, Железной, Вроней обделываются темные делишки.

Выставка показывает и то, о чем Тырманд, оглядываясь на цензуру, должен был промолчать: тайную сторону Варшавы, спрятанные в подземельях застенки, камеры со звукоизоляцией. Зло сталинской системы.

Выставка продлится до марта 2015 года.

«Джаз на Одере» — лучший, по мнению поклонников, фестиваль джаза в Польше — прошел во Вроцлаве (4-13 апреля)

уже в 50-й раз. Юбилейное мероприятие украсили своим участием лучшие польские и американские музыканты. Вокалист Грегори Портер, саксофонист Хьюстон Персон, трубач Теренс Блэнчард. Вроцлавская публика увидела японскую джазовую пианистку и композитора Хироми. Во время гала-концерта в «Зале столетия» выступили, в частности, Томаш Станько, Лешек Можджер, Станислав Стойка. Выступления сопровождал «Big Festival Band» Збигнева Чвойды. Новинкой фестиваля нынешнего года стал джазовый парад, прошедший по улицам Вроцлава.

В Большом театре — Национальной опере 11 апреля прошла премьера «Лоэнгрина» Рихарда Вагнера. Это совместный проект с «Welsh National Opera» из Кардиффа.

Первый в Варшаве за 58 лет «Лоэнгрин» — это очередной шанс полюбить Вагнера, отмечает в «Жечпосполитой» Яцек Марчинский:

— С Рихарда Вагнера уже снята анафема, которой он был предан в ПНР, хотя предубежденность, связанная с тем фактом, что его произведения присвоил себе нацизм Третьего Рейха, исчезла еще не совсем. Об этом свидетельствует хотя бы сопротивление властей Сопота проекту возрождения в «Лесной опере» знаменитых вагнеровских фестивалей. Они были организованы в прошлом веке и привлекали тысячи зрителей со всей Европы.

Примет ли варшавская публика «Лоэнгрина», покажет время. Предыдущая вагнеровская постановка — «Летучий голландец» — быстро исчезла из репертуара, хотя ставил спектакль сам директор Большого театра Мариуш Трелинский.

7 апреля в помещении Музея истории польских евреев в Варшаве была представлена книга «Город приговоренных, 2 года в Варшавском гетто». Это не публиковавшиеся ранее воспоминания и литературные тексты времен Катастрофы сатирика и автора текстов песен Ежи Юрандота (1911–1979) и его жены, писательницы и актрисы Стефании Гродзенской (1914–2010). С помощью друзей им удалось выбраться из гетто на так называемую арийскую сторону, затем они скрывались в Голембках под Варшавой, где и пережили войну. Написанные там воспоминания и стихи они сложили в стеклянную банку, которую закопали в саду. Тексты более чем семидесятилетней давности к печати подготовила Агнешка Арнольд — режиссер таких, например, документальных фильмов, как «Соседи», о евреях из Едвабне, и «Ротем» — истории одного из последних

живущих бойцов Варшавского гетто Симхи Ратайзера Ротема (псевдоним Казик).

— Юрандот, — говорит Агнешка Арнольд, — стремился описать все проявления жизни в гетто, но прежде всего — страшную изоляцию и ежедневные убийства.

Книга издана Музеем истории польских евреев.

Ежи Пильх (род. 1952) стал в нынешнем году лауреатом премии выходящего во Вроцлаве журнала «Одра». Премия присуждена «за включение в литературу микрокосма польской лютеранской общины и возвращение диаристике ранга искусства, а в особенности за изданные в прошлом году книги «Много демонов» и «Второй дневник».

Писатель родился в евангелистской семье из Тешинской Силезии. Родная ему Висла присутствует почти во всех его книгах. Он ввел в польскую литературу мир лютеран-евангелистов — небольшой общины, управляемой собственными, очень строгими правилами. В очередном томе повседневных записей, «Втором дневнике», Пильх решился на «экстремальную исповедь», усмотрев в своих страданиях, вызванных болезнью Паркинсона, литературный вызов и полагая, что «нет ни малейшего повода, чтобы болезнь не напоминала хорошо рассказанную историю». Пишет также о своем отказе от алкоголя. Глубокую картину алкоголизма он представил ранее в романе «Песни пьющих», который в 2001 году принес ему литературную премию «Нике» и вошел в ряд классических произведений, посвященных феномену пьянства.

10 апреля стали известны имена пяти финалистов премии имени Рышарда Капустинского за литературный репортаж. Жюри — Мацей Заремба (председатель), Эльжбета Савицкая, Ивона Смолька, Ольга Станиславская и Петр Мицнер — назвало три книги зарубежных авторов: «В Венском лесу деревья все шумят» шведской журналистки Элизабет Осбринк и две американские книги «Всегда красивые. Жизнь, смерть и надежда в трущобах Бомбея» Кэтрин Бу и «Резня в Эль Мозоте. Повесть о растленности власти» Марка Даннера. Есть шансы и у двух польских книг — это «Трубоч из Тембизы. Дорога к Манделе» Войцеха Ягельского и «Зачин. О Зофии и Оскаре Хансенах» Филипа Спрингера. Имя лауреата нынешнего года мы узнаем во время торжественной церемонии 23 мая.

Дариуш Фокс, поэт и прозаик, получил награду жюри Вроцлавской поэтической премии «Силезиус» за совокупность

творчества. «Фокс дебютировал двадцать лет назад и с тех пор издал множество произведений. Это такой тип поэзии, в которой мы найдем своеобразный юмор и одновременно очень серьезный взгляд на мир», — отметил председатель жюри профессор Яцек Лукасевич.

В нынешнем году лауреатом премии имени Яна Парандовского Польского ПЕН-клуба стал Рышард Крыницкий (род. 1943). Недавно поэт издал первый после восьмилетнего молчания сборник стихов «Хайку. Хайку мастеров». Вручение премии состоялось 28 апреля в Варшаве.

Жюри под председательством ксендза Адама Бонецкого присудило премии имени ксендза Юзефа Тишнера (1931–2000), выдающегося польского католического священника и философа. В нынешнем году в категории «Религиозная и философская литература» лауреатом стал ксендз Ян Крацик. Он отмечен за совокупность творчества, в котором с увлечением повествует о парадоксах «святой Церкви грешных людей». В категории публицистики и эссеистики на общественные темы, учащей поляков принимать «несчастный дар свободы», премию получил Кароль Модзелевский за книгу «Клячу истории загоним. Признания потрепанного всадника» (издательство «Искры», 2013), в которой ярко и с пониманием многообразия людских судеб интерпретирует историю последнего полувека истории Польши. В категории пастырских и общественных инициатив, способствующих выработке «польских форм диалога Церкви и мира», премию получил о. Яцек Пониковский за деятельность в пользу слепых.

Церемония вручения премий прошла в Кракове 23 апреля, открывая программу проводимых четырнадцатый год Дней Тишнера.

Уже в девятый раз телеканал «Культура» и сотрудничающие с ним критики присуждали «Гарантии "Культуры"». Дуэт Моника Стшемпка и Павел Демирский отмечен премией в категории «Театр» за спектакль «Варшавская битва 1920» на сцене краковского «Старого театра». В категории «Кино» премией отмечены режиссеры фильма «Папуша» Иоанна Кос-Краузе и Кшиштоф Краузе — за создание «в первый раз в польском кинематографе панорамы судеб польских цыган на протяжении последнего века», а также актер Збигнев Валерысь за роль мужа Папуши. В числе лауреатов также певец Мариуш Квещень — за выступление в опере «Евгений Онегин» Петра Чайковского, которой открывался сезон 2013/2014 года в «Метрополитен-Опера» в Нью-Йорке. В категории «Литература» лауреатом стала Малгожата Реймер, автор

сборника репортажей «Бухарест. Пыль и кровь», а в категории «Джаз, рок и др.» — музыкант Доминик Ваня. Творческое объединение «Slavs and Tatars» отмечено в категории визуальных искусств за широкие художественно-археологические исследования культуры Евразии.

В категории «Культура в Сети» (по итогам голосования пользователей интернета) победителем стал интернет-журнал «Двухтыгодник» («Двухнедельник»).

Звания «Менеджер культуры» удостоена Моника Шнайдерман за «18 лет последовательной, титанической работы в издательстве «Чарне», за верность убеждению, что польская литература сильна репортажем».

Присуждены также две специальные премии «Супергарантия». Одну получил Анджей Вайда за «смелость художественно сразиться с легендой Леха Валенсы» в фильме «Валенса. Человек из надежды» (по сценарию Януша Гловацкого). Вторая «Супергарантия» присуждена американскому режиссеру Мартину Скорсезе — за «проведенную с большим размахом акцию „Мартин Скорсезе представляет шедевры польского кино“», пропагандирующую в Соединенных Штатах важнейшие польские фильмы.

Прощания

21 марта в возрасте 59 лет в Варшаве умер Анджей Курылович, владелец издательства «Альбатрос». Сын выдающегося польского переводчика Ежи Курыловича, он был учредителем премии имени Ежи и Ханны Курыловичей для переводчиков научной литературы. Анджей Курылович начал работу в издательском деле в начале 90-х годов, сначала как основатель издательства «Прима», в котором вышел бестселлер «Форрест Гамп» Уинстона Грума. В «Альбатросе» издал много мировых бестселлеров таких авторов, как Стивен Кинг, Дэн Браун, Том Клэнси, Роберт Ладлэм. Всего до конца 2010 года вышло более 800 названий. О своих книжных предпочтениях Анджей Курылович писал: «Мы не боимся книг спорных, но избегаем никаких».

10 апреля в Варшаве умер Войцех Фиялковский — историк искусства, исследователь Варшавы, бывший многолетним (1954–1991) директором Музея «Дворец в Вилянуве». У него было много почетных должностей: вице-директор Национального музея, председатель Общества друзей изящных искусств в Варшаве, председатель Общества попечения старины. После смерти Ежи Вальдорффа он возглавил

Общественный попечительский комитет кладбища «Старые Повонзки». Был автором многочисленных публикаций, посвященных истории и культуре периода правления Яна III Собеского, таких как «Вилянув» (1973), «Интерьеры дворца в Вилянуде» (1977), «Польский портрет в галерее Вилянувского дворца» (1978), «Вилянув. Резиденция короля-победителя» (1983). Войцеху Фиялковскому было 87 лет.

Тадеуш РУЖЕВИЧ

1921–2014

***

Рышарду Пшыбыльскому

тяжело возвращаться

в землю

после такой

долгой жизни

тяжело не любить людей

тяжело их любить

когда знаешь их

так хорошо

проще любить

тех кого от нас отделяют

океаны

горы и бастионы

чем тех

с кем нас разделяет стена

сказал тот кто ушел

Перевод Игоря Белова

ФЕНОМЕН СМАЖОВСКОГО

Феномен кино Войтека Смажовского (в его случае, как мне кажется, стоит говорить именно о феномене) можно охарактеризовать посредством четырех элементов, которые обозначались уже в его дебютном фильме «Свадьба» (2004) и которые в дальнейшем стали своего рода фирменными знаками его стиля. Во-первых, Смажовский выбивает из нас — как точно выразилась Мария Янион в своем знаменитом эссе «Сумерки парадигмы» — «влюбленность в собственную прекрасность» (М. Янион, «Увидишь ли ты то, что пережил», Варшава, 1996, с. 15). Во-вторых, несмотря на то, что режиссер показывает нас «отвратительными, грязными, плохими» (там же), он парадоксальным образом оставляет нам надежду, заканчивая свои картины кадрами, снятыми в ракурсе сверху — намеком на то, что кто-то наблюдает за всем этим злом и несправедливостью и, возможно, вмешается. В-третьих, Смажовский пересматривает наши (польские) малые и большие мифы. И наконец, он необычайно интересно экранизирует литературные произведения, свободно подходя к вдохновляющим его текстам.

Войтек Смажовский — один из тех, кто, поступая в лодзскую киношколу, собирались быть скорее операторами, чем режиссерами. Так же, как и Кшиштоф Краузе и Ян Якуб Кольский, будущий автор «Розы» закончил операторский факультет, но довольно скоро понял, что гораздо больше, чем постановка света и камеры, ему интересна работа с актером. С актерами Смажовский, как он сам рассказал мне во время интервью на фестивале операторского искусства «Plus Camerimage 2011», договаривается, чтобы они сыграли определенные эмоциональные состояния. На съемочной площадке Смажовского все подчинено именно актеру. Режиссер любит «длинные планы», чтобы актер мог «разыгаться», любит, чтобы актеру ничто не мешало, а для операторов это оказывается нелегкой задачей — хотя бы с точки зрения маскировки источников света. Сказывается ли его операторское образование на визуальной стороне его картин? Нет, поскольку все визуальные задачи он доверяет своим операторам. Конечно, необходимо упомянуть, что самые лучшие, самые интересные с визуальной точки зрения — это те фильмы, при создании которых Смажовский работал с Кшиштофом Птаком («Плохой дом», 2009), но прежде всего —

с Петром Собоцинским-младшим: «Роза» (2012) и «Дорожный патруль» (2013). Последний выделяется поразительным разнообразием форматов съемки, использованием более десяти видов камер, включая айфон и камеры видеонаблюдения.

Смажовский с самого начала проявил себя как художник непростой и строптивый. «Свадьба» (2004) и ее режиссер были для меня загадкой, потому что трудно было поверить авторам, когда на пресс-конференции после премьеры на гдыньском кинофестивале они стали отрешиваться от драмы Выспянского и аллюзий на картину Вайды. Я не поверила их рассказам, что на выбор деревенской свадьбы в качестве предмета повествования повлияло наличие цифровой камеры, без которой не может обойтись ни одно празднество такого типа. Я чувствовала себя слегка дезориентированной, так как эти объяснения не соответствовали тому, что я видела и слышала. А видела я отсылки к живописи Выспянского: когда пьянка в самом разгаре, режиссер предлагает нам две успокаивающие вставки — кадры с цитатами из пастелей «Материнство» и «Спящий Стась». Я слышала фразу из пьесы Выспянского «На свадьбе надо быть в ботинках...», которую произносил Войнар (Мариан Дзендзель), самый богатый крестьянин одной из подкарпатских деревень, которого побили и обокрали.

В свою очередь, тот факт, что Смажовский заменил Поэта (героя «Свадьбы» Выспянского и одноименного фильма Вайды) на Оператора (Мацей Штур), свидетельствует о том, что режиссер чувствует дух времени, а эта черта, как говорил, кажется, Ежи Сколимовский, присуща только хорошим режиссерам. Оператор при помощи маленькой DVD-камеры документирует, а затем обнародует подлинные мотивы поступков гостей, записывает и разоблачает их, открывая правду о мире, в котором жила его возлюбленная. Суть не в том, что раскрываются чужие тайны, а в том, что обнажаются скрытые мотивы и стремления героев, которые сами себя считают представителями какой-то лучшей нации. Достаточно вспомнить хотя бы высказывание одного из гостей о том, что «Хорватия — дикая страна», которое заканчивается констатацией того, что в Хорватии не угоняют машин и что туалеты там чище, чем в Польше. Роль «золотого рога», важнейшего реквизита «Свадьбы» Выспянского, играет здесь футболка, на которой зафиксированы давние достижения польской сборной по футболу — ветеринар Мундек бережет ее как зеницу ока и надевает только в самых торжественных случаях.

Произведение Выспянского вдохновляет Смажовского на пересмотр если не мифов, то, во всяком случае, убеждений, тешащих самолюбие героев. В мире «Свадьбы» нет никаких мифов, ни о спасении, ни о сотворении мира, есть только иллюзии значимости и исключительности. В мире, в котором живут Войнар, его дочь Кася (Тамара Артюх-Шиц) и жена Эля (Ивона Бельская), все можно купить. Например, за Ауди ТТ — мужа для дочери, которую поставили перед выбором — либо аборт, либо свадьба с нелюбимым, давним, еще с детских времен, ухажером (Бартек Топа). Услуги нотариуса, полицейских, расположение ксендза, верность жены. Для жителей этой подкарпатской деревни все это только вопрос цены. Войнар — «продукт» среды, живущий среди завистников и злопыхателей. Он — жертва принципа «заложи последнее, но проставься», принципа, имеющего мало общего с гостеприимством, потому что дело не в угощении, а в демонстрации богатства.

В мире, который Смажовский показывает в своем дебютном фильме, нет ни одного чистого и невинного героя — за исключением деда Каси. Его, впрочем, добывает грязь мира, в котором он жил столько лет, и намерения близких. Хотя больше всего он страдает из-за того, что его любимая внучка выходит замуж не по любви, а чтобы «люди не болтали». Оператор изменил Касе, поэтому она возвращается к родителям; Кася подговаривает деревенских хулиганов, чтобы они побили неверного; Януш женится на Касе только из-за машины, а не из-за своего давнего чувства к ней; Эля не уходит от мужа только потому, что тот обеспечил семью; ветеринар Мундек (Ежи Рогальский) дружил с Войнаром, чтобы быть рядом со своей большой любовью — Элей. Смажовский, хотя, конечно, показывает кризис семьи и брака, но самые суровые оценки приберегает для чиновников — полицейских, нотариуса и, наконец, ксендза. В семье всегда найдется какая-нибудь жена, которая дотащит пьяного мужа до машины, какой-нибудь дедушка, который не выдержит правды о том, каковы на самом деле его близкие. Представителям широко понимаемых органов власти нечего предъявить в свою защиту: для ксендза, полицейского и нотариуса важнее всего размер гонорара, который чаще всего оказывается взяткой.

История Войнара и его семьи обогащается новыми красками, если принять во внимание следующие фильмы Смажовского. Они показывают, что «Свадьба» была анонсом того, что в будущем собирается сделать режиссер, и в то же время — своего рода испытательным полигоном для зрительских симпатий. Я оценила Смажовского, только посмотрев второй его фильм —

«Плохой дом». Самая сильная и разоблачительная сцена в «Свадьбе» — сцена исполнения пьяной вдрызг компанией патриотической песни, не менее сильную и важную сцену представит нам режиссер в «Плохом доме», действие которого происходит во время военного положения, когда пьяная (опять) очередь, стоящая в деревенском магазине неизвестно за чем (ведь на полках ничего нет), выгоняет пытающегося разузнать что-то о мошенничестве на местном сахарозаводе поручика Мруза (Бартек Топа) с криками «Солидарность, Солидарность», складывая при этом пальцы в характерный знак «V». «Плохой дом» — фильм более серьезный, чем «Свадьба», потому что если в своей дебютной картине Смажовский сосредоточился на иллюзиях, то во втором фильме он пересматривает миф о том, что в 80-е, а особенно во время военного положения, мы были единым обществом, связанным крепкими узами.

Герои «Плохого дома» живут в глухой деревне в Бескидах и никаким сообществом не являются, они просто пользуются моментом, чтобы насладиться ситуацией, в которой представитель власти оказывается зависимым от их прихоти. Сценарий фильма основан на «Сюрпризе» Хуберта Ростворовского: чтобы раздобыть денег для своего младшего сына, родители убивают старшего сына, не узнав его в путнике, которого они пустили под свой кров. В создании сценария принимал участие замечательный польский оператор Лукаш Косьмицкий.

К начатой в «Свадьбе» теме компрометации государственных органов Смажовский вернется в своем четвертом фильме «Дорожный патруль». История сержанта Круля (снова Бартек Топа) разворачивается в более поздние годы, чем действие «Свадьбы», но в объективе в очередной раз оказывается образ Польши, где правит тот, кто может себе это позволить. В «Свадьбе» зритель сталкивался с мелкими, хотя и болезненными, грешками героев; в «Дорожном патруле» коррупция предстает главной стратегией поведения в пореформенной Польше, она вездесуща — полицейских можно подкупить двадцатью злотыми, шефов корпораций — миллионами, а если и миллионы подведут, то всегда можно прибегнуть к шантажу. Миф, с которым режиссер расправляется в четвертом фильме — это уверенность в том, что мы отлично справляемся с новыми временами и в новом времени. Приговор жесток — мы не справились, хотя именно в этом фильме режиссер не заставляет нас догадываться, в чем смысл последнего кадра, снятого в ракурсе сверху вниз. «Дорожный патруль» — это пока единственная картина

Смажовского, в которой побеждает справедливость — у нее выдавшие виды лица полицейских внутреннего отдела, хотя не слишком внимательный зритель может их вмешательства не заметить.

На похоронах погибшего в подстроенном несчастном случае сержанта Круля происходит арест его коррумпированных начальников. Так же как в «Свадьбе» и «Плохом доме», невинных в фильме нет, а вот масштаб вины — больше. Сержант Круль — своего рода перевоплощение поручика Мруза (в обеих ролях снялся один и тот же актер): оба приняли близко к сердцу чужие проблемы и упорно стремились добиться правды. В случае Мруза речь шла о разоблачении виновников махинаций на сахарозаводе и в совхозе, о желании доказать, что самогонщика Дзябаса (Мариан Дзендзель) и его жену (Кинга Прайс) убил не зоотехник Сьродонь (Аркадиуш Якубик), которого власти, используя его связанное с участием в забастовках 70-х годов прошлое, сделали козлом отпущения. «Плохой дом», несмотря на то, что в визуальном плане там доминирует белизна, — самый мрачный фильм Смажовского. В последней, почти что брейгелевской, сцене, в которой мы видим и труп Мруза, и убегающего Сьродоня, и преследующего его полицейского нет ни капли надежды, ни тени сочувствия, есть только наблюдение, которому сопутствует горячая надежда зрителя на то, что не может история последнего праведника закончиться таким образом. Конечно, только что родился ребенок Мруза, плод его романа с замужней сотрудницей, но это рождение сложно рассматривать как обнадеживающее, потому что ребенок родился в «плохом доме», где были совершены два преступления, в том числе — сыноубийство по ошибке, словно заранее отмечающее новорожденного печатью зла. С другой стороны, появление новой жизни всегда дает надежду.

В свою очередь, сержант Круль сначала хочет лишь докопаться до правды о том, с кем встречается его жена (Иза Куна), которой он тоже изменяет со своей коллегой (Юлия Кийовская). Но затем герой неожиданно попадает в мир, основанный на коррупции и шантаже. Полицейский не только узнает, кто соблазнил его жену, перед ним открывается вся история. Ему известно, кто, кого и чем шантажировал, поэтому ему предстоит умереть. «Дорожный патруль» лишает нас иллюзии, что мы справились с новыми временами, с теми переменами, которые произошли после 1989 года. Фильм разуверяет нас в том, что все получилось, хотя и не отнимает надежды, что все еще получится. Следует особенно подчеркнуть, что ни в одном своем фильме Смажовский не

обвиняет своих героев, не осуждает их, он лишь показывает их поступки. Это один из немногих режиссеров, которые любят своих героев — потому что любят людей вообще. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, если речь идет о режиссере, для которого на плане важнее всего актер. Его герои просто по-человечески несовершенны. Смажовского часто называют натуралистом, для меня же феномен заключается в том, что философские истории его авторства в какой-то момент становятся метафорами нашего несовершенства.

Перед тем как перейти к самому важному и самом зрелому (на настоящий момент и по моему мнению) фильму Войтека Смажовского, а именно к «Розе» (2011), необходимо хотя бы немного внимания уделить его последней картине, «Песни пьющих» (2014), авторской интерпретации романа Ежи Пильха, получившего премию «Нике» в 2001 году. На этот раз Смажовский берется за миф интеллигентского пристрастия к алкоголю и показывает, что за ним стоит не поиск искусственного рая и не стремление преодолеть общественные барьеры или границы восприятия, а обыкновенная зависимость. «Песни пьющих» — это противоположность «Петли» Хаса, где проблема не в алкоголе, а в одиночестве, в неприспособленности Кубы (которого гениально сыграл Густав Холубек), в том, что ему не для кого жить — а это главный жизненный стимул героев Хаса. Новый фильм Смажовского — это чистая, правдивая, а потому brutальная и местами омерзительная вивисекция алкоголизма, разрушающего не только самого алкоголика, но заражающего все окружающее. Пильх оставил своему герою надежду на хэппи-энд, ниспослав ему любовь; в то, что сможет вылечиться герой экранизации, я не верю. В мире Смажовского любовь дается только тому, кто способен открыться другому человеку и полностью довериться ему — как это сделали Роза (Агата Кулеша) и Тадеуш (Мартин Дорочиньский). В Ежи (Роберт Венцкевич) есть какое-то позерство, искусственность (и неудивительно, ведь он писатель), поэтому я не верю в его выздоровление.

Выше я писала, что Смажовский выбивает из нас «влюбленность в собственную прекрасность», избавляет от иллюзии, что мы не упустили шанса, который представился после перелома 1989 года, показывает, как мало мы изменились с тех пор. Режиссер заставляет нас пересмотреть миф обо все упрощающем делении на Мы и Они — если в 80-х Мы были единой группой, то никаких Они быть не могло, а если нас ничто не связывало, то вывод получается несколько менее утешительный. В «Розе» ставится под вопрос один из основополагающих, как назвал его Конрад Зарембский, мифов

ПНР, а именно миф о возвращении в лоно отчизны северных и западных земель. Действие происходит между 1944 и 1945 годами на Мазурах, однако не это главное. Другое гораздо важнее в истории Розы, жительницы Мазур, которая оказывается чужой и для чужих (поляков, которые только что приехали на вновь обретенные территории и угрожают ей высылкой в Германию), и для своих (мазуров, потому что после входа советских войск героиня, чтобы спасти себя и дочь, становится любовницей советского командира). Смажовский выводит на экран новую для польского исторического дискурса героиню — жертву военного насилия. До него в польском кинематографе о героическом поведении такого рода и об этих жертвах рассказал только Войцех Ежи Хас в фильме «Как быть любимой».

«Роза» — это также кино о создании нового мира благодаря новому чувству. Роза и Тадеуш прошли через кошмар, ее муж, немецкий солдат, погиб во время войны, она многократно подвергалась изнасилованию во время путешествия на немецкий корабль, на котором хотела бежать вместе с дочерью; он — участник варшавского восстания, свидетель группового изнасилования и смерти своей жены, и все-таки они отважились сделать новую попытку. «Роза», как и «Облава» Мартина Крышталовича, — это история представителей поколения, помимо воли причастного к смерти (как Тадеуш) или по своей воле упивающегося убийством (как капрал Выдра из партизанского отряда в «Облаве», приводящий в исполнение смертные приговоры предателям и тем, кто сотрудничал с врагом). Это история поколения, которое, несмотря ни на что, нашло в себе силы начать все сначала, поколения, которому мы обязаны своим существованием. Сила Тадеуша показана в последнем кадре фильма (в котором камера, по традиции, снимает в ракурсе сверху вниз), когда герой, вернувшись из лагеря, куда он попал за участие в Армии Крайовой, отправляется вместе с осиротевшей дочерью Розы вперед навстречу неизвестности. Дочь выдали замуж, но это не спасло ни дома, ни имущества, которое отошло к переселенцам. Нельзя не прочесть эту сцену как намек на то, что мы — народ, лишенный корней.

«Облаву» и «Розу» объединяет еще и то, что оба фильма относятся к направлению, пересматривающему наше представление об истории. Я уже писала о том, что в этих фильмах обретают голос забытые героини Второй мировой войны, жертвы военного насилия. В «Облаве» речь идет еще о том, что нет ничего такого, как механическое исполнение смертного приговора, что причастность к убийству, даже если

это только исполнение приговора, изменяет человека. Если, конечно, мы имеем дело с человеком. Необходимо отметить, что такую проверку наших представлений об истории, часто связанную с необходимостью отказаться от высокого мнения о себе, в польском кинематографе после 1989 года начал Ян Якуб Кольский. В своем дебютном фильме «Похороны картошки» он рассказал о польском деревенском антисемитизме, о ужасающей, «снимающей все табу» (по Батаю) нищете польских крестьян, готовых на все ради земельной реформы. В один ряд с фильмом Кольского можно поставить эстетически не вполне совершенные «Колоски» Владислава Пасиковского, представляющие горячую картину событий разыгравшихся в Едвабне, и фильм «Ида» Павла Павликовского, который своих героев списал с реальных персонажей. Прототипами были католический священник, узнавший о своем еврейском происхождении, и жестокая сталинская прокурорша, с которой режиссер познакомился в эмиграции и ни за что бы не догадался о кровавом прошлом этой симпатичной пожилой дамы.

Войтек Смажовский уже несколько лет планирует вновь присоединиться к перечисленным выше режиссерам, представляющим несколько иной взгляд на историю, и снять фильм о волынской трагедии.

УТЕШИТЕЛЬНЫЕ ПЕСНОПЕНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯМ СПОСОБСТВУЮЩИЕ

«Бьют часы» — это записанный в 2007 году Яцеком Халасом альбом «нищенских песен» в аранжировке для акустических инструментов. Выпустило альбом издательство «Номады культуры». Анахроничный, казалось бы, репертуар, собранный и описанный Оскаром Кольбергом и другими этнографами и фольклористами, вытесненный из общественного сознания современной массовой культурой и далеко идущими цивилизационными переменами, обрел — благодаря авторской интерпретации — пронзительно-драматическое звучание.

Трудно дать однозначное определение «нищенской песни» и четко классифицировать этот жанр. Этнографы не выработали единой категории, к которой эти произведения можно было бы причислить без всяких сомнений. Прежде всего из-за того, что репертуар нищих восходит к устной традиции, а стало быть подвергался частым модификациям в зависимости от обстоятельств и места исполнения. В его состав входили тексты, которые печатали мелкие лавочники, лоточники и коробейники, продававшие их потом на ярмарках. Авторы песен чаще всего неизвестны. Не стоит сбрасывать со счетов и коммерческий аспект деятельности бродячих нищих, для которых пение было важнейшим источником дохода. Они были образованными людьми, читать умели, вот и пользовались благами печатного слова. Поэтому, вслед за фольклористом Петром Гроховским (автором книги «Деды. О нищих странниках и их песнях»), я принимаю определение, согласно которому нищенская песнь есть любое произведение, исполнявшееся нищими, — независимо от того, кто на самом деле был автором слов. В пользу такого решения говорит и то, что слушателями песен были люди, принадлежавшие к сельской культуре, воспитанные на устной традиции, а в ней существенной информацией считалось не то, кто написал текст, а то, кто его исполнил.

Итак, уже первое — визуальное — знакомство с альбомом погружает слушателя в эсхатологическую атмосферу; это настроение передастся ему и при прослушивании диска. На обложке — Адам и Ева, представленные в стиле «danse macabre». Подчеркнут мотив перехода из земного мира в небесный, переданный при помощи графической аллюзии на библейский сюжет о лестнице Иакова. Связь между сакральной и профанной сферами показана при помощи визуализации душ, взлетающих к солнцу. Раскрыв обложку, на реверсе мы видим крестьянина, ангела и черта: каждый везет свою повозку, здесь же деревенский дом, над ним парит ангел с распростертыми крыльями, с другой стороны — церквушка, деревья и звери лесные. Графическая композиция альбома опирается на тройственное деление времени: после земного времени приходит время путешествия и душа отправляется в небо. Все это выдержано в стиле традиционной народной вырезки из бумаги. Обложка знакомит нас с творчеством Яцека Халаса — художника, выпускника краковской Академии изобразительных искусств.

Первые звуки диска представляют нам его как лирика и певца. И сразу понятно, что к записи нищенских песен у него особый подход. Колёсная лира — традиционный инструмент бродячих певцов. Халас решил не осовременивать репертуар, к которому прикоснулся. Он ведет слушателя через наиболее популярные сюжеты нищенских песнопений. Мотив убийства появляется в песни «Девушка из города, окруженного стеной». Это валашская песнь, записанная Слободаном Марковичем. Ее героиня, уступив уговорам юноши, за которого хотела выйти замуж, отравила троих своих братьев, а потом сама погибла от ножа несостоявшегося супруга, который стал бояться, что женщина убьет и его. Смерть — это основная тема песни «Приехал священник к больному» (в собрании Оскара Кольберга она записана под названием «Душа с телом расставалась»). Песня «В страстной четверг после ужина» известна и как «Песнь о детоубийце» (слова по записи Кольберга), второй вариант названия точно определяет ее тематику. Предпоследняя вещь — «История о странствии Святого Семейства» (оригинал «Легенда о Богоматери и разбойнике» записан в 1996 году Беатой Вильгосевич от Францишки Цесьлюковой из Шипулишек) — содержит агиографические мотивы. Закрывает альбом давшая ему название песня «Бьют часы» (из песенника «Благочестивые песни»), в центре которой тема бренности бытия. Все эти произведения дают ясное представление о том, чем были для традиционных сообществ песни нищих. Странники, которых в деревнях воспринимали как людей бывалых, рассказывали сообществу о

том, что происходит в мире, особенно же о сенсационных событиях и эксцентричных поступках. Они выполняли функцию, сходную с той, которую сегодня осуществляют таблоиды. Предостерегали перед божьей карой, убеждали, что всякое прегрешение против заповедей зачтется виновному, свидетельствовали через посредство агиографических текстов о чудесах, совершаемых святыми, воспевали исторические события. Торжественно-эсхатологическая, насыщенная описаниями чудовищных страданий грешников поэтика песен подчеркивала высшую ценность религии. Воздействие на воспитанного в традиционной устной культуре слушателя, убежденного, что проступок одного человека против Бога навлекает кару на всю деревню, было очень сильным, обеспечивало дедам-нищим авторитет и достойные (для странников) условия жизни.

Изданный в 2007 году альбом с нищенскими песнями — это прежде всего память о культуре, ушедшей в забвение. Сегодня у этих песен уже другая функция.словно своего рода «memento mori», они напоминают человеку массовой культуры о бренности, побуждают к размышлениям о преходящей жизни. Яцек Халас достиг художественного эффекта высшей пробы. Эти песни волнуют, вызывают раздумье, исполнение захватывает слушателя, не позволяет отвлечься ни на минуту. Строчки впечатываются в сознание так же, как слова летних пляжеров, которыми радиостанции потчуют слушателей на рубеже июля-августа. Однако разница тут принципиальная. Обычные темы нищенских песен — убийства, кара божья в ветхозаветном понимании, сошествие Иисуса с небес, путешествие воспаряющей к нему души. Эти произведения с необычайной яркостью воскрешают картины ушедшего мира, анахроничного, почти музейного, столь, казалось бы, отдаленного от окружающей нас действительности, похожей на Вавилонское столпотворение. Халас вновь открыл художественный потенциал нищенских песен. Ему удалось вызвать в слушателях мысль о прошедших временах, а надо сознавать: такое все реже выпадает на долю современного человека.

Францишка Цесьлюкова, Шипулишки

Записала Беата Вильгосевич в 1996 году

ЛЕГЕНДА О БОГОМАТЕРИ И РАЗБОЙНИКЕ

Когда Дева Пресвятая по миру ходила

и Сыночка своего за ручку водила,

Когда оба с Иосифом на этом свете жили
и трудом своих рук Сыночка кормили,
Когда жили в Назарете, где работы мало,
было не на что им жить, и Дитя голодало,
Тогда люди Назарета совет им дали,
чтоб они в Иерусалим-город уезжали.
«Иерусалим большой и богатый город,
там была бы вам жизнь и работы вдоволь.
Но до города путь долгий и бор дремучий,
а в лесу том живёт разбойник могучий.
А как бор пройдёте, две дороги найдёте:
вы направо идите, а налево пропадёте.
Как направо пойдёте, будет бор пониже,
там один ольховник — хоть густой, да пожиже.
Начеку оставайтесь, как пройдёте ольховник,
обойдите стороной дом, где живёт разбойник».
Святой Иосиф озирался в тревоге
На все стороны света, на все дороги.
Но Дева Пресвятая Иосифа бодрила:
«Что ему убивать нас? — она говорила:
Пойдём по Божьей воле... чем даром киснуть,
Если нет у нас тут ни работы, ни жизни!»
Так по Божьей воле они в путь пустились,
как полбора прошли, две дороги открылись.
И пошли направо, где был бор пониже,
где один ольховник — хоть густой, да пожиже.

Скоро дождь полил, очень холодно стало,
и Дитя их озябло и громко зарыдало.

Вот под деревом сели, Дитя отогревали,
прижимали к себе, на ручки дышали.

Тут идёт разбойник — увидал три сиянья,
обрадовался, думал — три мешка с деньгами.

Подошёл поближе, подслушал их втайне
и встревожился очень — и дивился им крайне.

Вышел к ним и увидел: трое путников без силы,
и завёл разговор — любовь его пробудила...

Говорит: «Откуда, люди, и куда вы идёте?

Ночевать тут хотите? Вы ж замёрзнете, помрёте».

Ну а Дева Пресвятая ему отвечала,
обо всех своих горестях и бедах рассказала.

Говорит: «Из Назарета-городка мы ушли,
ни работы, ни жизни мы там не нашли.

Тогда люди Назарета совет нам дали,
чтобы мы в Иерусалим-город уезжали.

Иерусалим-де большой и богатый город,
там была бы нам жизнь и работы вдоволь.

Но до города путь долгий и бор дремучий,
а в лесу том живёт разбойник могучий.

И вот мы горюем, и очень боимся,
и дороги не знаем, и злодея страшимся».

А разбойник отвечает: «Вы его не миновали,
я и есть тот разбойник, верь не верь — я с вами.

Так идите же за мною, ко мне домой,
и не бойтесь ни смерти, ни обиды никакой».

Вывел их на дорогу, указал на дом,
сам уходит, обещает придти потом.

Так они с ним расстались, в дом его явились,
у жены его смиренно на ночлег попросились.

А жена отвечает: «Вас пустить не могу,
муж-то мой разбойник, промышляет в бору.

Как в бору пограбит, поревёт-посвистит,
он вернётся домой и уж вас не простит».

А Они говорят ей: «Мы его повстречали,
если б он не сказал, мы бы к вам не стучались.

По его приказанью сюда мы явились,
потому и ночлега у вас попросили».

Как услышала жена, перечить не смела,
возле тёплой печи им сидеть велела.

А они-то и греться от страху не могут,
так и встали за печкой с Ребёночком оба.

А разбойник тут как тут, только входит в дом —
и сразу жене: «Не ночует ли кто?»

«Трое странников ночуют, за печкой стоят,
но уж очень боятся, ничего не говорят».

А разбойник жене велит на стол собирать
и удобную постель для гостей застилать.

Вот окончили ужин, постели готовят,
а Господь Иисус плачет жалобно, стонет.

И тогда Пресвятая Дева так сказала:

«Может, плачет Он, что я Его давно не купала».

Разбойник стал корытце водой наполнять,
чтоб сыночка Пречистой Девы купать.

А когда Пресвятая Иисуса купала,
разбойничьего сына плач Она услышала.

И купая Иисуса, разбойницу просила,
чтобы в ту же купель она сыночка положила.

Та ответила: «Мой сын весь в гнойных язвах,
будет громко плакать, если в воду ляжет».

Только Дева Пресвятая взяла легко его,
в купель окунула и плач успокоила.

Как в купель-то положила, тут же плач затих,
нет ни язв, ни корост — он очистился от них.

А вода-то, в которой его Дева купала,
словно дорогой бальзам благовонный стала.

Тут жена злодея очень мудро поступила —
воду вылила в кувшин и в землю зарыла.

Смотрит разбойник — а Дева в сиянье,
говорит жене: «Вот всемогущая пани».

Говорит: «Откуда, люди, и какого вы роду?»

А что я вас встретил — слава Господу Богу».

И сказал жене опять: «А может, люди эти
прославлены в писанье, на всём белом свете».

Встав же поутру, он их так вопрошает:

«Что угодно вам за это? — заплатить обещает. —

Просите что хотите, мы деньгами богаты,
у меня всего довольно — серебра и злата».

Пошёл за деньгами, на ковёр высыпает:

а как кончатся — снова приходит приглашает.

Но Дева Пресвятая так ему отвечала:

«Хвала тебе за ужин и ночлег, что ты дал нам!»

Иисус и сын разбойника, когда расставались,
так прощались, что все на них диву давались:

Господь сказал: «Расти, братишка, вместе потом
друг рядом с другом на кресте мы умрём».

И отец и мать, разбойники, во всём повинились,
и разбой они бросили, и праведно жили.

Вырастили сына и всё ему отдали,
уважать других людей ему наказали.

А когда уйти из мира им пора настала,
наставляли, чтоб ближних не обижал он.

Но как померли, он быстро всё промотал,
ненадолго хватило, сразу всё потерял.

И пошёл он к ворам, и таким же стал,
потом его поймали вместе с тем, с кем он крал.

На кресте их распяли, а Иисуса — третьим,
но душа того разбойника счастливей всех на свете.

Ведь отцу его и матери даровано прощенье
за тот ночлег, и сыну — грехов отпущенье.

Кто Иисуса приютил, когда он по миру ходил,
того Господь всем сердцем, небом наградил.

И сказал Он в завете, что снова наградит
того, кто странника под кровом приютит.

Того, кто странника под кровом приютит,

Иисус всем сердцем, небом наградит.

Перевод Андрея Базилевского

КОМПЬЮТЕРЫ ПРЯМО НА ГРАНИЦЕ

Зрелище десятков туристических автобусов с восточными регистрационными номерами, которые паркуются перед торговыми центрами в Пшемысле, Белостоке, Люблине или Гданьске, уже никого не удивляет. Наши соседи в массовом порядке приезжают в Польшу за покупками. И наши коммерсанты их любят. Покупают приезжие много, так как им нужно возместить расходы на поездку. Не привередничают. Платят наличными и часто выбирают товары с верхней или даже с самой высокой ценовой полки. Все это — полная противоположность тому, что происходило еще полтора или два десятилетия назад, когда Польшу заливал поток мелких торговцев с Востока, продающих на рынках и базарах всякую всячину, товары для дома, бытовую технику, постельное белье, одежду и прочее, зарабатывая на разнице цен.

Польские продавцы уже несколько лет назад заметили, что россияне, белорусы и украинцы — очень хорошие клиенты. Поэтому все чаще располагающиеся вдоль нашей границы магазины, в том числе сетевые салоны, принимают на работу продавцов, говорящих по-русски или по-украински. Клиента, который готов за один заход оставить в торговой точке даже несколько тысяч злотых, следует окружить должным вниманием. Такая инвестиция быстро приносит свои плоды, так как довольный посетитель магазина, который расскажет об удачных приобретениях друзьям, — это настоящее сокровище.

Наибольшим спросом у наших соседей пользуются одежда, продукты питания, а также электроника. Однако многие из производителей информационного и компьютерного оборудования по-прежнему продолжают пренебрегать восточными рынками. Концерны не инвестируют в развитие продаж, потому что политический климат для них неблагоприятен. Поэтому ассортимент небогат, не хватает модных новинок, а цены относительно высоки. Тем временем формирующийся в Украине либо в Калининградской области средний класс хочет иметь новейшие модели телефонов, компьютеров и телевизоров. Все это он может сразу, без каких-либо проблем приобрести в Польше. Расстояния невелики. Путешествие, невзирая на очереди на границах, отнимает всего

несколько часов. Однако главным аргументом, стимулирующим к посещению польских салонов с информационно-компьютерным (ИК) оборудованием, является цена. Покупая компьютер у нас, и перевозя его через границу, россиянин или белорус может к тому же отнять от цены 23% НДС. Разумеется, если задекларирует, что покупка предназначена для личного пользования.

Продавцы ИК-оборудования уже давно заметили, что наши восточные соседи могут быть для них настоящей золотой жилой.

Число покупателей дополнительно выросло после введения на исходе 2013 г. новых, упрощенных правил о приграничном движении с Калининградской областью. «Статистические данные из наших салонов, расположенных в населенных пунктах близ границы, показывают, что интерес к нашим товарам клиентов, приезжающих из-за восточной границы, значительно возрастает. При этом они выбирают отнюдь не самую дешевую продукцию. Чаще приобретают фирменные изделия, в том числе новинки», — говорит Бернارد Боцян, директор департамента розничной продажи в концерне «Компутроник», одном из ведущих продавцов ИК-оборудования в Польше, который располагает сетью из примерно 220 стационарных магазинов и является владельцем популярного интернет-магазина. Поэтому «Компутроник» интенсивно ищет продавцов, знающих русский язык. Его конечная цель — иметь таких работников в каждом салоне вдоль восточной стены.

Покупатель попадает в стационарные магазины «Компутроника» и другим путем. «Уже довольно давно мы наблюдаем растущее число посещений нашего интернет-магазина клиентами с Востока. Генерируемый ими оборот вполне солиден, что свидетельствует о значительном интересе к нашему торговому предложению», — говорит представитель «Компутроника». Поэтому фирма решила запустить русскоязычную версию своего интернет-сайта, добавив ее к чешской и словацкой версиям, которые действуют уже несколько лет. Эта новая версия появится в сети в ближайшие дни. «Мы не будем переводить на русский всю информацию, например, технических спецификаций товаров, которые обычно размещаем на английском языке. Зато там будут русскоязычная навигация по сайту, описание его разделов, размещение магазинов, инструкция по получению возврата НДС и информация о рекламных акциях», — перечисляет Бернارد Боцян.

Обычно покупатель с Востока принимает решение о личном получении товаров в представительствах «Компутроника» в Польше, чтобы, возвращаясь с товаром к себе, на границе получить обратно НДС. Поэтому фирма решила пойти навстречу таким клиентам, открывая в приграничных населенных пунктах, зачастую в непосредственной соседстве с пограничными переходами, пункты получения своих товаров. Благодаря этому клиентам не надо тратить время и усилия на поездку в большой город, где работают магазины «Компутроника». Они могут пешком пересечь границу, совершить покупку и через несколько минут вернуться к себе. «Это очень свежая тема. Первый подобный пункт мы запустили в декабре. Два очередных — в январе», — рассказывает представитель «Компутроника». Пока такого рода представительства действуют в Бартошицах (близ границы с Калининградской областью), Тересполе (с Беларусью) и Медике (с Украиной). У «Компутроника» имеется также представительство в Кузнице-Белостоцкой (также на границе с Беларусью), где работает партнерская фирма. «Компутроник» не исключает открытия следующих объектов данного типа. «Пока еще слишком рано проверять, оказалась ли эта идея удачной для бизнеса. Но если результаты будут положительными, мы будем расширять сеть», — резюмирует Бернارد Боцянь.

Одним словом: Наши восточные соседи становятся богаче и хотят покупать у нас электронику. Приграничный бизнес процветает.

МЫ МОЖЕМ СТАТЬ ВТОРЫМ СИНГАПУРОМ

Польский ВВП может расти в темпе, превышающем 4% в год, а безработица быстро падать, но для этого нужны миллиарды злотых публичных инвестиций, — считает Славомир С. Сикора, президент банка «Сити Хандлевы».

— Действительно ли — как утверждают многие экономисты — нас ждет хороший год? Вы участвуете в работе кредитных комитетов, разговариваете с президентами фирм. Они носят розовые очки?

— Я решительно более оптимистичен, нежели еще полгода назад. Как по показателям конъюнктуры, так и по эмоциям предпринимателей видно, что в следующем году экономика значительно ускорится. Однако это еще не станет тем переломом, который ощутит в бумажниках большинства поляков.

— Я ожидал от вас большего оптимизма.

— Мы были одним с первых банков, который в 2014 г. прогнозировал рост ВВП выше 3%. Сегодня мы исходим из предположения, что польская экономика вырастет на 3,1%. Хотя при этом следует помнить, что заметное уменьшение безработицы наступает лишь при росте ВВП на уровне 3,5–4%. И лишь тогда значительно улучшится настроение потребителей. Впрочем, у этой палки два конца, поскольку чем быстрее растет экономика, тем бóльшие проблемы с доступностью работников испытывают предприниматели; неизбежно растут также расходы на оплату труда. А это два фактора, тормозящие темп роста.

— Как надо действовать, чтобы быстро достигнуть этих 4% роста ВВП?

— Многое зависит от того, удастся ли раскрутить инвестиции. У меня нет сомнений, что первый рывок вперед должен быть финансируван публичным сектором. Я бы не рассчитывал на то, что первым маховиком станут в будущем году частные фирмы. Помогла бы активность правительства, а также ослабление основных принципов задолженности для органов

самоуправления. И, разумеется, необходимо сочетать все это с дотациями Евросоюза.

— Польская экономика в значительной своей части опирается на экспорт в Германию и зависит от хозяйственно-экономической ситуации в этой стране, поскольку она — наш крупнейший торговый партнер. Ускорится ли в будущем году и этот двигатель тоже?

— Большая коалиция, которая образовалась в Германии после недавних выборов, обещает, что она в большей степени, чем ее предшественники, сделает ставку на рост экономики. Ввиду этого мне представляется, что экспорту из Польши на немецкий рынок ничто не угрожает.

— В чем вы видите наиболее серьезные угрозы — не затрагивая, разумеется, вопрос о масштабах и эффективности публичных инвестиций?

— Вызывают беспокойство юридические сомнения вокруг решения о переводе части активов открытых пенсионных фондов (ОПФ) в Управление социального страхования (УСС). Эти деньги имеют ключевое значение для бюджета следующего года. Если бы Конституционный трибунал оспорил и не признал принятый недавно закон, надлежало бы во многом пересмотреть расходы бюджета и временно распрощаться с надеждами на рост публичных инвестиций.

— Считаете ли вы, что не существовало другого выхода, кроме как ограбить ОПФ, забрав у них часть денег?

— Далеко не все в этом проекте мне нравится, например, принцип ползунка, иначе говоря, перемещение сбережений из ОПФ в УСС за десять лет до перехода члена ОПФ на пенсию. Считаю, однако, что в сложившихся ныне бюджетных условиях перенесение облигационной части ОПФ — это правильное решение.

— Предположим, что закон об ОПФ не удастся эффективно оспорить. Какие еще турбулентности угрожают оптимистическому сценарию для польской экономики?

— В будущем году нам еще предстоят два тура выборов — в органы местного самоуправления и в Европейский парламент. Это такое время, когда зачастую больше говорится, чем делается. Из числа внешних факторов нам может повредить недавно начатый в США процесс ограничения программы QE (Quantitative easing, количественного смягчения), которую

условно называют «допечаткой денег». Хотя пока этого не видно, но существует риск, что на каком-то этапе следствием ограничения указанной программы станет ослабление злотаго и рост рентабельности облигаций — то есть рост затрат на заимствование денег Польшей.

— Вы говорите об ослаблении основных принципов задолженности для гмин. Но разве нам недостаточно строящихся почти в каждой гмине аквапарков, которые надо будет дополнительно финансировать на протяжении последующих 20 лет?

— Даже если не все евросоюзные деньги были потрачены разумно, все равно нам необходимо любой ценой переломить тот инвестиционный застой, который существовал у нас в течение всего 2013 года. Несмотря на риск, что не все деньги будут израсходованы осмысленно, следует поддерживать местные инвестиции, поскольку они являются своего рода маховиками меньших размеров, и дополняют инвестиции, финансируемые правительством. В перспективе нас ждет последняя большая инъекция денег из Европейского Союза, а мы стоим перед ловушкой среднего прироста. Если нам не удастся разогнать экономику, чтобы она работала на более высоких оборотах, то мы как страна окажемся не в состоянии развиваться устойчиво в темпе 4–5% в год. А также не построим фундаментальные основы конкурентоспособности нашей экономики после 2020 г., когда мы перестанем быть евросоюзным бенефициаром-нетто.

— Где мы должны искать эти фундаментальные основы конкурентоспособности?

— Средняя польская зарплата по-прежнему составляют меньше половины немецкой либо французской. Низкие издержки на оплату труда — вот наш козырь на ближайшие 5–7 лет, но вряд ли на более длительный срок.

— Чего нам не хватает? Финансирования хороших идей?

— Мы страдаем из-за отсутствия не столько денег, сколько скорее умений. Конечно же, банки все еще инструментально не подготовлены к финансированию стартапов, но не только здесь причина того, что не каждая хорошая идея находит финансирование. Слабость польского общества состоит в уровне финансового образования, результатом чего становится непонимание экономических явлений, в том числе и некоторой частью лиц, учреждающих фирмы. А также взгляд на бизнес сквозь призму девиза «мол, как-нибудь, да будет».

— *Этого не удастся исправить ни через пять, ни через десять лет...*

— Но можно это ускорить, открывая Польшу для талантов из-за границы — людей науки, предпринимателей, студентов. Открыться разнообразию означает ускорить инновационные процессы. Страны, которые делают это лучше других, выигрывают. Америка в глазах талантливых людей стала наиболее привлекательной страной для проживания. Вторую Америку нам в Польше не построить, но Сингапур уже вполне может послужить для нас хорошим образцом. Там благодаря современному подходу к образованию, множеству талантливых людей из-за рубежа и притягиванию капитала удалось в течение 40 лет почти с нуля выстроить инновационную экономику. За это время годовой доход на одного жителя увеличился с 400 долларов до более чем 50 тыс. Нет причин, чтобы мы не могли повторить тот успех, которого добился Сингапур. Тем более что у нас очень удачное расположение в Европе.

— *Каким образом правительство должно начать строить второй Сингапур?*

— Я бы не сужал этого вызова и не сводил его исключительно к действиям правительства. Одним из методов основателей современного Сингапура было всеобщее изучение английского языка. Если общество свободно изъясняется на самых популярных языках мира, это автоматически дает ему лучшие условия для абсорбции талантов из-за границы. А талант и идея — это сегодня больше половины успеха. От руководительницы отделения Google в Польше я услышал, что интернет ликвидирует сейчас все барьеры для занятия бизнесом, кроме связанных с капиталом. И мне уже известно, что в Польше есть практические примеры претворения этой мысли в жизнь. Знаете ли вы, что польская фирма «eSky» является ведущим интернет-посредником в бронировании авиабилетов на бразильском рынке? У нас в банке «Сити Хандлевы» существует программа «Emerging Markets Champions» («Лидеры развивающихся рынков»), охватывающая свыше 100 стран, в которых действует наша группа. Если у какой-либо польской фирмы есть хороший продукт и идея, как выйти с ним за рубеж, мы поддерживаем ее, создавая инфраструктуру, которая облегчит экспансию. Выигрывают все: фирма, банк, а также государство.

— *Мы много говорим о будущем. А как через 5–10 лет будет выглядеть банковское дело?*

— Традиционная организация банковского дела, когда клиенты обслуживались широкой сетью представительств, уже подошла к концу. Из наших исследований следует, что 90% тех живущих в городах поляков, предпочитают контактировать с банком дистанционно, а не через представительство.

— Но ведь банковское представительство по-прежнему представляет собой важный элемент стратегии по продаже таких продуктов, как ссуды в наличной форме или депозиты.

— Это миф. Вскоре ссуда в наличной форме будет браться кликом по иконке на экране смартфона. Мы как раз тестируем решения такого рода. Некоторые банковские услуги были популярны в представительствах именно из-за бюрократических банковских процедур, а вовсе не потому, что клиентам очень хотелось приходить в подразделение банка. Разумеется, в случае тех продуктов, где требуется консалтинг, всегда будет нужда в непосредственном контакте с банковским консультантом. Но если речь идет о депозитах, ссудах, счетах, тут станет последовательно развиваться стандартизация продуктов, которая в свою очередь заставит автоматизировать соответствующие процессы. Поэтому мы решились на изменение модели дистрибуции банковских услуг в наличной форме и на создание представительств будущего — типа «Смарт».

— Является ли введение Комиссией финансового надзора обязательного собственного вклада в ипотечные кредиты хорошей идеей? Не опасаетесь ли вы падения спроса на ипотеки?

— Считаю это правильными действиями, которые в будущем могут предотвратить немало проблем. Низкие процентные ставки побуждают к инвестированию в недвижимость, из-за чего растет риск возникновения на этом рынке спекулятивного пузыря. Необходимость внести собственный вклад — это предохранитель, установленный в сердце данной системы. Спрос на кредиты не упадет, потому что, если экономика ускорится, то возрастут занятость и зарплаты, а следовательно, и кредитоспособность. Потребители станут меньше опасаться за будущее, так что недостатка в желающих приобрести квартиры не возникнет. Тем более что начнут также расти цены на недвижимость, в результате чего она будет — наряду с чисто «жилищной» целью — восприниматься и как форма инвестиции.

— Должны ли банки найти какое-либо льготное решение, касающееся получателей кредитов в швейцарских франках? Банковские работники объясняют, что случившегося с валютным

курсом невозможно было предвидеть, а клиенты — что их не просветили должным образом по поводу курсового риска. Политики полагают, что данная проблема не носит системного характера, а, стало быть, ею не надо заниматься, тогда как Комиссия финансового надзора — что каждый клиент должен отвечать за свои ошибки, тем более, что любой из них подписывал кучу заявлений, подтверждающих, что он знает, что покупает.

— Считаю, что если банк разъяснил клиенту валютный риск, связанный с взятием на себя долгового обязательства во франках, тогда как зарплату он получает в злотых, то кредитные контракты должны соблюдаться. Не следует поддаваться искушению и допускать, чтобы вследствие недовольства клиента какие-либо договоры предавались забвению. Я не исключаю, что бывали случаи, когда указанные договоры заключались ненадлежащим образом. Если, однако, банк проявил должную тщательность при изложении клиенту базовых свойств валютного кредита, то юридические основания для несоблюдения договоров о кредитах в швейцарских франках слабы. А недавно это подтвердил в том числе и глава КФН.

— *Правительство забрало часть денег, хранившихся в ОПФ, но не предложило взамен никаких стимулов, которые бы подтолкнули нас к тому, чтобы самостоятельно откладывать на пенсию. Не нужны ли, по вашему мнению, дополнительные налоговые льготы, чтобы стимулировать накопление сбережение?*

— Накопление сбережений вытекает из планирования домашнего бюджета. А большинство польских семей не планирует своих финансов. Мы не умеем определить, что является необходимым расходом, что инвестицией и как расставить приоритеты в домашнем бюджете. Поэтому я был бы чрезвычайно осторожен, когда речь заходит о фискальных стимулах. Вовсе не их отсутствие является главной причиной того, что поляки не слишком склонны к накоплению сбережений.

— *Будет ли «Сити Хандлевы» принимать участие в консолидации банков в Польше? «БЗ ВБК» взял под свой контроль «Кредыт Банк», «Райффайзен» проглотил «Полбанк», «ПКО БП» вскоре присоединит банк «Нордеа», «БНП Парибас» хочет купить «БГЖ»...*

— Польские банки в сравнении с европейскими по-прежнему невелики, причем как по абсолютным показателям, так и по отношению к величине экономики. Поэтому, с одной стороны,

у консолидации банковской отрасли есть своя рыночная логика, и эта консолидация будет продолжаться. Однако, с другой стороны, регулятор сформулировал тезис, что структура рынка сейчас оптимальна. И он располагает инструментами, позволяющими заблокировать очередные сделки. Пока мы не состоим в банковском союзе, надзорная политика и оценка системного риска находятся в руках польского регулятора. Если говорить о банке «Сити Хандлевы», то мы делаем ставку на органический рост, и наша стратегия не предполагает аквизиции. «Сити» должен быть в Польше номером один в тех сегментах деятельности, которые выбрал для себя, — в обслуживании международных фирм или состоятельных индивидуальных клиентов.